

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

LOMONOSOV
PHILOLOGY
JOURNAL

Lomonosov Philology Journal

JOURNAL

founded in November 1946
by Moscow University Press

Series 9

PHILOLOGY

NUMBER THREE

MAY - JUNE

Published in 6 issues per year
on behalf of the Faculty of Philology
by Moscow University Press

Moscow University Press • 2026

Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 9

ФИЛОЛОГИЯ

№ 3

МАЙ – ИЮНЬ

Выходит один раз в два месяца

Издательство Московского университета • 2026

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор — **РЕМНЁВА Марина Леонтьевна**, д.ф.н., проф., зав. кафедрой русского языка, президент филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Зам. главного редактора по лингвистике — **КОБОЗЕВА Ирина Михайловна**, д.ф.н., проф. кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Зам. главного редактора по литературоведению — **ТОЛМАЧЁВ Василий Михайлович**, д.ф.н., проф., зав. кафедрой истории зарубежной литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Отв. секретарь по лингвистике — **МУХАЧЁВА Ирина Валерьевна**, к.ф.н., преподаватель кафедры русского языка МГУ имени М.В. Ломоносова

Отв. секретарь по литературоведению — **ЗЫКОВА Галина Владимировна**, д.ф.н., проф. кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Оргсекретарь — **БЕЛАВИНА Екатерина Михайловна**, к.ф.н., доц. кафедры французского языкознания филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ:

АЛЕКСАНДРОВА Ольга Викторовна, д.ф.н., проф., зав. кафедрой английского языкознания, зам. декана филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова по научной работе; **БЕЛИКОВ Александр Евгеньевич**, к.ф.н., доц. кафедры классической филологии, председатель Совета молодых ученых филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; **ВЕНЕДИКТОВА Татьяна Дмитриевна**, д.ф.н., проф., зав. кафедрой общей теории словесности (теории дискурса и коммуникации) филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; **ИВИНСКИЙ Дмитрий Павлович**, д.ф.н., проф. кафедры истории русской литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; **ИЗОТОВ Андрей Иванович**, д.ф.н., проф. кафедры славянской филологии филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; **КОРОВИН Владимир Леонидович**, д.ф.н., проф. кафедры истории русской литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; **ПАХСАРЬЯН Наталья Тиграновна**, д.ф.н., проф. кафедры истории зарубежной литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; **ПЕТРУХИНА Елена Васильевна**, д.ф.н., проф. кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; **РАЗЛОГОВА Елена Эмильевна**, д.ф.н., профессор кафедры французского языкознания филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; **СОЛОПОВ Алексей Иванович**, д.ф.н., проф., зав. кафедрой классической филологии филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; **ТАТЕВОСОВ Сергей Георгиевич**, д.ф.н., проф., зав. кафедрой теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

АМАТУЦЦИ Антонелла (Antonella AmatuZZi), PhD, профессор (Италия, Туринский ун-т); БАКЕС Жан-Луи (Jean-Louis Bакès), д.ф.н., заслуженный профессор (Франция, Ун-т Париж IV); ВРАНЕШ Бранко (Branko Vraneš), д.ф.н., профессор (Сербия, Белградский ун-т); ДАЙ Гуйцзюй (Dai Guiju), PhD, профессор (КНР, Пекинский ун-т иностранных языков); ДЕМЬЯНКОВ Валерий Закиевич, д.ф.н., профессор (Россия, ИЯ РАН); ИНЬКОВА-МАНЗОТТИ Ольга Юрьевна (Olga Inkova-Manzotti), д.ф.н., профессор (Швейцария, Женевский ун-т); КОЛЛАРОВА Эва (Eva Kollárová), PhD, профессор (Словакия, «Русский язык в центре Европы»); ЛЕВЕРС Даниэль (Daniel Leuwers), д.ф.н., заслуженный профессор (Франция, ун-т г. Тур); МИРЧЕВСКА-БОШЕВА Биляна (Biljana Mirchevska Bosheva), д.ф.н., профессор (Северная Македония, Ун-т им. Свв. Кирилла и Мефодия); МИРКУРБАНОВ Насирулла Мирсултанович (Nasirulla Mirkurbanov), к.ф.н., профессор (Узбекистан, Национальный университет Узбекистана им. М. Улугбек); ПЕНЧЕВА Антония Иванова, д.ф.н., доцент (Болгария, УНСС); ПЕТРУХИНА Наталья Михайловна, д.ф.н., профессор (Узбекистан, Узбекский государственный ун-т мировых языков); ПОЛОНСКИЙ Вадим Владимирович, д.ф.н., профессор, чл.-корр. РАН (Россия, ИМЛИ РАН); РОВДО Иван Семенович (Ivan Rovdo), д.ф.н., профессор (Белоруссия, БГУ); РЫЧКОВА Людмила Васильевна, к.ф.н., профессор (Гродненский ГУ, Белоруссия); СОКОЛОГОРСКАЯ Ирен (Irène Sokologorsky), д.ф.н., заслуженный профессор (Франция, Париж VIII); СУВАЙДЖИЧ Бошко (Boško Suvajdzic), д.ф.н., профессор (Сербия, Белградский ун-т); СУЛЕЙМЕНОВА Элеонора Дюсеновна, д.ф.н., профессор (Казахстан, президент Казахстанской ассоциации рус. яз. и лит.); ТЕРКУЛОВ Вячеслав Исаевич, д.ф.н., профессор (Донецкий национальный университет); УХЛИК Младен (Mladen Uhlík), PhD, доцент (Словения, ун-т Любляны); ЦРВЕНКОВСКА Эмилия (Emilija Crvenkovska), д.ф.н., профессор (Северная Македония, Ун-т им. Свв. Кирилла и Мефодия)

Редактор *Т.А. Пирусская*

© Издательство Московского университета, 2026
© «Вестник Московского университета», 2026

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ. ЛИНГВИСТИКА

- Шарандин А.Л., Ф.Ф. Фортунатов* о преподавании грамматики в средней школе в контексте современного ее изучения 9
- Микаллеф Л.О., Кузнецов С.Н.* Проектирование универсальной грамматики в эпоху искусственного интеллекта 20
- Оболенская Ю.Л., Ремнёва М.Л.* Жизнь и деятельность филолога-испаниста и теоретика перевода В.С. Виноградова. К столетию со дня рождения 35
- Киосе М.И., Леонтьева А.В., Агафонова О.В., Петров А.А.* Использование речи и жеста при нечеткой референции в экспозиторном монологе и диалоге 45
- Малеткина М.В.* Смысловое наполнение концепта ПИАР в современном языковом сознании 63
- Каверина В.В.* Об орфографии слова *казак* в диахронии 75
- Николенкова Н.В.* Рассказ Сигизмунда Герберштейна о религии жителей Москвы в русско-церковнославянском переводе середины XVII века 87
- Троицкий П.А.* Κάπτειν или σκάπτειν: об одном разночтении в трактате Галена 'De parvae pilae exercitio' 100

СТАТЬИ. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

- Пахсарьян Н.Т.* От прециозности к мариводажу: жанрово-стилевой эксперимент в ранних романах Мариво 108
- Забудская Я.Л.* Греческая трагедия в переводах А.Ф. Мерзлякова . . . 123
- Гальцова Е.Д.* Русские отголоски в литературных портретах Верлена 1880-х годов 138
- Белавина Е.М.* К вопросу о чистоте рифмы: особенности французской версификации 152
- Лорети А., Меттини Э., Нотина Е.А., Быкова И.А.* «Нельзя жить без надежды»: миф и человеческая стойкость в «Раковине Анатая» Карло Сгорлона 165
- Сорокина С.П.* Петрушка: к бытованию имени персонажа в фольклорном театре 177

<i>Ли Ли.</i> «Москва» Ф. Глинки как претекст стихотворения М. Коро- стовец «Пекин»	189
<i>Катаев В.Б.</i> Чего им не хватает у Чехова?	199

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

<i>Солопов А.И., Антонец Е.В.</i> Всероссийская научная конференция «Классическая филология в контексте мировой культуры — XVIII. Научные чтения, посвященные 90-летнему юбилею Ма- рины Николаевны Славятинской»	205
<i>Зыкова И.В., Красных В.В., Лингарт А.А.</i> II Международная конфе- ренция «Язык, культура, творчество в трансдисциплинарном измерении: традиции и инновации»	213

РЕЦЕНЗИИ

<i>Полосина Н.К.</i> От Гёльдерлина до Элиота: поэзия в поисках со- причастности бытию. Рецензия на кн.: Taylor, Charles. <i>Cosmic Connections. Poetry in the Age of Disenchantment.</i> Cambridge, Massachusetts; London, England: The Belknap Press of Harvard University Press, 2024. 620 p.	220
---	-----

CONTENTS

ARTICLES. LINGUISTICS

- Sharandin A.L.* F.F. Fortunatov on Grammar Teaching in Secondary Schools in the Context of Its Modern Study 9
- Micallef L.O., Kuznetsov S.N.* Constructing a Universal Grammar in the Age of Artificial Intelligence 20
- Obolenskaya Yu.L., Remneva M.L.* The Life and Work of the Philologist-Hispanist and Translation Theorist V.S. Vinogradov: On the Centenary of His Birth 35
- Kiose M.I., Leonteva A.V., Agafonova O.V., Petrov A.A.* Speech and Gesture in Expressing Vague Reference in Expository Monologue and Dialogue 45
- Maletkina M.V.* The Semantic Content of the Concept of PR in the Modern Linguistic Consciousness 63
- Kaverina V.V.* On the Spelling of the Word *казак* in Diachrony 75
- Nikolenkova N.V.* Sigismund Herberstein's Story About the Religion of the Inhabitants of Moscow in the Russian-Church Slavonic Translation in the Middle of the 17th Century 87
- Troitskiy P.A.* Κάπτειν or σκάπτειν: Concerning Variant Readings in Galen's Treatise 'De parvae pilae exercitio' 100

ARTICLES. LITERARY CRITICS

- Pakhsarian N.T.* From Preciousness to Marivaudage: Genre and Style in Marivaux's Early Novels 108
- Zabudskaya Ya.L.* Greek Tragedy in Translations Made by A.F. Merzlyakov 123
- Galtsova E.D.* Russian Echoes in Verlaine's Literary Portraits of the 1880s 138
- Belavina E.M.* On the purity of rhyme: features of french verse 152
- Loreti A., Mettini E., Notina E.A., Bykova I.A.* "You Can't Live Without Hope": Myth and Human Resilience in Carlo Sgorlon's *La conchiglia di Anataj* 165
- Sorokina S.P.* Petrushka: The Origin of the Folk Theatre Character's Name 177

<i>Li Li</i> . F. Glinka's "Moscow" as the Pretext of M. Korostovets' Poem "Beijing"	189
<i>Kataev V.B.</i> What Do They Lack in Chekhov?	199

CHRONICLES OF ACADEMIC LIFE

<i>Solopov A.I., Antonets E.V.</i> All-Russian Scientific Conference "Classics in the Context of the World Culture — XVIII. Dedicated to the 90 th Birthday of Marina Nikolaevna Slavyatinskaya"	205
<i>Zykova I., Lipgart A., Krasnykh V.</i> II International Scientific Conference <i>Language, Culture, Creativity in Transdisciplinary Dimensions: Traditions and Innovations</i>	213

REVIEWS

<i>Polosina N.K.</i> From Hölderlin to Eliot: Poetry in Search of Communion with Being. Taylor, Charles. <i>Cosmic Connections. Poetry in the Age of Disenchantment.</i> Cambridge, Massachusetts; London, England: The Belknap Press of Harvard University Press, 2024. 620 p.	220
---	-----

СТАТЬИ. ЛИНГВИСТИКА

Ф.Ф. ФОРТУНАТОВ О ПРЕПОДАВАНИИ ГРАММАТИКИ В СРЕДНЕЙ ШКОЛЕ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОГО ЕЕ ИЗУЧЕНИЯ

А.Л. Шарандин

*Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина, Тамбов,
Россия; sharandin@list.ru*

Аннотация: В статье представлены педагогические взгляды Ф.Ф. Фортунатова на преподавание русской грамматики в средней школе. Цель статьи — оценить педагогическую значимость его рассуждений на современном этапе школьного изучения русского языка. С этих позиций рассмотрены рассуждения о педагогической цели; о преподавании грамматики в низших и старших классах; о коренной переделке грамматического учения. В теоретическом плане выделено стремление Фортунатова видеть в знаниях человека их антропоцентрический характер, первичность знаний о мире в языке, а не только знаний языка и о языке. В преподавании грамматики родного языка для Фортунатова важна не столько грамматика как формальная наука, сколько грамматика, осознаваемая в тесной связи с мышлением, с пониманием ее изучения как средства и орудия формирования и выражения мысли. В рассуждении о преподавании грамматики в низших и старших классах ценно и значимо то, что представлены разные подходы к ее изучению в них: для низших классов предусмотрено отсутствие систематического усвоения теоретических знаний, для старших — системное изложение грамматического учения. В контексте этого рассуждения рассмотрен принцип преемственности и непрерывности изучения грамматики на разных этапах обучения русскому языку. В рассуждении о коренной переделке грамматического учения в школе проанализирована точка зрения Фортунатова о необходимости больше внимания уделять грамматической форме и тем значениям, которые составляют ее содержание. Данные рассуждения имеют не только педагогическую направленность, но и ценны для понимания научных взглядов Фортунатова, особенно в плане взаимосвязи языка и мышления.

Ключевые слова: Ф.Ф. Фортунатов; русская грамматика; педагогическая цель; язык и мышление; грамматическая форма; современные школьные учебники

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2026-49-03-1

Для цитирования: Шарандин А.Л. Ф.Ф. Фортунатов о преподавании грамматики в средней школе в контексте современного ее изучения // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2026. № 3. С. 9–19.

F.F. FORTUNATOV ON GRAMMAR TEACHING IN SECONDARY SCHOOLS IN THE CONTEXT OF ITS MODERN STUDY

Anatoly L. Sharandin

Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russia; sharandin@list.ru

Abstract: The article presents F.F. Fortunatov's pedagogical views on the teaching of Russian grammar in secondary schools. The purpose of the article is to assess the relevance and pedagogical significance of his arguments at the current stage of school grammar studies, as well as to determine how well modern textbooks reflect the progressive development of Russian studies. From this perspective, the article examines such arguments as: the pedagogical goal; the teaching of grammar in lower and higher grades; and the fundamental transformation of the grammatical doctrine. In terms of theory, Fortunatov's approach emphasizes the anthropocentric nature of human knowledge and the primacy of knowledge about the world in language, rather than just knowledge about language itself. For Fortunatov, teaching the grammar of a native language is not just about grammar as a formal science, but also about understanding grammar as a means of forming and expressing thoughts and conveying them in communication. In the discussion on the teaching of grammar in lower and higher grades, it is valuable and significant that different approaches and principles of studying grammar are presented: for lower grades, there is a lack of systematic acquisition of theoretical knowledge, while for higher grades, there is a systematic presentation of the theory of grammar. In the context of this discussion, the principle of continuity and consistency in the study of grammar at different stages of learning Russian is examined. In the discussion on the fundamental transformation of grammar teaching in schools, Fortunatov's position on the need to focus more on the grammatical form and the meanings that define its content is analyzed. In the context of analyzing Fortunatov's reasoning, it is concluded that it is not only pedagogically oriented but also valuable for understanding Fortunatov's scholarly views, particularly in terms of the relationship between language and thought.

Keywords: F.F. Fortunatov; Russian grammar; pedagogical goal; language and thinking; grammatical form; modern school textbooks

For citation: Sharandin A.L. (2026) F.F. Fortunatov on Grammar Teaching in Secondary Schools in the Context of Its Modern Study. *Lomonosov Philology Journal*, no. 3, pp. 9–19.

270-летию МГУ посвящается

Рассуждения выдающегося лингвиста, академика, профессора МГУ Ф.Ф. Фортунатова о преподавании русской грамматики в сред-

ней школе представляют особый интерес в связи с тем, что в научном наследии ученого школьная методика по существу не представлена. Да и рассуждения не были оформлены как научная публикация, а являются материалами его лекции, прочитанной 27 декабря 1903 г. на съезде преподавателей русского языка в военно-учебных заведениях. Правда, впоследствии они были представлены в «Трудах...» этого съезда в 1904 году и вошли во 2-й том «Избранных трудов» Ф.Ф. Фортунатова (ссылки даются по: [Фортунатов 1957]); все курсивные выделения в цитатах принадлежат мне. — А.Ш.).

Приглашение выступить по проблеме преподавания русского языка в учебных заведениях было воспринято Фортунатовым, по его выражению, как «лестное», поскольку в нем он увидел признание и оценку значимости своей деятельности как «бывшего университетского преподавателя науки, занимающейся исследованием человеческого языка» [Фортунатов 1957: 429]. Это свидетельствует о том, что для учителей съезда было небезразлично мнение общепризнанного ученого о соотношении научного и школьного подходов к преподаванию русского языка. Оно позволяло обсудить и осмыслить взаимосвязь школьного практического опыта и результатов университетской науки. Кроме того, такой интерес со стороны учителей наглядно свидетельствует об их стремлении учитывать результаты научных поисков в школьном образовании, что, несомненно, актуально и для сегодняшней ситуации в связи с созданием федерального учебника по русскому языку.

Думается, такая взаимосвязь с учителями была значимой и для Фортунатова, особенно в области изучения русской грамматики, которая была одной из центральных в его научной деятельности. При этом, вероятно, обращалось внимание и на школьное ее изучение, иначе он не стал бы давать неудовлетворительную оценку школьному преподаванию грамматики. Кстати, такая оценка давалась и самими учителями. При этом речь идет об общей неудовлетворительной оценке безотносительно к какому-то конкретному факту в изучении грамматики.

Мы не собираемся делать аналогичный вывод относительно преподавания грамматики в современной школе, хотя непосредственное и дистанционное общение с учителями позволяет оценивать состояние преподавания грамматики и шире — русского языка как *тревожное*. Нашей **целью** является оценить рассуждения акад. Ф.Ф. Фортунатова с позиций их актуальности, востребованности в действующих школьных учебниках, поскольку этим рассуждениям более 120 лет. Насколько современные учебники отразили поступательное развитие русистики? Насколько *дискуссионный характер современных знаний* [Золотова 2005] учитывает, с одной

стороны, стремление сохранять *традиции* в их содержании и устоявшейся форме изучения, а с *другой стороны*, необходимость включать *инновационный материал*, ведь его накопление сопровождается *качественным изменением* некоторых взглядов по различным вопросам изучения и описания русского языка?

1. Ф.Ф. Фортунатов о педагогической цели

Ф.Ф. Фортунатов свой взгляд на преподавание грамматики в средней школе связывает со своим пониманием **педагогической цели**, которой он посвящает самостоятельное рассуждение. Не отрицая практической значимости усвоения грамматики, Фортунатов видит *основную педагогическую цель* в ее изучении *в теоретическом плане*. При этом он, сравнивая теоретическое изучение русского языка и иностранного, выделяет существенный момент, различающий их. По его мнению, «изучение грамматических явлений родного языка может даже давать *для развития мыслительных способностей учащихся* больше того, что дают для этой цели теоретические занятия иностранного языка» [Фортунатов 1957: 433]. И каким актуальным и современным оказывается это различие для преподавания русской грамматики! Фортунатов убежден, что «родной язык так тесно связан с внутренним **я** каждого говорящего и думающего на нем, что каждый, кто приступает к теоретическому изучению явлений родного языка, должен производить *умственную работу сознательного отвлечения* по отношению к фактам внутреннего опыта» [Там же: 433].

Наиболее существенным и значимым для среднего образования является, с точки зрения Фортунатова, «чтобы учащиеся приобретали вместе с развитием умственных способностей известное количество *знаний о человеке и окружающем его мире*, тех знаний, которые *ценны сами по себе*, т. е. ценны по тому, **что** они дают нашему уму» [Там же: 433]. В этом налицо стремление Фортунатова видеть в знаниях человека их антропоцентрический характер, *первичность знаний о мире в языке*, а не только знаний языка и о языке. Даже в своей теории частей речи (грамматических классов слов) он оказывается ученым, который осознавал значимость взаимосвязи языка и мышления.

Другое дело, что для него, на наш взгляд, было важно *не смешение лексики и грамматики*. Именно это он особо выделяет в качестве третьей категории крупных ошибок в той грамматической теории, какая излагается в школьных учебниках грамматики его времени: «ошибочное смешение грамматических классов отдельных ли слов, или сочетаний слов с классами того, *что* обозначается или выражается отдельными словами и сочетаниями слов» [Там же: 446]. С на-

шей точки зрения, Фортунатов обосновал *принцип использования грамматической формы* в качестве критерия выделения частей речи и их формализации [Шарандин 2018]. Он писал: «Грамматические классы слов образуются присутствием в словах форм, а существуют они, понятно, не отдельно от индивидуальных слов, но в самых индивидуальных словах, т. е. слова одного и того же грамматического класса — это индивидуальные слова, однородные по общей их форме, следовательно, по общему для них обозначению чего-то общего...» [Фортунатов 1957: 446]. В этом случае грамматика является для Фортунатова той дисциплиной, которая имеет свою педагогическую ценность и значимость.

Осознавая, что многие слушатели его лекции будут не согласны с его мнением о том, что «изучение грамматики в школе может давать знания ценные, важные для общего образования» [Там же: 434], Фортунатов определяет *причину в разных взглядах* по этому вопросу. Он считает, что такой причиной является «различие во взгляде на язык в его отношении к мысли», и посвящает этому отдельное рассуждение. С его точки зрения, «тот, кто не привык думать об отношении языка к мысли, замечает главным образом лишь *внешнее проявление*, обнаружение связи, существующей между мышлением и языком: язык представляется *средством выражения* наших мыслей. И при таком взгляде сознается тесная связь языка с мышлением, но только при этом предполагается, будто мысль, обнаруживающаяся в речи, сама существует, развивается совершенно независимо от слов, подобно тому как в нашей речи вместе с мыслями выражаются и различные наши чувствования (например, в словах-междометиях или в видоизменениях тона речи), которые сами действительно существуют, развиваются независимо от слов» [Там же: 434–435].

Признавая справедливость определения языка как средства выражения мыслей, Фортунатов, однако, усматривает недостаточность такого определения, поскольку язык является еще и *орудием* формирования мысли, «орудием для мышления» [Там же: 435]. В этом плане, по его мнению, «язык... существует потому, что он существует в нашем мышлении; слова в нашей речи непосредственно выражают, обнаруживают такие мысли, в состав которых входят представления тех же слов как знаков для мышления» [Там же: 435]. Более того, с точки зрения Фортунатова, «имея представления слов, мы получаем возможность думать и о том, что непосредственно вовсе не могло бы быть представлено в нашем мышлении» [Там же: 436]. Речь идет о представлении словом таких обобщенных и отвлеченных предметов мысли, как, например, *береза вообще*. «Представление слова *береза* является в своем мышлении представлением знака, общего для индивидуальных берез, т. е. представлением

знака для различных индивидуальных берез в общих всем им свойствах» [Там же: 436].

Таким образом, Фортунатов приходит к выводу о том, что «*основная задача* формирования грамматики родного языка в средней школе... состоит в том, чтобы вызывать в учащихся сознательное отношение к явлениям, существующим в том языке, на котором они думают и говорят» [Там же: 436]. Это значит, что в преподавании грамматики родного языка для Фортунатова важна не столько грамматика как формальная наука, сколько грамматика, осознаваемая в тесной связи с мышлением, с пониманием ее изучения как средства и орудия формирования и выражения мысли, ее передачи в общении.

На наш взгляд, в контексте этих рассуждений Фортунатова, в современных учебниках должны находить отражение материалы когнитивного осмысления языковых фактов, прежде всего связанных с основными мыслительными процессами, — концептуализацией и категоризацией мира в языке. К сожалению, мы не имеем в настоящее время *системного* представления когнитивного аспекта в школьном изучении грамматики, хотя большинством лингвистов признается антропоцентрический характер наших знаний о мире, а сама эпоха характеризуется как эпоха антропоцентризма. Формирование и развитие последнего обусловлено новой научной парадигмой знаний, пришедших на смену системоцентрическому изучению языка, которое исходило из уровневого устройства языковой системы. В этом случае знания в большей степени были ориентированы на знание языка и знания о языке. Несомненно, эти типы знаний обязательно присутствуют в том или ином объеме в сознании носителей языка, являясь необходимой предпосылкой самого владения языком. Однако при этом внимание в меньшей степени уделялось познавательным процессам, таким как концептуализация и категоризация мира, и их репрезентации в языке, а также связи с коммуникацией как сферой передачи знаний о действительности языковым способом. Поэтому на современном этапе развития русистики формирование и овладение коммуникативными способностями оказываются в центре изучения русского языка и признаются приоритетными в его школьном преподавании. Произошло переключение внимания исследователей со статических результатов структурно-семантического (системно-структурного) описания языка на результаты, которые являются следствием динамического описания языковых процессов, в большей степени ориентированных на функциональные и деятельностные возможности носителя языка. Вот почему в своих рассуждениях Фортунатов отмечает, что «в преподавании русской грамматики в старших клас-

сах особенно видное место должен иметь отдел синтаксиса» [Там же: 439]. Именно синтаксис ориентирован на формирование законченной мысли и тем самым определяет отношения между словами в высказывании, в котором слова предстают в той или иной грамматической форме с ее значением.

2. Ф.Ф. Фортунатов о преподавании грамматики в низших и старших классах

Рассуждение Ф.Ф. Фортунатова о преподавании грамматики в низших и старших классах включено в его лекцию не случайно, поскольку речь идет о *разных подходах и принципах изучения грамматики* в них. С точки зрения Фортунатова, «нельзя ждать от учеников низших классов школы чисто теоретического интереса к изучению грамматических явлений родного языка» [Там же: 438]. Вследствие этого, а также ввиду тесной связи, существующей между родным языком и внутренним **Я** каждого говорящего на нем, он не видит практической значимости в систематическом изучении грамматической теории в низших классах. Это связано с тем, что «надо соображаться со степенью понимания учащихся в низших классах, а далеко не всё, при систематическом изучении грамматики, было бы доступно для их понимания» [Там же: 437]. Одной из причин, которые обуславливают трудности для понимания теоретических сведений, является *отвлеченный характер некоторых материалов и грамматических терминов*.

Если обратиться к современному учебнику начальных классов, мы легко найдем подтверждение правомерности и актуальности рассуждения Фортунатова об увлечении теоретическим материалом. Он вряд ли доступен полноценному осознанию младшими школьниками, поскольку достигает такого уровня абстракции, который не учитывает возрастных и когнитивных особенностей учащихся, противоречит их «здравому смыслу». Например, в начальных классах значение существительного как части речи определяется через понятие предмета *в широком смысле*, т. е., по существу, как *философское понятие*. Однако при этом не учитывается то, что речь младших школьников, по данным ее исследователей, представлена в основном конкретными существительными, реже встречаются вещественные и незначительную долю составляют абстрактные существительные. Немаловажно и то, что еще до изучения языка в школе ребенок получил житейское, донаучное представление о предмете, признаке или действии, которые осмысливаются посредством сенсорно-перцептивного отражения предметов и явлений действительности.

Что же касается старших классов, то здесь преподавание грамматики представляется Фортунатову *иным*, поскольку «возможно теоретическое изучение русской грамматики в систематическом изложении». Однако и здесь, по его мнению, «необходимо, конечно, отправляться от конкретных фактов, существующих в языке, на котором говорят и думают учащиеся...» [Там же: 438–439]. В этом плане главное внимание, считает Фортунатов, следует сосредоточить «на значениях, принадлежащих различным формам языка, и, следовательно, на отношении языка к мышлению...» [Там же: 439].

А что мы находим в *школьном морфологическом разборе*? В федеральном учебнике «Русский язык»: 5 класс / под ред. Т.А. Ладыженской в *первом пункте* необходимо определить общее значение части речи. Несомненно, это важно, но при этом целесообразно не столько осмыслить общее значение части речи, которое в принципе всегда будет одним и тем же, сколько *определить словарное толкование* или определить *конкретный* (по Фортунатову, *индивидуальный*) *смысл* анализируемого слова. И уже на этой основе, далее, объяснить связь конкретных значений с общим значением части речи [Шарандин 2023], т. е. мотивировать включение конкретного слова с его индивидуальным значением в часть речи, производя «умственную работу сознательного отвлечения» [Фортунатов 1957: 433] по отношению к индивидуальным значениям и тем самым формируя, например, грамматическое понимание предметности (предмета).

Кроме того, знание словарного значения позволяет избежать концептуальных ошибок. Так, например, анализируя глагол *лаять* в значении «издавать лай (о собаках, лисице)» учащиеся на задание проспрягать этот глагол часто дают полную личную парадигму словоизменения (*лаю, лаешь, лает*), тогда как *в этом значении* не употребляются формы 1–2 лица, если не произошло олицетворение животных, если нет их перехода на признак «человеческий». Вот почему для Фортунатова и важно было приведение формы в соответствии с ее грамматическим значением. Именно отсутствие должного внимания к грамматической форме определяет, по его мнению, многие недостатки в преподавании русской грамматики, что и обуславливает необходимость пересмотра подхода к ее изучению.

3. Ф.Ф. Фортунатов о «коренной переделке» грамматического учения

Наибольшую неудовлетворенность преподаванием грамматики Ф.Ф. Фортунатов связывает с тем, «*что* преподается на уроках русской грамматики». Он считает, что «в настоящее время требуется *коренная переделка того учения*, какое излагается в школьных учебниках грамматики» [Там же: 440].

А какое грамматическое учение излагалось в учебниках во времена Фортунатова? В самом общем виде, это было учение, в котором преобладала практическая цель, ориентированная в значительной степени на изучение правописания. По мнению же Фортунатова, «ошибочно... думать, будто преподавание грамматики родного языка в школе необходимо для усвоения учащимися требований правописания», и делает вывод о том, что «грамматике ведь, собственно, нет дела до правописания; грамматика сама по себе, грамматика как наука вовсе не занимается вопросами правописания» [Там же: 431]. Это не означает, что Фортунатов не видел взаимосвязи и взаимодействия между грамматикой и правописанием, но он не определял эту взаимосвязь и взаимодействие как основную цель изучения грамматики в школе. Поэтому, с его точки зрения, в преподавании грамматики больше внимания должно уделяться грамматической форме и тем значениям, которые определяют ее содержание. Именно в этом направлении ему и представлялась коренная перестройка грамматического учения в школе.

Если с этих позиций обратиться к современным школьным учебникам, то вопрос о том, какое грамматическое учение в них представлено, оказывается одним из наиболее актуальных и спорных. Если судить по школьным определениям частей речи, то это, скорее всего, реализация лексико-грамматического учения. Однако, если судить по конкретным фактам языкового анализа, это может быть подвергнуто сомнению. Показательным в этом плане является материал о выделении причастия и деепричастия в качестве самостоятельных частей речи в федеральном учебнике под ред. Т.А. Ладыженской. Данное решение отражает точку зрения акад. Н.М. Шанского. По его мнению, «учитывая двойственную природу причастий, одинаково яркие и сильные признаки в них и глагола, и имени прилагательного, целесообразно выделять их в самостоятельную часть речи» [Шанский, Тихонов 1981: 214].

Исключая широкое обсуждение данного вопроса в рамках настоящей статьи, отметим следующее. Если считать гибридность показателем отдельности некоторой части речи, то надо быть последовательным и в отношении других гибридных образований в русском языке, состав которых не ограничивается только причастием и деепричастием [Шарандин 2019]. Так, придется выделять, например, порядковые слова типа *пятый* в качестве самостоятельной части речи, поскольку они сочетают в себе лексическую семантику количественного числительного и грамматическую семантику прилагательного. В такой же ситуации окажется и статус качественных наречий типа *весело, тихо*, лексически связанных с качественными прилагательными, а грамматически — с наречиями. Но,

главное, в этом случае возникает вопрос о теоретических последствиях такого решения, поскольку такой подход *потребуется изменений в понимании форм слова* как образований, лексически тождественных, но различающихся грамматически [РГ-80: 454]. В частности, в случае с причастием и деепричастием грамматические различия оказываются связанными с синтаксисом, что и позволяет исследователям определять их статус в деривационном формообразовании глагола как синтаксических дериватов (по Е. Куриловичу), т. е. как особых его форм.

Таким образом, рассуждения Ф.Ф. Фортунатова о преподавании грамматики в средней школе, несмотря на то, что им более 120 лет, не потеряли своей актуальности и сохраняют значимость и современность восприятия. Можно сделать вывод, что рассуждения самого Ф.Ф. Фортунатова не только имеют педагогическую направленность, но и ценны для понимания его научных взглядов, особенно в плане взаимосвязи языка и мышления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Золотова Г.А. О традициях и тенденциях в современной грамматической науке // Традиции и тенденции в современной грамматической науке. М., 2005. С. 7–19.
2. РГ-80: Русская грамматика. Т. 1. М., 1980.
3. Фортунатов Ф.Ф. О преподавании грамматики русского языка в средней школе / Фортунатов Ф.Ф. Избранные труды. Т. 2. М., 1957. С. 427–462.
4. Шанский Н.М., Тихонов А.Н. Современный русский язык. Ч. 2. Словообразование. Морфология. М., 1981.
5. Шарандин А.Л. Грамматическое учение Ф.Ф. Фортунатова и его последователей в контексте теории о частях речи русского языка // Фортунатовские чтения в Карелии. Петрозаводск, 2018. С. 22–24.
6. Шарандин А.Л. Научный комментарий как формат знаний: на материале федеральных учебников русского языка. М., 2023.
7. Шарандин А.Л. Категориальная природа и языковой статус синтаксической деривации (на материале русского глагола) // Вопросы когнитивной лингвистики. 2019. № 4. С. 28–36.

REFERENCES

1. Zolotova G.A. O traditsiyakh i tendentsiyakh v sovremennoy grammaticheskoy nauke [On traditions and trends in modern grammatical science]. *Traditsii i tendentsii v sovremennoy grammaticheskoy nauke* [Traditions and trends in modern grammatical science]. Moscow, Moscow University Publishing House, 2005, pp. 7–19. (In Russ.)
2. RG-80: *Russkaya grammatika*. T. 1 [RG-80: Russian Grammar. Vol. 1.]. Moscow, Nauka, 1980. 784 p. (In Russ.)
3. Fortunatov F.F. O prepodavanii grammatiki russkogo iazyka v sredney shkole [On teaching grammar of the Russian language in secondary schools]. Fortunatov F.F. Selected Works, D. 2. Moscow, Publishing House of the Ministry of Education of the RSFSR, 1957, pp. 427–462. (In Russ.)

4. Shansky N.M., Tikhonov A.N. *Sovremennyi russkii iazyk. Ch. 2. Slovoobrazovanie. Morfologiya* [Modern Russian Language. Part 2. Word Formation. Morphology]. Moscow, Prosveshchenie, 1981. 270 p. (In Russ.)
5. Sharandin A.L. *Grammaticheskoe uchenie F.F. Fortunatova i ego posledovatelej v kontekste teorii o chastyakh rechi russkogo iazyka* [The Grammatical Theory of F.F. Fortunatov and His Followers in the Context of the Theory of Parts of Speech in the Russian Language]. *Fortunatovskie chteniia v Karelii* [Petrozavodsk Fortunatov Readings in Karelia]. Petrozavodsk: PetrSU, 2018, pp. 22–24. (In Russ.)

Поступила в редакцию 12.09.2025

Отредактирована 15.11.2025

Принята к публикации 21.04.2026

Received 12.09.2025

Revised 15.11.2025

Accepted 21.04.2026

ОБ АВТОРЕ

Анатолий Леонидович Шарандин — д.ф.н., профессор, профессор кафедры русского языка, русской и зарубежной литературы факультета истории, политологии и филологии ТГУ имени Г.Р. Державина; sharandin@list.ru

ABOUT THE AUTHOR

Anatoly L. Sharandin — Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian Language, Russian and Foreign Literature at the Faculty of History, Political Theory and Philology, Derzhavin Tambov State University; sharandin@list.ru

ПРОЕКТИРОВАНИЕ УНИВЕРСАЛЬНОЙ ГРАММАТИКИ В ЭПОХУ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Л.О. Микаллеф

*Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
Москва, Россия; larisa.olegovna@gmail.com*

С.Н. Кузнецов

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; univer1755@yandex.ru*

Аннотация: В статье рассматривается эволюция идей универсальной грамматики от средневековых мистических проектов до современных исследований, основанных на методах искусственного интеллекта и обработке больших типологических данных. Показано, что уже в XII веке Хильдегарда Бингенская предприняла попытку создания искусственного языка *Lingua Ignota*, который можно рассматривать как символического предшественника более поздних универсальных языковых проектов. В последующие столетия идея универсальности получила развитие в различных направлениях: в нормативно-проектных моделях универсального языка (философские языки, волапюк, эсперанто), в логико-грамматической традиции «Грамматики Пор-Рояля», а также в концепции универсальной грамматики Н. Хомского как гипотезе о врожденной языковой способности человека. Особое внимание уделяется вкладу Рене де Соссюра, применившего логико-лингвистические принципы к анализу эсперанто и естественных языков. В статье проводится разграничение между универсальным языком как проектом международной коммуникации, универсальной грамматикой в генеративной лингвистической традиции и типологическими универсалиями как эмпирически выявляемыми межъязыковыми закономерностями. Рассматриваются современные дискуссии о возможностях и ограничениях универсального языка в условиях глобализации через призму зарубежных исследований и российской научной традиции, затрагивающей проблему сохранения языкового многообразия. Отдельный раздел посвящен использованию типологической базы данных Grambank в сочетании с методами искусственного интеллекта для автоматизированного выявления межъязыковых универсалий. Показано, что на основе статистически подтвержденных закономерностей возможно экспериментальное моделирование универсальной грамматической структуры как вычислительной модели, опирающейся на широкий эмпирический материал. Делается вывод о том, что универсальная грамматика выступает не только как теоретическая конструкция, но и как перспективное направление междисциплинарного моделирования в современной лингвистике.

Ключевые слова: универсальная грамматика; искусственные языки; естественные языки; вычислительное моделирование; эсперанто; лингвистическая типология; искусственный интеллект

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2026-49-03-2

Для цитирования: Микаллеф Л.О., Кузнецов С.Н. Проектирование универсальной грамматики в эпоху искусственного интеллекта // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2026. № 3. С. 20–34.

CONSTRUCTING A UNIVERSAL GRAMMAR IN THE AGE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE

Larisa O. Micallef

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia; larisa.olegovna@gmail.com

Sergej N. Kuznetsov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; univer1755@yandex.ru

Abstract: The article examines the evolution of the idea of universal grammar from medieval mystical projects to contemporary research based on artificial intelligence methods and the processing of large-scale typological data. It is shown that as early as the 12th century, Hildegard of Bingen attempted to create the artificial language *Lingua Ignota*, which may be regarded as a symbolic precursor to later universal language projects. In subsequent centuries, the idea of universality developed along several lines: in normative and project-oriented models of a universal language (philosophical languages, Volapük, Esperanto), in the logical-grammatical tradition of the Port-Royal Grammar, and in Noam Chomsky's concept of universal grammar as a hypothesis about the innate human faculty of language. Particular attention is paid to the contribution of René de Saussure, who applied logical and linguistic principles to the analysis of Esperanto and natural languages. The article draws a distinction between a universal language as a project of international communication, universal grammar in the generative linguistic tradition, and typological universals understood as empirically identified cross-linguistic regularities. Contemporary debates on the possibilities and limitations of a universal language in the context of globalization are examined through the lens of both international scholarship and the Russian academic tradition, which addresses the issue of preserving linguistic diversity. A separate section is devoted to the use of the typological database Grambank in combination with artificial intelligence methods for the automated identification of cross-linguistic universals. It is argued that statistically confirmed regularities make it possible to undertake experimental modeling of a universal grammatical structure as a computational model grounded in extensive empirical data. The study concludes that universal grammar functions not only as a theoretical construct but also as a promising direction of interdisciplinary modeling in contemporary linguistics.

Keywords: universal grammar; artificial languages; natural languages; computational modeling; Esperanto; linguistic typology; artificial intelligence

For citation: Micallef L.O., Kuznetsov S.N. (2026) Constructing a Universal Grammar in the Age of Artificial Intelligence. *Lomonosov Philology Journal*, no. 3, pp. 20–34.

Введение

Проблема универсальности языка занимает особое место в истории лингвистической мысли, однако само понятие «универсальность» употребляется в разных значениях и относится к различным исследовательским традициям. С одной стороны, под универсальностью понимается проектирование универсального языка как средства международного общения: от средневековых и так называемых философских языков до эсперанто, интерлингвы, словио и других современных проектов. С другой стороны, термин «универсальная грамматика» используется в двух различных научных контекстах. В типологической традиции речь идет о совокупности эмпирически выявляемых языковых универсалий, устанавливаемых на основе сопоставления языков мира. В генеративной лингвистической парадигме универсальная грамматика понимается как гипотеза о врожденном когнитивном компоненте, лежащем в основе грамматической организации естественных языков. Таким образом, универсальный язык представляет собой сознательно сконструированное средство коммуникации, тогда как универсальная грамматика — теоретическую модель, направленную на объяснение общих свойств естественных языков.

Цель настоящего исследования — проследить, как трансформировалось понимание универсальности в языкознании: от попыток сознательного конструирования универсального языка к формированию теории универсальной грамматики и далее к современным типологическим и вычислительным подходам, основанным на обработке больших массивов языковых данных. Особое внимание уделяется различию между нормативно-проектным и дескриптивно-аналитическим пониманием универсальности.

В статье рассматриваются исторические и теоретические этапы формирования этих подходов, а также обсуждаются возможности применения цифровых ресурсов и методов искусственного интеллекта для выявления типологических закономерностей. При этом подчеркивается, что использование вычислительных инструментов не предполагает конструирования универсальной грамматики в хомскианском смысле, а направлено на эмпирическое моделирование распределения языковых признаков.

Понятие системности в естественных и искусственных языках

В настоящей статье речь пойдет о двух типах человеческих языков: естественных и искусственных. Естественные языки формировались в процессе длительного исторического развития, что обусловило сосуществование различных словообразовательных и грамматических моделей, включая как продуктивные, так и исторически закрепленные формы. В искусственных языках, напротив, степень регулярности обычно задается сознательно на этапе проектирования, что направлено на упрощение усвоения языка. Так, в эсперанто уменьшительные формы образуются с помощью суффикса *-et-*, который последовательно присоединяется к корню слова: *tablo* «стол» — *tableto* «столик», *seĝo* «стул» — *seĝeto* «стульчик». В русском же языке уменьшительные образования реализуются через несколько моделей: *стол* — *столик*, *стул* — *стульчик*, *угол* — *уголок*, *двор* — *дворик*. Подобная вариативность отражает историческое развитие языка и взаимодействие морфонологических факторов. Таким образом, различия в словообразовательных моделях обусловлены исторической эволюцией и закреплением форм в языковой практике, что создает видимость отсутствия регулярности.

Тем не менее, вслед за Фердинандом де Соссюром (1857–1913) лингвистика утверждает, что язык — это система [Соссюр 1999: 68–80]. Под этим понимается сложная многоуровневая организация, где фонетический, морфологический, синтаксический и лексический уровни находятся во взаимосвязи и подчиняются внутренним закономерностям. Язык не является хаотическим набором элементов, он предстает как структурированное целое [Всеволодова 2000]. Вопрос о системности языка по-разному интерпретируется в различных теоретических направлениях. Так, в системно-функциональной лингвистике М. Хэллидея язык рассматривается как сеть взаимосвязанных систем, ориентированных на выражение значений. Грамматические категории трактуются не изолированно, а как функциональные средства реализации трех метафункций — эмпирической, межличностной и текстуальной. С этой точки зрения вариативность форм не противоречит системности, поскольку каждая грамматическая оппозиция соотносится с определенным типом значения и коммуникативной задачей. Таким образом, язык предстает не как совокупность симметричных формальных моделей, а как динамическая система функциональных выборов [Halliday 1985], что и объясняет разнообразие форм в естественных языках: в русском, *житель Москвы* — *москвич*, но *житель Одессы* — *одессит*, а *житель Уфы* — *уфимец*; в английском языке также различные деривационные типы: *Londoner* «житель Лондона», *Brummie* (или

Brummy) «житель Бирмингема», *Bathonian* «житель Бата». В искусственных языках, напротив, словообразовательные модели обычно задаются проектно и реализуются последовательно. Так, в эсперанто названия жителей образуются при помощи суффикса *-ano* (*Moskvo* — *moskvano*, *Odeso* — *odesano*), что демонстрирует сознательно поддерживаемую регулярность деривации.

Истоки универсального языка

В современной лингвистике естественный язык рассматривается как исторически сложившаяся система, включающая как продуктивные и регулярные модели, так и нерегулярные формы, закреплённые традицией и обусловленные историческим развитием. Идея «идеальной системы», которая хорошо реализуется в искусственных языках, впервые зародилась в XII веке, благодаря немецкой аббатисе, богослову и философу Хильдегарде Бингенской (1098–1179), которую уже при жизни считали пророчицей. С четырнадцати лет она жила в монастыре близ Бингена, где получила исключительное образование: изучала семь свободных искусств (грамматику, риторику, диалектику, музыку, геометрию, арифметику и астрономию), а также труды отцов Церкви. Такое сочетание богословия и системных дисциплин сделало ее одной из самых образованных женщин Средневековья. Хильдегарда известна как автор богословских и медицинских трактатов, сочинений о природе и музыке. Однако особое место в ее наследии занимает создание *Lingua ignota*, традиционно переводимого как «неизвестный язык». Авторы данной статьи предлагают уточненный перевод — «неведомый язык», поскольку речь идет не о том, что язык был неизвестен другим, а о том, что его слова являлись самой Хильдегарде в видениях и не происходили из латыни.

Этот проект уникален: сохранившийся словарь включал около 900 слов, не имеющих прямых аналогов в известных европейских языках. Лексика строилась иерархически: от божественного и ангельского к человеку, предметам и явлениям мира. Для записи использовался особый алфавит из 23 букв, отличный от латинского [Дуличенко 1990: 24–25]. При этом грамматический строй ориентировался на латынь: синтаксис оставался узнаваемым, но каждое слово имело «тайный смысл», будучи лишено прозрачных корней. Причина создания языка Хильдегарды остается предметом дискуссий. Для одних исследователей это мистический «ангельский код», средство личного общения с Богом, для других — ранний эксперимент в построении универсальной системы знаков. В любом случае *Lingua ignota* стала первым засвидетельствованным искусственным языком Европы, своеобразным мостом между мистикой и рацио-

нальностью. Этот опыт показал, что язык можно не только наследовать от предков, но и сознательно проектировать. Искусственные языки тем самым приближаются к той системности, которую постулировал Фердинанд де Соссюр.

Таким образом, «неведомый язык» XII века можно рассматривать как символического предшественника современных универсальных моделей. Он наглядно демонстрирует, что стремление к языку-посреднику между различными мирами, духовным, культурным или социальным, сопровождает человечество на протяжении веков. С Хильдегарды Бингенской начинается новая веха в истории: эпоха, когда язык впервые создается сознательно и целенаправленно, а не только стихийно, что открывает путь к будущему «синтезирующему» языкознанию, изучающему искусственные языки.

Опыт создания *Lingua Ignota* предвосхитил более поздние поиски универсального языка. Если в XII веке «неведомый язык» выполнял преимущественно сакральную функцию, то в эпоху Возрождения и Просвещения идея универсальности получила рациональное переосмысление. Наряду с проектами философских языков, направленными на создание универсального средства общения, формируется и иная линия исследований — попытка выявить общие принципы, лежащие в основе естественных языков. Если в проектах универсального языка универсальность понималась как создание единого средства коммуникации, то в XVII веке происходит методологический сдвиг: внимание исследователей переносится с конструирования языка на описание его общих логико-грамматических оснований. Универсальность начинает трактоваться не как нормативный проект, а как свойство грамматической организации человеческой речи. «Грамматика Пор-Рояля», созданная в 1660 году Антуаном Арно и Клодом Лансло, стала одной из первых попыток систематического описания таких универсальных оснований. В отличие от проектов универсального языка, ее авторы не стремились создать новое средство общения, а ставили задачу выявить общую логическую структуру, лежащую в основе различных языков. Язык рассматривался ими как выражение операций мышления: существительные и прилагательные соотносились с представлением, глаголы — с суждением. Анализируя французский, латинский, греческий, еврейский и другие языки, Арно и Лансло стремились показать, что за их многообразием скрываются общие логические принципы. Тем самым «Грамматика Пор-Рояля» обозначила переход от нормативных проектов универсального языка к теоретическому поиску универсальных грамматических оснований, что впоследствии стало важным направлением в философии языка и лингвистической теории [Арно 1998].

Социально реализованные проекты универсального языка: волапюк и эсперанто

Следующий важный этап связан с возникновением теоретической программы лингвопроектирования. Аббат Марен Мерсенн, получив анонимный проспект с призывом к созданию всеобщего языка, переслал его Рене Декарту. В ответном письме от 20 ноября 1629 года Декарт изложил основные принципы такого проекта, которые стали концептуальной основой дальнейших исследований в этой области и во многом определили направление работ вплоть до появления в 1879 году волапюка — первого социально реализованного искусственного языка, созданного немецким прелатом И.М. Шлейером (1831–1912). Свой замысел он впервые изложил в статье, опубликованной в литературно-религиозном журнале «Арфа Сиона» под названием «Проект всемирного языка и всемирной грамматики для образованных людей всех наций Земли» [Кузнецов: 1987: 56]. Не прошло и десяти лет после появления волапюка, как в 1887 году польский врач-офтальмолог и полиглот Л.Л. Заменгоф представил миру эсперанто. В отличие от предшественников, этот язык не только оказался пригодным для реального общения, но со временем даже нативизировался, став для некоторых говорящих вторым родным языком. Именно это сделало эсперанто одним из самых обсуждаемых искусственных языков и чрезвычайно интересным объектом для современных лингвистов. Заменгоф задумывал свой проект как идеально системный язык, полностью лишенный исключений. Словообразование в нем строилось строго по единым правилам, а, например, названия жителей городов формировались с помощью одного универсального суффикса, как было продемонстрировано выше. Однако после того, как автор добровольно передал язык сообществу эсперантистов, его система начала постепенно меняться. Живое употребление привнесло в эсперанто фразеологизмы, заимствованные из первых языков говорящих, омонимы и даже некоторые исключения, сблизив его с естественными языками. Тем не менее благодаря устойчивой регулярности морфологии и прозрачной деривационной системе эсперанто остается одним из наиболее структурно упорядоченных международных вспомогательных языков. Его развитие демонстрирует, что даже искусственно спроектированная языковая система в условиях социального функционирования подвержена динамике и изменению, что сближает ее с историческими языками [Микаллеф 2024].

Универсальная грамматика Ноама Хомского: когнитивная интерпретация универсальности

В XX веке идея универсальности получила принципиально иное теоретическое осмысление в рамках генеративной лингвистики Ноама Хомского. Универсальная грамматика в его трактовке не связана с проектированием универсального средства общения, а понимается как гипотеза о врожденном компоненте языковой способности человека. Согласно этой концепции, все естественные языки опираются на общий набор структурных принципов, задающих пределы возможных грамматических систем. Языковая способность рассматривается Хомским как биологически обусловленная когнитивная функция. Центральное место в теории занимает представление о языке как вычислительной системе, способной порождать бесконечное множество структур посредством рекурсивной операции *Merge*. В ранних работах, включая *Syntactic Structures*, язык рассматривается как ментальная вычислительная система, ограниченная набором врожденных принципов [Chomsky 1957: xii], что противопоставлялось бихевиористским моделям усвоения языка. В отличие от типологического понимания универсалий как эмпирически выявляемых закономерностей, универсальная грамматика в хомскианской традиции трактуется как теоретическая модель, объясняющая когнитивные основания грамматической организации. Таким образом, универсальность здесь понимается скорее как предположение о единой биологической основе языковой способности.

Логико-лингвистическая концепция Рене де Соссюра

Если обратиться к малоизвестным трудам швейцарского математика Рене де Соссюра (1868–1943), младшего брата Фердинанда де Соссюра, можно увидеть, что именно в них заложены основы семантики искусственных языков. В ответ на критику эсперанто и создание идо он доказал, что словообразование в эсперанто основано на универсальных законах языка и сочетает рациональность с выразительностью. В отличие от идо, где окончания выполняют только грамматическую функцию, в эсперанто они несут также лексическое значение, что делает систему более гибкой и естественной [Saussure 1910]. Рене де Соссюр выделил три категории корней: субстантивные, адъективные и глагольные. Кроме того, он доказал, что именно их естественное разделение обеспечивает обратимость и прозрачность словообразования. Автор сформулировал принципы функционирования эсперанто: фонологичность, международность, минимальность немотивированных элементов, однознач-

ность и обратимость, — которые затем он применил и к французскому языку, различая анализ (разложение слова на значимые части) и синтез (их объединение) [Saussure 1918]. Таким образом, Рене де Соссюр обосновал внутреннюю логику эсперанто и показал, что его структура отражает универсальные когнитивные категории, что делает его ценным материалом для понимания словообразования как в искусственных, так и в естественных языках.

Современные исследования и цифровые проекты универсальной грамматики

Современные исследования универсальности развиваются в нескольких направлениях. В рамках генеративной лингвистики продолжают дискуссии о статусе универсальной грамматики и ее интерпретации в минималистской программе [Al-Horais 2013]. Параллельно в области интерлингвистики и социолингвистики обсуждаются проекты универсального языка как средства глобальной коммуникации [Sunyoung Park 2023]: поднимается проблема неравного распределения языковых ресурсов в условиях глобализации, рассматривается опыт использования английского и эсперанто как глобальных языков, однако автор подчеркивает их ограничения. В рамках этого исследования предлагается Unish — азиатский проект искусственного языка, разработанный в университете Седжон (Корея), как более простой, нейтральный и доступный вариант универсального языка. В трудах российских ученых проблема универсального языка рассматривается в контексте международного общения. С одной стороны, многоязычие является условием сохранения культурного и духовного разнообразия, с другой — единый язык облегчает сотрудничество в политике, науке и культуре. Наибольшее внимание уделяется естественному языку — английскому, получившему статус глобальной *lingua franca* благодаря могуществу Великобритании и США. Однако отмечаются и риски: снижение мотивации к изучению других языков, угроза исчезновения языков меньшинств и утрата культурного разнообразия. По мнению Г.А. Китайгородской, утверждение единого мирового языка может иметь негативные последствия, поскольку естественный язык является носителем культурной идентичности; в этой связи подчеркивается значимость государственной политики по сохранению языкового многообразия [Китайгородская 2013].

Отмечается, что эмпирическая база исследований универсалий на ранних этапах типологической традиции нередко опиралась преимущественно на хорошо описанные европейские языки, что ограничивало репрезентативность типологических обобщений. В последние десятилетия предпринимаются усилия по расширению

географического и генеалогического охвата языков, включая языки Азии и Африки. В этом контексте проекты универсального языка, разрабатываемые за пределами европейской традиции (в частности, *Unish*), могут рассматриваться как попытка предложить альтернативные культурно-языковые ориентиры в сфере международной коммуникации. Расширению типологической перспективы способствуют и современные вычислительные методы. Использование инструментов искусственного интеллекта позволит анализировать крупные корпуса разнородных языковых данных, выявлять статистические закономерности и уточнять распределение универсалий без ограничений, связанных с традиционным набором описанных языков. Например, в российской научной среде предпринимаются также эксперименты по цифровой репрезентации искусственных языков. В частности, проект *SolReSol: The Project* представляет собой мультимедийную реконструкцию априорного языка Сольресоль Ж.-Ф. Сюдра (XIX в.), реализованную с использованием современных технологических платформ [Новиков 2022]. В данном случае цифровые инструменты применяются не для построения универсальной грамматики, а для моделирования семиотической структуры искусственного языка и расширения возможностей его представления и анализа.

Исторический и теоретический опыт исследований универсального языка, универсальной грамматики и типологических универсалий показывает, что накопленные за последние десятилетия описания языков мира и развитие цифровых ресурсов создают условия для нового этапа в изучении универсальности. Во-первых, становится методологически реалистичной задача построения аналитической системы, опирающейся на большой массив языковых данных и позволяющей выявлять универсалии и типологические зависимости в полуавтоматическом режиме. Во-вторых, результаты такого анализа могут быть использованы не только в описательных целях, но и как основа для экспериментального языкового моделирования: в частности, для проектирования вычислительной модели универсальной грамматической структуры, собранной из эмпирически подтвержденных универсальных элементов. При этом моделирование понимается не как автономное «конструирование» универсальной грамматики алгоритмом, а как исследовательская процедура, где инструменты искусственного интеллекта выполняют вычислительную и статистическую часть работы, тогда как постановка задач, отбор релевантных параметров и интерпретация полученных обобщений остаются за лингвистом. Авторы настоящего исследования разрабатывают программное обеспечение на базе методов искусственного интеллекта, направленное на автоматизи-

рованное выявление языковых универсалий. В качестве эмпирической основы используется типологическая база данных Grambank [<https://grambank.clld.org/>], созданная международным консорциумом исследовательских центров и охватывающая 2467 языковых разновидностей из 215 семей и 101 изолята. База фиксирует 195 грамматических признаков: от порядка слов до способов выражения времени и числа, а также включает данные как по европейским, так и по неевропейским языкам. В рамках проекта предполагается загрузка открытых данных Grambank и их последующая обработка в специально разрабатываемом программном обеспечении. Программа будет осуществлять автоматический анализ совокупности грамматических признаков, выявляя статистически устойчивые межъязыковые совпадения, потенциальные универсалии, а также зоны типологических различий. Обработка охватывает большой массив языков, что позволяет проводить масштабный сопоставительный анализ в автоматизированном режиме. Тем не менее, авторы подчеркивают, что Grambank представляет собой инструмент для эмпирического изучения распределения грамматических признаков. Разрабатываемая программа использует данные базы исключительно как источник типологической информации. Интерпретация результатов и их теоретическое осмысление остаются задачей исследователя; программное обеспечение рассматривается как вспомогательный аналитический инструмент. На основе выявленных универсалий предполагается формирование вычислительной модели грамматических ограничений, отражающей эмпирически наблюдаемые тенденции в языках мира. В данном случае речь идет о попытке моделирования универсальной грамматической структуры на базе статистически подтвержденных межъязыковых закономерностей. Дополнительным направлением работы рассматривается возможность интеграции ресурсов Universal Dependencies [<https://universaldependencies.org/>] и Universal Networking Language (UNL), а также онтологий верхнего уровня, таких как SUMO [<https://www.ontologyportal.org/>]. Однако их использование возможно лишь при условии разработки механизмов автоматического приведения данных указанных ресурсов к формату, совместимому с создаваемой программой. В настоящее время данные ресурсы рассматриваются как потенциальные дополнительные источники структурной и семантической информации, расширяющие перспективы межъязыкового анализа.

Предложенный в статье комплексный подход направлен на построение типологически и формально обоснованной модели универсалий, основанной на широком генеалогическом и географическом охвате языков и использовании методов автоматизированной

обработки больших массивов структурированных данных. При этом использование инструментов искусственного интеллекта не означает отказ от традиционных методов анализа языка, а предполагает их интеграцию с цифровыми технологиями. Программные средства ускоряют выявление закономерностей, однако ключевая роль в интерпретации данных и теоретических выводах остается за лингвистом.

Заключение

Историческая линия, прослеживаемая от *Lingua ignota* и «Грамматики Пор-Рояля» через проекты эсперанто к генеративной теории, свидетельствует о постепенном переосмыслении самой идеи универсальности: от проектного создания «идеального» языка к теоретическому выявлению его общих принципов и, в современный период, к их статистическому анализу на базе типологического материала. При сопоставлении естественных и искусственных языков обнаруживается, что регулярность может иметь различную природу: в естественных языках она сосуществует с исторически закрепленной вариативностью, тогда как в искусственных системах задается проектно и поддерживается нормативно. Современные цифровые инструменты и методы искусственного интеллекта существенно расширяют аналитические возможности лингвистики. Автоматизированная обработка больших массивов типологических данных позволяет выявлять статистически устойчивые корреляции и уточнять распределение универсалий на материале, значительно превосходящем традиционный объем сравнительных исследований. Вместе с тем вычислительные процедуры не подменяют теоретической рефлексии: интерпретация выявленных закономерностей и их включение в общую модель языковой организации остаются задачей исследователя.

Таким образом, изложенный материал позволяет рассматривать универсальность не как единый концепт, а как поле пересечения различных научных традиций. Проектирование универсального языка, теория универсальной грамматики и эмпирический поиск универсалий представляют собой самостоятельные, хотя и взаимосвязанные направления. Их сопоставление, дополненное возможностями цифровой обработки данных, создает теоретическую и методологическую основу для создания программного обеспечения для выявления языковых универсалий, и для последующего экспериментального моделирования универсальной грамматической структуры на базе эмпирически выявленных межъязыковых закономерностей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арно А., Лансло К. Грамматика общая и рациональная Пор-Рояля / Пер. с франц. Н.Ю. Бокадорова; ред. и предисл. Ю.С. Степанова. 2-е изд. М., 1998.
2. Всеволодова В.А. Язык как система // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2000. № 4. С. 35–56.
3. Дуличенко А.Д. Международные вспомогательные языки. Таллин, 1990.
4. Китайгородская Г.А. Проблема универсального языка: pro et contra // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2013. № 3. С. 74–77.
5. Кузнецов С.Н. Теоретические основы интерлингвистики. М., 1987.
6. Микаллеф Л.О. Развитие и функционирование современных естественных и искусственных международных языков на примере английского и эсперанто // Международный научно-исследовательский журнал. 2024. № 4 (107). [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-i-funktsionirovanie-sovremennyh-estestvennyh-i-iskusstvennyh-mezhdunarodnyh-yazykov-na-primere-angliyskogo-i-esperanto> (дата обращения: 01.08.2025).
7. Новиков Ф.Н. Искусственные языки как семантические и семиотические системы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2022. Т. 13. № 2. С. 455–467. DOI: 10.22363/2313-2299-2022-13-2-455-467.
8. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики / Ш. Балли, А. Сеше; пер. с франц. С.В. Чистякова; прим. Т. де Мауро. Екатеринбург, 1999.
9. Al-Horais N. Minimalist program on universal language // Journal of Universal Language. 2013. Vol. 14. No. 2. P. 79–112.
10. Chomsky N. Syntactic structures. The Hague, 1957.
11. Grambank: A Cross-Linguistic Database of Grammatical Features [Электронный ресурс]. URL: <https://grambank.cld.org/> (дата обращения: 15.02.2026).
12. Halliday M.A.K. An introduction to functional grammar. London, 1985.
13. Park S. Multilingualism, social inequality, and the need for a universal language // Journal of Universal Language. 2023. Vol. 24. No. 1. P. 77–93. <https://doi.org/10.22425/jul.2023.24.1.77>
14. Saussure R. de. Antido. Teoria ekzameno de la lingvo Esperanto. Genève, 1910.
15. Saussure R. de. La structure logique des mots dans les langues naturelles, considérée au point de vue de son application aux langues artificielles. Berne, 1918.
16. Suggested Upper Merged Ontology (SUMO) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ontologyportal.org/> (дата обращения: 15.02.2026).
17. Universal Dependencies: A Framework for Consistent Annotation of Grammar Across Languages. [Электронный ресурс]. URL: <https://universaldependencies.org/> (дата обращения: 15.02.2026).

REFERENCES

1. Arno A., Lanslo K. *Grammatika obshchaya i ratsionalnaya Por-Royalya* [General and Rational Grammar of Port-Royal]. Moscow: Progress-Traditsiya Publ., 1998. 368 p. (In Russ.)
2. Vsevolodova V.A. Yazyk kak sistema [Language as a system]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya*, 2000, (4), 35–56. (In Russ.)

3. Dulichenko A.D. *Mezhdunarodnye vspomogatelnye yazyki* [International auxiliary languages]. Tallinn: Valgus Publ., 1990. 223 p. (In Russ.)
4. *Grambank: A Cross-Linguistic Database of Grammatical Features*. Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology; Max Planck Institute for Psycholinguistics et al. URL: <https://grambank.clld.org/> (accessed: 15.02.2026).
5. Kitaygorodskaya G.A. Problema universalnogo yazyka: pro et contra [The problem of a universal language: pro et contra]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19. Lingvistika i mezhkulturnaya kommunikatsiya*, 2013, (3), 74–77. (In Russ.)
6. Kuznetsov S.N. *Teoreticheskie osnovy interlingvistiki* [Theoretical foundations of interlinguistics]. Moscow: Nauka Publ., 1987. 312 p. (In Russ.)
7. Micallef L.O. Razvitie i funkcionirovanie sovremennykh estestvennykh i iskusstvennykh mezhdunarodnykh yazykov na primere angliyskogo i Esperanto [Development and functioning of modern natural and artificial international languages on the example of English and Esperanto]. *Mezhdunarodnyy nauchno-issledovatel'skiy zhurnal*, 2024, 4(107). Retrieved from <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-i-funkcionirovanie-sovremennyh-estestvennyh-i-iskusstvennyh-mezhdunarodnyh-yazykov-na-primere-angliyskogo-i-esperanto> (accessed: 01.08.2025). (In Russ.)
8. Novikov F.N. Iskusstvennye yazyki kak semanticheskie i semioticheskie sistemy [Artificial languages as semantic and semiotic systems]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika*, 2022, 13(2), 455–467. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-2-455-467> (In Russ.)
9. Saussure F. de. *Kurs obshchei lingvistiki* [Course in general linguistics]. Charles Bally, Albert Sechehaye; Transl. from French S.V. Chistyakova; Comment. T. de Mauro. Ekaterinburg: Ural University Publ., 1999. 432 p. (In Russ.)
10. Al-Horais N. Minimalist program on universal language. *Journal of Universal Language*, 2013, 14(2), 79–112.
11. Chomsky N. *Syntactic structures*. The Hague: Mouton, 1957. 117 p.
12. Halliday, M. A. K. (1985) *An introduction to functional grammar*. London, 387 p.
13. Park S. Multilingualism, social inequality, and the need for a universal language. *Journal of Universal Language*, 2023, 24(1), 77–93. <https://doi.org/10.22425/jul.2023.24.1.77>
14. Saussure R. de. *Antido. Teoria ekzameno de la lingvo Esperanto*. Genève: Kundig, 1910. 95 p.
15. Saussure R. de. *La structure logique des mots dans les langues naturelles, considérée au point de vue de son application aux langues artificielles*. Berne: Büchler & Cie, 1918. 146 p.
16. *Suggested Upper Merged Ontology (SUMO)*. Ontology Portal. URL: <https://www.ontologyportal.org/> (accessed: 15.02.2026).
17. *Universal Dependencies: A Framework for Consistent Annotation of Grammar Across Languages*. Universal Dependencies Consortium. URL: <https://universaldependencies.org/> (accessed: 15.02.2026).

Поступила в редакцию 12.09.2025

Отредактирована 15.11.2025

Принята к публикации 21.04.2026

Received 12.09.2025

Revised 15.11.2025

Accepted 21.04.2026

ОБ АВТОРАХ

Лариса Олеговна Микаллеф — доцент кафедры иностранных языков и межкультурной коммуникации факультета международных экономических отношений, Финансовый университет при Правительстве РФ;
larisa.olegovna@gmail.com

Сергей Николаевич Кузнецов — доктор филологических наук, профессор кафедры общего и сравнительного-исторического языкознания филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; univ1755@yandex.ru

ABOUT THE AUTHORS

Larisa O. Micallef — PhD, Associate Professor, the Department of Foreign Languages and Intercultural Communication, Faculty of Economic International Relations, Financial University under the Government of the Russian Federation;
larisa.olegovna@gmail.com

Sergej N. Kuznetsov — Prof. Dr., Department of General and Comparative-Historical Linguistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University;
univ1755@yandex.ru

ЖИЗНЬ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ФИЛОЛОГА-ИСПАНИСТА И ТЕОРЕТИКА ПЕРЕВОДА В. С. ВИНОГРАДОВА. К СТОЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

Ю.Л. Оболенская, М.Л. Ремнёва

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; obolens7@yandex.ru; m.l.remnova@mail.ru*

Аннотация: Статья посвящена жизни и деятельности Заслуженного деятеля науки РФ В.С. Виноградова (1925–2009) — одного из самых известных советских и российских переводоведов, испаниста и общественного деятеля, жизнь которого с 1966 г. и до его кончины в 2009 г. была связана с филологическим факультетом МГУ. Рассматриваются различные стороны его деятельности, а также вклад в историю и развитие факультета. Результатом этой деятельности стало создание кафедры иберо-романского языкознания на филологическом факультете МГУ и значительный вклад в формирование московской школы иберо-романистики. Виноградов заложил основы переводоведческого направления теоретических исследований и практической подготовки студентов на филологическом факультете. В 1976 г. В.С. Виноградов защитил первую на филологическом факультете (и одну из первых в СССР) докторскую диссертацию по теории перевода, читал курсы лекций по переводоведению, вел занятия в семинаре по художественному переводу, тем самым заложив основы специализации по теории и практике перевода на факультете. Теоретические работы В.С. Виноградова в этой области, активная переводческая и преподавательская деятельность послужили основой для формирования университетской школы переводоведения.

Ключевые слова: В.С. Виноградов; филологический факультет; кафедра иберо-романского языкознания; переводоведение; художественный перевод

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2026-49-03-3

Для цитирования: Оболенская Ю.Л., Ремнёва М.Л. Жизнь и деятельность филолога-испаниста и теоретика перевода В.С. Виноградова. К столетию со дня рождения // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2026. № 3. С. 35–44.

LIFE AND WORK OF THE PHILOLOGIST-HISPANIST AND TRANSLATION THEORIST V.S. VINOGRADOV. ON THE CENTENARY OF HIS BIRTH

Yulia L. Obolenskaya, Marina L. Remneva

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; obolens7@yandex.ru; m.l.remneva@mail.ru

Abstract: The article is devoted to the life and work of the Honored Scholar of the Russian Federation V.S. Vinogradov (1925–2009), one of the most prominent Soviet and Russian translation scholars, Hispanists, and public figures, whose career from 1966 until his death in 2009 was closely associated with the Faculty of Philology at Moscow State University. The article examines various aspects of his professional activity as well as his contribution to the history and development of the faculty. As a result of his work, the Department of Ibero-Romance Linguistics was established at the Faculty of Philology of Moscow State University, and a significant contribution was made to the formation of the Moscow school of Ibero-Romance studies. Vinogradov laid the foundations for translation studies as both a theoretical research field and a practical area of student training within the faculty. In 1976, V.S. Vinogradov defended the first doctoral dissertation on translation theory at the Faculty of Philology (and one of the first in the USSR). He delivered lecture courses on translation studies and conducted seminars in literary translation, thereby establishing the foundations for specialization in translation theory and practice at the faculty. Vinogradov's theoretical works in this field, along with his active translation and teaching activities, served as the basis for the development of the university school of translation studies.

Keywords: V.S. Vinogradov; Faculty of Philology; Department of Ibero-Romance Linguistics; translation studies; literary translation

For citation: Obolenskaya Yu.L., Remneva M.L. (2026) The Life and Work of the Philologist-Hispanist and Translation Theorist V.S. Vinogradov: On the Centenary of His Birth. *Lomonosov Philology Journal*, no. 3, pp. 35–44.

В 2025 г. исполнилось бы 100 лет Заслуженному деятелю науки РФ В.С. Виноградову (1925–2009) — одному из самых известных советских и российских переводоведов, испанисту и общественному деятелю, Заслуженному профессору МГУ им. М. В. Ломоносова, в 2002 г. награжденному высшей наградой Московского университета — медалью М.В. Ломоносова. Его жизнь с 1966 г. была связана с филологическим факультетом МГУ, где он преподавал более 40 лет вплоть до своей кончины и внес значительный вклад в историю и развитие факультета. Результатом его деятельности стало создание кафедры иберо-романского языкознания на филологическом факультете МГУ и большой вклад в формирование московской школы иберо-романистики. Кроме того, именно он заложил основы пере-

водоведческого направления теоретических исследований и практической подготовки студентов на нашем факультете. В 1976 г. В.С. Виноградов защитил первую на филологическом факультете (и одну из первых в СССР) докторскую диссертацию по теории перевода и начал вести занятия в семинаре по художественному переводу, тем самым заложив основы специализации по теории и практике перевода на филологическом факультете. Теоретические работы В.С. Виноградова в этой области, активная переводческая и преподавательская деятельность послужили основой для формирования университетской школы переводоведения.

В.С. Виноградов родился 11 июля 1925 г. в Ленинграде, в простой семье рабочего обувной фабрики и учетчицы, не так давно перебравшихся в город из деревни. В июне 1941 г., когда началась Великая Отечественная война, ему еще не исполнилось 16 лет, по инициативе матери он перешел в вечернюю школу и устроился на фабрику, которая снабжала фронт шоколадом. Венедикт Степанович часто рассказывал о мужестве ленинградцев, их несгибаемой воле и жизнелюбии, проявлявшихся в кажущихся сегодня удивительными событиях: организации спортивных мероприятий в 1942 г., например «Всесоюзного дня физкультурника в Ленинграде» 21 июля, или эстафет и чемпионатов 1943 г., на одном из которых В.С. Виноградов стал чемпионом Ленинграда по бегу среди юношей. В 18 лет, после призыва осенью 1943 г., он поступил на лейтенантские курсы военного училища.

Тогда в его жизни произошла первая судьбоносная для него встреча — с одним из основоположников отечественной школы перевода, германистом А.В. Федоровым (1906–1997), который в 1929 г. закончил словесное отделение Института истории искусств, где учился у таких филологов, как Ю.Н. Тынянов, Л.В. Щерба, В.М. Жирмунский, до войны преподавал, а в годы войны в действующей армии был переводчиком и придумывал тексты пропагандистских листовок для немецких войск. В 1944 г. молодой лейтенант В.С. Виноградов познакомился с ним на Ленинградском фронте, который в то время перешел в наступление и победно двигался на запад. За работу по обеспечению нужд фронта Виноградов был награжден орденом Отечественной войны II степени и медалью «За оборону Ленинграда».

На фронте он окончательно определился со своей будущей работой, решив стать военным переводчиком. А в 1952 г. успешно закончил переводческое отделение Первого Ленинградского государственного педагогического института иностранных языков, получив диплом переводчика с русского языка на испанский и рекомендацию в аспирантуру. В 1956 г. защитил кандидатскую диссертацию под

руководством будущего академика Г.В. Степанова (1919–1986), которого всю жизнь считал своим главным учителем. Встреча с Г.В. Степановым стала второй судьбоносной встречей — любовь к испанскому языку, Испании, которой заражал этот удивительный ученый, один из выдающихся отечественных романистов и испанистов, заложивший основы исследований латиноамериканских вариантов испанского языка в СССР. Жизнь Степанова для В.С. Виноградова — образец героической военной доблести и отваги, да и для всех студентов-фронтовиков Г.В. Степанов был человеком-легендой. Студент ленинградского университета Г.В. Степанов в 1938 г. после двухмесячных курсов военных переводчиков был отправлен в Испанию, где воевал на Южном фронте, в Андалусии, а после поражения республиканцев в 1939 г. попал в Алжир, там был заключен в тюрьму. В 1940 г. Степанов вернулся в ленинградский университет, а в 1941 г. ушел добровольцем на фронт, раненным был взят в плен, отправлен в концлагерь, бежал из него и воевал в партизанском отряде. После войны закончил романское отделение филфака, аспирантуру и в 1951 г. защитил кандидатскую диссертацию о роли Сервантеса в становлении испанского литературного языка и в 1952 г. стал научным руководителем и другом Венедикта Степановича, и тогда же определяющей в его жизни стала любовь в испанской литературе и Сервантесу.

После защиты кандидатской диссертации В.С. Виноградов работает в Ленинграде, руководит кафедрой романских языков в военном институте до 1960 г., когда встреча с его будущей женой, москвичкой Ридой Стефановной, вновь резко меняет его жизнь. После женитьбы Виноградов приступает к преподаванию испанского языка уже в Москве, на кафедре иностранных языков Высшей школы КГБ. Рида Стефановна — яркая, решительная, прекрасный преподаватель-методист, блестяще владевшая испанским языком, станет на всю его жизнь надежной опорой, коллегой и единомышленницей. В высшей школе он начинает работу над книгой «Грамматика испанского языка. Практический курс», совместно с супругой создает «Сборник упражнений по грамматике испанского языка», обе эти первые работы стали самыми его известными учебными пособиями, по которым до сих пор учатся российские студенты. А с августа 1966 г. Венедикт Степанович, как он часто повторял, наконец осуществляет свою мечту — он приходит на работу на кафедру романской филологии филологического факультета МГУ. Он продолжает заниматься переводами художественной литературы, знакомится с известными переводчиками, поддерживает тесные связи с Ленинградским университетом, с А.В. Федоровым и Г.В. Степановым.

В 1971–1972 гг. В.С. Виноградов находился на дипломатической работе в Уругвае и преподавал в университете Монтевидео. В 1973 г. возвращается на филологический факультет и, помимо преподавания, публикует работы по теории перевода, работает над докторской диссертацией, посвященной лексическим вопросам перевода художественных текстов, диссертация успешно защищена в МГУ в 1976 г.

Надо отметить, что, несмотря на огромный интерес к переводоведению в 70-е годы XX в., фундаментальных работ, посвященных теоретическим аспектам, подобных трудам А.В. Федорова, в стране было совсем мало; продолжалась активная дискуссия сторонников лингвистического и литературоведческого подходов по поводу возможных путей решения переводческих задач и определению возможностей и границ переводческой деятельности. В.С. Виноградов неизменно занимал позицию сторонников лингвистической теории перевода, развивая положения теории А.В. Федорова и болгарской школы перевода. Его работы «Лексические вопросы перевода художественной прозы» (1978), «Введение в переводоведение» (2001), «Перевод: общие и лексические вопросы» (2004) отличает простота языка и ясность изложения порой очень сложных теоретических вопросов, четкость и аргументированность концепции фоновой информации и фоновых знаний. В работах Виноградова получила развитие разработка критериев определения информативного объема слова, предложены классификации способов перевода реалий и решаются практические вопросы, связанные с процессом и результатом перевода. Эти работы выдержали несколько переизданий, издаются и по сей день и по-прежнему используются в учебном процессе нескольких университетов.

Защита докторской диссертации Венедикта Степановича стала важным событием в жизни филологического факультета, а на кафедре романской филологии позволила сплотить испано-португальскую секцию вокруг лидера, четко представляющего новые сложные научно-практические задачи подготовки выпускников по двум специальностям: испанская и португальская филология, — а также обучения преподавателей русского языка как иностранного. Стратегия В.С. Виноградова определяла как новые горизонты теоретических исследований, так и расширение количества изучаемых иберо-романских языков. Кроме того, социально-политические обстоятельства 1970-х гг.: победа демократии в Португалии в 1975 г., восстановление дипломатических отношений с Испанией в 1977 г., демократические революции в странах португальской речи в Африке, а также тесное сотрудничество с Кубой и расширение связей со странами Латинской Америки потребовали и количественного увеличения групп по подготовке специалистов по испанскому и пор-

тугальскому языкам. Все это, а также большие организаторские способности профессора В.С. Виноградова, его обаяние и умение отстаивать свои позиции перед руководством МГУ способствовали «самоопределению» испано-португальской секции, принадлежащей романской кафедре, и созданию в 1978 г. кафедры испанского и португальского языков.

Уже в начале 1970-х гг. на кафедре романских языков, руководимой членом-корр. РАН Р.А. Будаговым, преподаватели испанского и португальского языков составляли большую часть ее сотрудников. «Однако, — как отмечал сам будущий заведующий кафедрой испанского и португальского языков В.С. Виноградов, — не только численность преподавателей и объем их учебной и научной нагрузки сыграли свою роль при создании кафедры. Этому способствовала настоятельная необходимость сосредоточить усилия испанистов и португалистов на развитии иберо-романистики как самостоятельной практической и научной отрасли филологических знаний... Стимулировали процесс организации кафедры и политико-социальные обстоятельства 1970-х гг. В 1978 г. были восстановлены дипломатические отношения с Испанией, успешно развивалось сотрудничество с Кубой, расширялись связи со странами Латинской Америки. Этот экстралингвистический фон, безусловно, способствовал созданию кафедры» [Виноградов 2001: 11].

И вот 23 февраля 1978 г. приказом ректора МГУ во многом благодаря усилиям именно В.С. Виноградова вновь была создана кафедра испанского и португальского языков (кафедрой иберо-романского языкознания она стала называться с 1989 г., а открытая в 1948 г. кафедра испанского языка просуществовала всего 5 лет). Новая кафедра пополнялась преподавателями и языками. В 1977 г. по инициативе В.С. Виноградова, поддержанной посольством Испании и лично г-ном послом Хуаном Антонио Самаранчем, впервые в нашей стране на кафедре начинается подготовка специалистов по каталанскому языку. Приезжают лекторы кастильского и каталанского из Испании, расширяются международные контакты кафедры. Неуемная энергия Виноградова, любовь к испанскому языку и организаторский талант привели его к новаторскому по тем временам начинанию — созданию первого телевизионного курса испанского языка. Первую лекцию Венедикт Степанович провел из аудитории филологического факультета, затем занятия в студии вели русские преподаватели и испанцы, а занимательная форма курса, который шел по учебной программе ТВ в 1976–1978 гг., повлекла за собой рост интереса к языку и культуре Испании.

С 1978–1983 гг. В.С. Виноградов выполнял важную культурную и политическую миссию — был представителем «Союза советских

Обществ дружбы» в Мадриде (Испания). Представительство «Общества дружбы СССР — Испании» было создано в непростых условиях только-только возобновившихся дипломатических отношений между нашими странами после почти сорокалетнего перерыва связей, вызванного установлением в 1939 г. диктатуры Ф. Франко. Для Испании это было время демократической перестройки общества, энтузиазма и надежд. Воспоминания о помощи Советского Союза Испанской республике и республиканцам, об участии советских интербригад во времена их гражданской войны — все это вдохновляло и привлекало многих даже далеких от политики посетителей и членов «Ассоциации Дружбы», как она называлась в Мадриде. Организовать занятия русским языком на созданных в Мадриде курсах тоже было непростым делом — нужны были преподаватели, группы занимались в две смены — и утром, и вечером, и они привлекли очень разных слушателей — от домохозяек и отставных ветеранов до работников МИД, журналистов, студентов и даже школьников. Слушатели старшего поколения порой вообще не имели опыта изучения иностранных языков, и для них курсы были *клубом по интересам* в обществе единомышленников и влюбленных в Россию и русскую культуру людей. После занятий они долго не расходились или шли вместе с преподавателями в кафе, чтобы пообщаться и побольше узнать о нашей стране. Учили русский язык и иностранцы, жившие в Мадриде и работающие в различных организациях. В Общество дружбы приходили вернувшиеся из эмиграции в СССР республиканцы, их дети и внуки, а та теплота, искренний интерес к их жизни, с которыми их встречали сотрудники, были результатом работы профессора Бенедикто, как его звали испанцы. Всегда улыбающийся, источающий оптимизм и доброжелательность, он стал «визитной карточкой» новой России для всех, кто приходил посмотреть русское кино, послушать лекции приезжавших советских литераторов и деятелей культуры, увидеть собственными глазами русских, ближе познакомиться с жизнью за «железным занавесом». Испанцев восхищала русская литература, советские фильмы, которые неизменно шли с аншлагом и в Обществе Дружбы и в национальной Фильмотеке. В.С. Виноградов принимал участие в организации гастролей наших музыкантов и артистов, по его инициативе было открыто туристическое агентство, десятки испанцев впервые побывали в СССР, все они вернулись уже убежденными русофилами.

Вернувшись в университет в 1983 г., В.С. Виноградов вступает в «золотой век» своей преподавательской и научной деятельности, активно занимается научной и педагогической работой. Он читает общие и специальные курсы, ведет семинарские занятия, работает

над монографией по испанской фразеологии. Вклад В.С. Виноградова в развитие отечественной испанистики трудно переоценить. Область научных исследований В.С. Виноградова весьма широка: испанская грамматика, лексикология и литература, теория перевода и сопоставительная лингвистика, анализ художественных текстов и проблемы языкового варьирования. Им опубликовано более 100 научных и научно-методических работ. А тираж изданных в его переводах романов, повестей и рассказов превысил 2 млн. экз.

Наследие заслуженного профессора МГУ В.С. Виноградова — 9 монографий и учебных пособий; все его указанные выше монографии по теории перевода получили высокую оценку специалистов. Особое место среди его работ занимает книга «Лексикология испанского языка» (1994), отметим, что это первый в отечественной испанистике учебник подобного рода. И этот учебник по-прежнему остается единственным в нашей стране. Однако самой известной и популярной работой В.С. Виноградова остается «Грамматика испанского языка. Практический курс» (1-е издание – М., 1965; 18-е издание – М., 2022). Всего В. С. Виноградовым опубликовано более 100 научных и научно-методических работ.

Помимо заведования кафедрой Виноградов был заместителем декана по работе с иностранными учащимися, а с 1985 года возглавлял специализированный совет филологического факультета по романскому и германскому языкознанию.

Профессор Виноградов неоднократно приглашался в качестве лектора в зарубежные университеты: в 1979–1984 В.С. Виноградов читал лекции в университетах Испании, выступал с научными докладами на конференциях на Кубе, в Перу, Аргентине, Мексике, Южной Корее. В.С. Виноградов был вице-президентом общества дружбы «СССР–Испания», ректором общественного университета культуры Испании, сопредседателем «Ассоциации испанистов России», членом правления «Международной ассоциации испанистов Азии и Советского» и «Комитета за европейскую безопасность и сотрудничество».

Значительны заслуги Венедикта Степановича и в подготовке научных кадров МГУ — 36 его аспирантов стали кандидатами филологических наук, а некоторые из них защитили докторские диссертации и стали заведующими кафедрами. Сам Венедикт Степанович руководил созданной им кафедрой иберо-романского языкознания до 1994 г., но вплоть до своей кончины в 2009 г. читал лекции, вел семинары и занимался со своими аспирантами, которые всегда выходили после общения с ним вдохновенными и заряженными его энергией созидания. Любимыми словами, с которыми Венедикт Степанович обращался к студентам, принесшим ему *на суд* свою

явно «сырую» курсовую или дипломную работу, неизменно были: «Ud. tiene luces!» — «У Вас есть талант!» Наверное, у многих он и проявлялся, *подпитываясь* доброжелательностью и верой в него — мудрого профессора. Самого Виноградова! Он не ставил «троек» на экзаменах, боролся за «пятерки» для своих студентов на защитах дипломов, очень волновался и переживал во время защит своих аспирантов, в шутку «оправдывая» свою снисходительность и чрезмерную мягкость: «Поставлю “тройку”, а он/она потом министром станет!» — а далее следовала соответствующая *история из жизни*. И, наверное, они становились, получив аванс и урок на дальнейшую жизнь.

Память о профессоре В.С. Виноградове живет в сердцах его учеников и коллег, в его книгах, учебниках и переводах, а его восхищение коллегами, уважение и любовь к студентам на созданной им кафедре остаются частью методики преподавания *по Виноградову!*

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Виноградов В.С. Кафедра иберо-романского языкознания: 20 лет // Вопросы иберо-романской филологии: Сб. Вып. 4. М., 2001. С. 10.
2. Оболенская Ю.Л. Кафедра иберо-романского языкознания // Филологический факультет Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова: Очерки истории. 1941–2021. 4-е изд., испр. и доп. / Под общ. ред. проф. М.Л. Ремнёвой. М., 2021. С. 596–617.
3. Оболенская Ю.Л. Школа иберо-романистики в Московском университете: история формирования и современное состояние // Вестник Моск. гос. ун-та. Серия 9. Филология. 2024. № 6. С. 159–179.
4. Ремнёва М.Л. Из истории // Филологический факультет Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова: Очерки истории. 1941–2021. 4-е изд., испр. и доп. / Под общ. ред. проф. М.Л. Ремнёвой. М., 2021. С. 5–14.
5. Степанова Л.Н. 50 лет испанистике в МГУ: как это начиналось // Вопросы иберо-романской филологии: Сб. Вып. 4, М., 2001. С. 14.

REFERENCES

1. Vinogradov V.S. *Kafedra ibero-romanskogo yazykoznanija: 20 let* [Department of Ibero-Romance Linguistics: 20 years]. *Voprosy ibero-romanskoy filologii: Sbornik*. Vol. 4. Moscow, 2001, p. 10. (In Russ.)
2. Obolenskaya Yu. L. *Kafedra ibero-romanskogo yazykoznanija* [Department of Ibero-Romance Linguistics]. *Filologicheskij fakul'tet Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta imeni M.V. Lomonosova: Oчерki istorii. 1941–2021* [Faculty of Philology of Lomonosov Moscow State University: Essays on History. 1941–2021]. 4th ed., rev. and enl. / Ed. by Prof. M.L. Remneva. Moscow, 2021, pp. 596–617. (In Russ.)
3. Obolenskaya Yu. L. *Shkola ibero-romanistiki v Moskovskom universitete: istoriya formirovaniya i sovremennoe sostoyanie* [The School of Ibero-Roman Studies at Moscow University: The History of Its Formation and Current State]. *Lomonosov Philology Journal*, no. 6, 2024, pp. 159–179. (In Russ.)
4. Remneva M.L. *Iz istorii* [From History]. *Filologicheskij fakul'tet Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta imeni M. V. Lomonosova: Oчерki istorii. 1941–2021* [Faculty

- of Philology of Lomonosov Moscow State University: Essays on History. 1941–2021]. 4th ed., rev. and enl. / Ed. by Prof. M.L. Remneva. Moscow, 2021, pp. 5–14. (In Russ.)
5. Stepanova L.N. *50 let ispanistike v MGU: kak eto nachinalos' [50 Years of Spanish Studies at Moscow State University: How It Began]. Voprosy ibero-romanskoj filologii: Sbornik*. Vol. 4. Moscow, 2001, p. 14. (In Russ.)

Поступила в редакцию 15.08.2025

Отредактирована 15.10.2025

Принята к публикации 21.04.2026

Received 15.08.2025

Revised 15.10.2025

Accepted 21.04.2026

ОБ АВТОРАХ

Юлия Леонардовна Оболенская — д.ф.н., профессор, заведующий кафедрой иберо-романского языкознания филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; obolens7@yandex.ru

Марина Леонтьевна Ремнёва — д.ф.н., профессор, заведующий кафедрой русского языка, президент филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; m.l.remneva@mail.ru

ABOUT THE AUTHORS

Yulia L. Obolenskaya — Prof. Dr., Head of the Department of Ibero-Romance Linguistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; obolens7@yandex.ru

Marina L. Remneva — Prof. Dr., Head of the Russian Department, President of the Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; m.l.remneva@mail.ru

SPEECH AND GESTURE ALIGNMENT IN EXPRESSING VAGUE REFERENCE IN EXPOSITORY MONOLOGUE AND DIALOGUE IN RUSSIAN

**Maria I. Kiose, Anna V. Leonteva, Olga V. Agafonova,
Andrey A. Petrov**

*Moscow State Linguistic University, Institute of Linguistics of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia;
maria_kiose@mail.ru; lentevanja27@gmail.com; olga.agafonova92@gmail.com;
5petrov@linguanet.ru*

Abstract: The current study addresses the problem of vague reference construal in expository discourse modulated by different discourse regimes, monologue and dialogue. Vague reference is viewed as a discourse category which shapes the referents or the path towards referents, which can be explored in different communicative modes, here in speech and manual gesture. The paper reports the results of two experiments which test speech and gesture alignment in expressing vague reference in monologues and dialogues in Russian featuring different types of extraneous load in expository discourse. We hypothesize that higher extraneous load of monologues could modulate the use of alignment patterns of vague reference cues in speech and of functional gestures. The results based on the 116-minute long subcorpora reveal that while approximators prevail in both discourse regimes, the ratio of placeholders is significantly higher in dialogues. The use of gestures synchronized with placeholders and approximators manifests an increase in pragmatic gestures in dialogue, while in monologue the ratio of representational gestures is higher. Overall, the distinctions of extraneous cognitive load in vague reference construal in monologue and dialogue are attributed to both speech and co-speech gesture distributions.

Keywords: multimodal behavior; vague reference; expository discourse; speech; gesture; monologue; dialogue

Funding: The research presented in Sections 1 and 2 is part of the project 125031904195-0 “Creativity in Everyday Communication: Multimodal Analysis of Spoken Language”, conducted at Moscow State Linguistic University. The research presented in Sections 3 and 4 is part of the project 125032004223-6 “Sociopragmatic Factors of Verbal and Kinetic Behavior Adaptation in Russian Spoken and Gesture Language”, conducted at the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences.

For citation: Kiose M.I., Leonteva A.V., Agafonova O.V., Petrov A.A. (2026) Speech and Gesture in Expressing Vague Reference in Expository Monologue and Dialogue. *Lomonosov Philology Journal*, no. 3, pp. 45–62.

АДАПТАЦИЯ РЕЧИ И ЖЕСТА ПРИ НЕЧЕТКОЙ РЕФЕРЕНЦИИ В ЭКСПОЗИТОРНОМ МОНОЛОГЕ И ДИАЛОГЕ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

**М.И. Киосе, А.В. Леонтьева, О.В. Агафонова,
А.А. Петров**

*Московский государственный лингвистический университет, Институт языкознания Российской академии наук, Москва, Россия
maria_kiose@mail.ru; lentevanja27@gmail.com; olga.agafonova92@gmail.com;
petrov@linguanet.ru*

Аннотация: Данное исследование обращается к проблеме конструирования нечеткой референции в экспозиторном дискурсе в двух его форматах — в монологе и в диалоге. Нечеткая референция рассматривается как дискурсивная категория, которая участвует в конструировании референта или пути к референту; этот процесс наблюдаем в согласующихся коммуникативных модальностях, в данном случае в речи и мануальном жесте. В статье приводятся результаты двух полимодальных экспериментов, в ходе которых устанавливаются паттерны адаптации речи и жестов при выражении нечеткой референции в монологах и диалогах на русском языке, иллюстрирующих разные типы внешней нагрузки в экспозиторном дискурсе. Гипотеза исследования заключается в том, что более высокая внешняя нагрузка в условиях монолога будет компенсироваться выбором определенных паттернов адаптации показателей нечеткой референции в речи и функциональных жестов. Результаты, полученные на основе 116-минутного аннотированного корпуса, показывают, что хотя аппроксиматоры преобладают в обоих типах дискурса, доля заместителей значительно выше в диалоге. Анализ распределения жестов, согласующихся с заместителями и аппроксиматорами, продемонстрировал увеличение количества прагматических жестов в диалоге, в то время как в монологе значительно выше количество репрезентирующих жестов. В целом исследование показало, что различия во внешней когнитивной нагрузке при конструировании нечеткой референции в монологе и диалоге в экспозиторном дискурсе проявляются как в речевом, так и в жестовом поведении.

Ключевые слова: полимодальное поведение; нечеткая референция; экспозиторный дискурс; речь; жест; монолог; диалог

Финансирование: Исследование, результаты которого представлены в Разделах 1 и 2, выполнено в рамках Государственного задания 125031904195-0 «Креативность в повседневной коммуникации: анализ устной речи с учетом полимодальности» в Московском государственном лингвистическом университете. Исследование, результаты которого представлены в Разделах 3 и 4, выполнено в рамках Государственного задания 125032004223-6 «Социопраг-

Для цитирования: Киосе М.И., Леонтьева А.В., Агафонова О.В., Петров А.А. Использование речи и жеста при нечеткой референции в экспозиторном монологе и диалоге // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2026. № 3. С. 45–62.

1. Introduction

This study addresses the problem of identifying the discourse effects of vague reference onto speech and gesture alignment patterns. Following V. Podlesskaya, vague reference results from the difficulties in speech generation in case direct reference seems problematic or undesirable [Подлеская 2013], which implies that vague reference can cause exerting cognitive load or the cognitive effort in information procession [Nippold, Scott 2010]. Experimental studies have established the effects of several types of extraneous load mediating the use of vague referent cues in speech, e.g., in dual-task performance or monolingual / bilingual discourse [Vogels et al. 2014; Contemori et al. 2025]. Meanwhile, we expect that different discourse interaction regimes, here monologue and dialogue, can also mediate vague reference construal. Provided that in the dialogue the speakers perform in gaining common ground [Коротаев 2025], the extraneous cognitive load in dialogue can be decreased since the external cognitive load is alleviated by a shared expository task. Additionally, since following [Ирисханова, Аврамова 2021] we presume that vague reference can serve a discourse category which directs the choice of the speaker towards a less distinct mode of referent construal, in multimodal discourse vague reference can be manifested in the alignment patterns [Alibali et al. 2017] of speech cues and gestures.

Therefore, featuring the results of a multimodal experiment, this study identifies the contribution of interaction regime (monologue vs. dialogue) onto speech and gesture alignment patterns distribution in expressing vague reference. To proceed, we adopt the distinction of two vague reference types in speech, placeholders and approximators [Подлеская, Стародубцева 2013], and identify the distribution of functional gestures aligned with them in two discourse regimes. In the study, we verify two hypotheses. Hypothesis 1 maintains that the distribution of vague reference speech cues (placeholders and approximators) can be different in expository monologue and dialogue. Hypothesis 2 claims that the alignment patterns of speech and gestures in vague reference construal will display difference in monologue and dialogue, which will evidence of different effects of extraneous cognitive load.

2. Theoretical framework

In expository discourse which explains or develops a topic and which maintains a focus on the relations between various phenomena [Longacre 1983; Berman, Nir-Sagiv 2007], the object of reference is construed as having fuzzy boundaries; therefore, vague reference can serve as a key category contributing to discourse representation. Vague reference has long been explored as a category shaping the speech mode. In [Channell 1983] the distinction of placeholders and approximators was introduced due to their different functions in expressing vague reference: while placeholders are used to substitute for the referent direct name, approximators help construe the path towards the referent. In application to the Russian spoken discourse, the placeholders and approximators as two types of vague reference cues were thoroughly described in [Подлеская, Стародубцева 2013].

The use of vague reference cues, e.g., vague names, impersonal pronouns, hedges, shell nouns in spontaneous discourse evidences of lower referent accessibility [Arnold 2010], which in its turn exerts higher cognitive load in referent and discourse procession [Vogels et al. 2014]. In contrast to the situations of higher referent activation which result in the use of deictic pronouns instead of full nominal phrases in referential choice [Федорова и др. 2010; Kibrik et al. 2016], where their use is stimulated by higher referent accessibility in the speaker's working memory [Chafe 1994; Tomlin 1995], the use of vague reference cues exposes the difficulties in referent construal appearing in the difficulties in recalling its full name.

Meanwhile, in discourse construal the distribution of vague reference cues can be attributed to different types of processing activity specified in cognitive load types [Sweller, 2011], which are intrinsic, extraneous and germane. Intrinsic cognitive load is indigenous to the information that is to be processed, consequently, to the construal of referents in discourse. Extraneous load refers to the conditions or the task which modulates the information processing. Germane load traces the cognitive resources and processes activated in the task performance. Most commonly, the studies establish the variance of extraneous cognitive load onto vague reference cues distribution in speech. For instance, in [Vogel et al. 2014] the presence or absence of a secondary task in a dual-task experiment was identified as mediating the use of vague reference expressions (impersonal pronouns). Meanwhile, in [Contemori et al. 2025] the similar distribution of vague reference expressions was found among monolinguals and bilinguals in dual-task performance, which showed no differences in L1 / L2 task onto their performance in referential choice. In line with the studies exploring the effects of extraneous cognitive load, in this paper

we address the discourse regime, monologue and dialogue, as potentially mediating vague reference distribution. In the first case, the speaker has to develop a relevant flow of expository thought on his own following the requirements of the individual task; while in the latter case, the speakers perform a collaborative task [Корогаев 2025], which facilitates exposition. Prior experiment results show that in expository dialogue the participants employ both novel and old topic elaboration as well as use request and response communicative moves [Kiose et al. 2024], which supposedly alleviates the tension of producing single novel topic elaboration moves in monologue. Since in gaining common ground in dialogue the speakers will probably use the same nominal phrases (including vague reference cues) in requests and responses, in novel and old topic elaboration moves, we expect that the overall number of these cues will be larger in dialogue.

As seen, the studies [Vogel et al. 2014; Contemori et al. 2025] explore the effects of extraneous cognitive load onto vague reference distribution via the speech mode. Meanwhile, these effects can also be measured multimodally, particularly via speech and manual gesture. This view stems from the idea that cognitive categories serve as a growth point [McNeill 2017] for the speaker's multimodal communicative behavior. For instance, in [Iriskhanova et al. 2023a] the cognitive load in the professional activity of interpreting was measured via gesture aligned with hesitation in speech, and the differences in the distribution of pragmatic and representational gestures were established mediated by the absence or presence of hesitation (appearing in the speech cues like hedges, prolonged pauses, repetitions, etc.). Additionally, the studies point that the cognitive load manifested in hesitation cues stimulates higher gesturing [Betz et al. 2023]. These findings alongside with a cognitive and semiotically marked status of vague reference [Александрова 2018] indicate that both speech and gesture may serve to explore the extraneous cognitive load distribution in the construal of vague reference in expository discourse.

Taking this point further, in [Iriskhanova et al. 2023b], the typology of functional gestures was used after [Cienki, Müller 2008] to explore the co-speech gesture alignment with vague reference in expository monologue. This typology addresses gestures as manifesting four specific discourse construal functions, deictic, representational, pragmatic and adaptive [Alibali et al. 2017]. In [Iriskhanova et al. 2023b] the prevalence of approximators over placeholders was revealed in monologue as well as the distribution patterns of gestures with placeholders and approximators. While hypothesizing the differences in the distribution of co-speech gestures in monologue and dialogue, we expect that following [Alibali et al. 2017], these differences could be observed in the use of representational gestures which are movements that represent semantic information

via form, trajectory or location. Since these gestures do not perform interactional function and are not used to regulate turn-taking, we expect their prevalence in monologue. Additionally, we can expect the higher frequency of contact-establishing pragmatic gestures in dialogue. Overall, to verify the effects of a discourse regime as a potentially significant factor of extraneous cognitive load, we attested the distribution of 1) placeholders and approximators, 2) four gesture types (with subtypes), 3) speech and gesture alignment in monologues contrasted with dialogues. Following Hypothesis 1, we expect to identify the differences in the distribution of placeholders and approximators and in the overall distribution of vague reference cues in expository monologue and dialogue. Following Hypothesis 2, we presume that the discourse regime also determines the differences in the alignment patterns of speech and gestures in vague reference construal.

3. Data and Methods

In our experiment, similarly to [Iriskhanova et al. 2023b], the subjects were to find the differences between Russian pairs of synonyms: “fire — flame”, “deadman — corpse”, “battle — fight”, “nonsense — rubbish”, “punishment — penalty”, “ideal — perfection”, “lie — falsehood”, “fear — apprehension”, “burden — load”, “effort — diligence”, “duty — obligation”, “line — lineament”, “roar — howl”, “obscurity — darkness”; meanwhile, in monologue a speaker had to perform in an individual expository task while in dialogue the speakers were free to change roles, exchange communicative moves, maintain or shift the initiative. Two corpora, monologues and dialogues, were compiled (178 and 640-minute long). To reach the compatibility of the samples, we created two subcorpora of the same duration (with a total of 116-minute long); the analysis was further performed with 13 female and male participants aged 18–23 (mid age 20). In monologue the subjects were sitting on the chair with a camera opposite them (two experiment monitors were also present opposite the speaker presenting the task but not participating in the exposition), in dialogue they were sitting at the table opposite each other (Fig. 1).

To annotate speech and gesture, we used ELAN annotation tool; the annotation was performed by 4 coders, with two coders annotating vague reference cues and 2 coders annotating gestures. Full agreement was obtained in each case since all the data (and not single fragments) were cross-checked. For vague reference in speech, we adopted the system of placeholders and approximators developed in [Ирисханова, Аврамова 2021]. Placeholders were differentiated as lexical units that substitute direct reference to object, property and event (maybe tropes), impersonal pronouns (*кто-то* / *someone*, *где-нибудь* / *somewhere*), shell-nouns (*ситуация* / *situation*, *идея* / *idea*, *вещь* / *thing*), phrases to conclude

narration (*и так далее / etc., и далее / and so on*), nominalized adjectives (*плохое / bad, странное / strange, маленькое / small, религиозное / religious*), metadiscourse markers (*ну и вот / and that's it, что-то типа того / something like that, ну как-то так / something of this kind*). Approximators included words and phrases used to lower the level of accuracy of opinion, and this category includes hedges which make the statement sound less categorical (*ну в целом / by the bye, не совсем / not this way, скорее так / most likely*), hedges pointing at personal opinion (*мне кажется / it seems, по-моему / as for me*), indefinite pronouns and particles accompanying nouns (*какой-нибудь / any, чей-то / someone's*), modal adverbs and discourse markers (*наверно / probably, может быть / possibly*), deictic pronouns and adverbs (*там / there, вон / over there, эти / these*), metadiscourse accompanying comments (*то есть / that is, скажем / well, ну как сказать / how to put it*).

monologue

dialogue

Figure 1. Experiment setting

As for functional gestures, we adopted the typology developed in [Cienki, Müller 2008]. Four groups of gestures were identified: deictic, representational, pragmatic and adaptors. Deictic gestures included pointing, touching, directing; representational gestures comprised holding, molding, acting, embodying, tracing; pragmatic gestures involved discourse structuring, discourse representational, discourse emphatic, contact-establishing, attitude / evaluation, negation, word search; adaptors included self-adaptors and object-adaptors. This typology did not include beats since they mostly accentuated the speech fragment and did not attribute a new discursive function to a multimodal unity.

To identify co-speech gesture alignment patterns, we explored the synchronized use of vague reference cues with gestures irrespective of the gesture phase, which meant that one gesture could be synchronized with more than one vague reference cue (e.g. in *это как бы ну в твоей голове*,

where two approximators *как бы* and *ну* are synchronized with one pragmatic discourse representational gesture) and reversibly one vague reference cue could be synchronized with more than one gesture due to their potential multifunctionality (e.g. in *а ты соврал / соврал / ну бывает*, where approximator *ну* is used with pragmatic emphatic and discourse representational gestures).

First, we annotated vague reference cues and gesture types to obtain their distribution in monologue and dialogue. Then, we used statistical methods to reveal the alignment patterns of vague reference in speech and gesture. Then, to test our hypotheses, a series of contingency and variance tests were performed.

4. Results and discussion

First, we present the overall distribution of placeholders and approximators in monologue and dialogue in Table 1.

Table 1

Total number of placeholders and approximators in monologue and dialogue

Types of vague reference cues in speech	Monologue	Dialogue
Placeholders	395	480
Approximators	1202	1207

The results show the prevalence of approximators both in monologue and in dialogue, which can be attributed to the discourse type of exposition. Still, contrasting their distribution in monologue and dialogue revealed a tendency of using more placeholders in dialogue like in *мне кажется / различие не это а **другое**; это ложь / можно так сказать? / **вранье во благо**; ложь это конкретно более негативное **понятие**; ноша это более трагичное / мне кажется / **трагичное** это бремя*. These examples show that the use of placeholders (in bold type) resulted from either a contrast in opinions or request and response moves, which appeared in dialogue and were mostly absent in monologue. The Chi-square test showed that with $\chi^2=5.805$, $p=0.016$, the overall ratio of placeholders was significantly higher in dialogue. This observation validates Hypothesis 1 claiming that the distribution of placeholders and approximators in expository monologue and dialogue could manifest differences. Meanwhile, we did not observe an overall increase of both types of vague reference cues as we had expected.

In Table 2 the distribution of single cues is presented.

Single placeholders and approximators distribution

Single vague reference cues in speech	Monologue	Dialogue
<i>Placeholders</i>		
direct reference to object, property and event	113	163
impersonal pronouns	108	106
shell-nouns	48	64
phrases to conclude narration	4	1
nominalized adjectives	76	129
metadiscourse markers	46	17
<i>Approximators</i>		
hedges which make the statement sound less categorical	488	576
hedges pointing at personal opinion	98	88
indefinite pronouns and particles accompanying nouns	80	58
modal adverbs and discourse markers	139	131
deictic pronouns and adverbs	197	156
metadiscourse accompanying comments	200	198

With χ^2 tests followed with Holm-Bonferroni corrections, we identified the significant differences in the distribution of several speech cues in monologue vs. dialogue. These included nominalized adjectives ($\chi^2=7.04$; $p=0.008$), metadiscourse markers ($\chi^2=21.29$; $p<.001$), hedges which make the statement sound less categorical ($\chi^2=12.39$; $p<.001$), deictic pronouns and adverbs ($\chi^2=5.78$; $p=0.017$). Therefore, despite the priorly observed overall variance in the distribution of placeholders and approximators in monologue and dialogue, it was mediated by the distribution of single cues. Although this observation needs further verification, we propose that paving the way to the referent via approximators served as an indicator of referent construal in monologue, while shaping the referent via placeholders evidenced of the dialogical shared exposition; although for both regimes the prevalence of approximators was found. Importantly, in dialogue the participants tended to repeat the placeholders several times; presumably, in this way they succeeded in gaining the common ground. For instance, in *в схватке участвуют меньше человек / битва это более масштабное / <...> / битва это что-то более глобальное / <...> / битва это масштабное*, the participant was using the same or semantically similar nominalized adjective (*масштабное / global*) three times while promoting her position, which largely explains the prevalence of this type of placeholders in dialogue.

Second, we proceeded to testing Hypothesis 2 claiming that the alignment patterns of speech and gestures in vague reference construal displayed difference in monologue and dialogue, which could evidence of different effects of extraneous load. As shown above, this difference could appear in the prevalence of representational gestures in monologues [Alibali et al. 2017] which would consequently be less frequently used with placeholders prevailing in dialogue. The second possible difference could be found in the distribution of contact-establishing pragmatic gestures [Cienki, Müller 2008] prevailing in dialogue due to their function. In Table 3 we present the overall distribution of four gesture types used with vague reference cues.

Table 3

Total number of gestures used with vague reference cues

Types of gestures	Monologue	Dialogue
Deictic	75	152
Representational	145	160
Pragmatic	340	1154
Adaptors	349	543

Table 3 shows that gestures frequently co-occurred with vague reference cues, which supports the results obtained in other experiments exploring the cases of lower referent accessibility, e.g., in hesitation [Betz et al. 2023]. As seen, with the prevalence of gesture in dialogue (2009) vs. monologue (909), the gesture distribution varied. Chi-square tests showed that representational gestures appeared with higher frequency in monologue ($\chi^2=71.09$, $p<.001$), while pragmatic gestures were more common for dialogue ($\chi^2=67.83$, $p<.001$). Overall, the results conform to the views expressed in [Alibali et al., 2017] claiming the prevalence of representational gestures in non-interactive contexts. Meanwhile, it is not yet clear how this distribution relates to the use of vague reference cues. Additionally, while the ratio of pragmatic gestures was higher in dialogues, which was overall expected, the distribution of single gesture types could show whether it resulted from the prevalence of contact-establishing or other gestures. Since approximators also appeared more frequently in dialogue, it allowed to presume that pragmatic gestures were overwhelmingly aligned with them. We also observed a significantly larger number of adaptors; however, it could be explained by the differences in the experiment setting (in dialogue regime there was a table between the participants). To contrast the distribution of single gestures used with vague reference cues in speech, we present the data in Table 4.

Single gestures distribution with vague reference cues

Single gesture types used with speech cues	Monologue	Dialogue
<i>Deictic</i>		
Pointing	44	45
Touching	14	100
Directing	17	7
<i>Representational</i>		
Holding	45	56
Molding	53	27
Acting	19	26
Embodying	21	20
Tracing	7	31
<i>Pragmatic</i>		
Discourse structuring	44	191
Discourse representational	80	152
Discourse emphatic	44	254
Contact-establishing	9	382
Attitude / evaluation	71	131
Negation	13	20
Word search	79	24
<i>Adaptors</i>		
Self-adaptors	349	339
Object-adaptors	0	204

Table 4 manifests that single representational and pragmatic gestures displayed different tendencies — we observed the prevalence of representational gestures, particularly molding gestures in monologue, and the prevalence of pragmatic gestures, particularly contact-establishing gestures and discourse emphatic gestures in dialogue. Fig. 2 illustrates the specificity of this distribution.

Fig. 2a shows a typical use of molding gesture with a placeholder *мело* in monologue. Fig. 2b illustrates the use of a contact-establishing pragmatic gesture aligned with an approximator *таким* in dialogue. The results also prove that the earlier observed difference in the frequency of adaptors is explained by the presence of object adaptors which appeared as a result of a different setting with a table between the speakers.

Figure 2a. *А труп это просто тело*
(And corpse is simply a body)

Figure 2b. *Да ложь это с таким оттенком*
(Yes falsehood this with that of an aspect)

Next, developing the presumption that there could be alignment of vague reference cues and gestures, we conducted Kruskal-Wallis non-parametric ANOVA test. Significant differences were found in the use of several gesture types: touching ($\chi^2=4.99$, $p=0.026$), tracing ($\chi^2=6.9$, $p=0.009$), discourse structuring ($\chi^2=5.9$, $p=0.015$), discourse representational ($\chi^2=4.32$, $p=0.038$), discourse emphatic ($\chi^2=7.02$, $p=0.008$), contact-establishing ($\chi^2=9.1$, $p=0.003$). The results in individual behavior additionally showed that most single types of pragmatic gestures prevailed in dialogue. Figs. 3a–3b manifest the distribution of pragmatic gesture types displaying the highest difference with both placeholders and approximators in monologue and dialogue.

As seen, placeholders were used with pragmatic gestures in both regimes, whereas approximators were more frequently used with pragmatic gestures in dialogue. Consequently, while Hypothesis 2 **claiming the presence of specific** alignment patterns of speech and gestures in vague reference construal in monologue and dialogue was overall true, the distinction lay only in the multimodal patterns integrating approximators and pragmatic gestures. The placeholders did not serve to mark specific multimodal patterns typical of either expository dialogue or monologue.

The results show that vague reference as a result of lower referent accessibility [Arnold 2010] is multimodally expressed in a different way in monologue and dialogue, and the distinction lies in the use of approximators which pave the way to the referent [Channel 1983; Подлеская, Стародубцева 2013]. Since we expected to establish specific multimodal alignment patterns of vague reference exposing different extrinsic cognitive load of a monologue and dialogue, we can thus presume that pragmatic gestures aligned with approximators help alleviate the extent of extrinsic cognitive load in dialogue. While vague reference construal definitely exerts intrinsic cognitive load in discourse procession [Vogels

et al., 2014], we can next presume that the observed alleviating effects of a dialogue are produced by different communicative moves [Kiose et al. 2024; Коротаев 2025]. Most obviously, the shared exposition in shaping a vague referent stimulated by the partner’s requests and responses, developing a more “natural” topic elaboration scheme where novel and old topic exchange, promotes a smoother path to vague referent construal via enhanced pragmaticity. Additionally, the higher frequency of placeholders in dialogue could be seen as its distinctive feature. The results also show that the functional gesture typology proposed in [Cienki, Müller, 2008] and developed in [Iriskhanova et al. 2023b] to explore speech and gesture alignment in different discourse types is applicable in establishing the effects of extrinsic cognitive load caused by discourse and communicative factors.

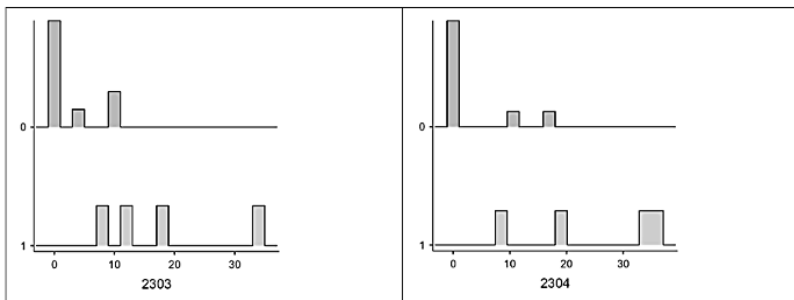

Figure 3a. Placeholders with pragmatic gestures — Discourse emphatic (2303) and Contact-establishing (2304) — in monologue (scale 0) and in dialogue (scale 1)

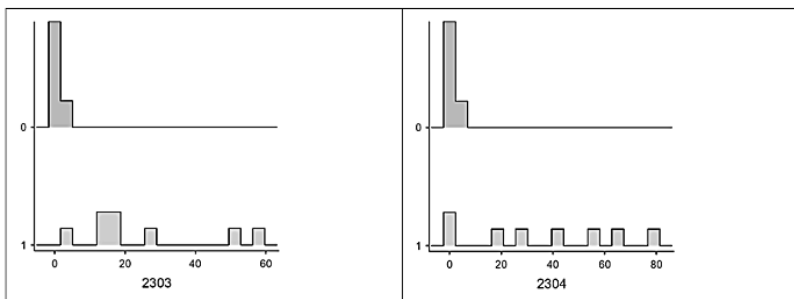

Figure 3b. Approximators with pragmatic gestures — Discourse emphatic (2303) and Contact-establishing (2304) — in monologue (scale 0) and in dialogue (scale 1)

5. Final remarks

In the study, we proposed that vague reference which serves a discourse category, determines the distinctions in extraneous cognitive load caused by the communicative restrictions of monologue as opposed to dialogue

attested via speech and gesture. Overall, the results suggest that vague referent construal is modulated by interactionality, which means that the object of reference with fuzzy boundaries is construed differently in the discourse regimes of monologue and dialogue. The distinctions are found both in the distribution of single vague reference cues and in the distribution of co-speech gesture alignment patterns, namely in the patterns of approximators and pragmatic gestures prevailing in dialogue mediated by a shared exposition task. These observations contribute to further development of cognitive load theories in application to discourse practices.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Александрова О.В. Когнитивно и семиотически маркированные ситуации в языке и речи // Когнитивные исследования языка. 2018. Т. 35. С. 76–80.
2. Ирисханова О.К., Аврамова Ю.С. Нечеткая референция при решении метаязыковых задач как полимодальный феномен // Когнитивные исследования языка. 2021. Т. 4, № 47. С. 233–244.
3. Кортаев Н.А. Дискурсивные контексты наложений в диалоге на русском языке // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной международной конференции «Диалог». 2025. Вып. 23. С. 169–182.
4. Подлеская В.И. Нечеткая номинация в русской разговорной речи: опыт корпусного исследования // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной международной конференции «Диалог». 2013. Вып. 12(19). С. 631–643.
5. Подлеская В.И., Стародубцева А.В. О грамматике средств выражения нечеткой номинации в живой речи // Вопросы языкознания. 2013. № 3. С. 25–41.
6. Федорова О.В., Деликишкина Е.А., Малютина С.А., Успенская А.М., Фейн А.А. Экспериментальный подход к исследованию референции в дискурсе: интерпретация анафорического местоимения в зависимости от риторического расстояния до его антецедента // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной международной конференции «Диалог». 2010. С. 525–531.
7. Alibali M.W., Yeo A., Hostetter A.B., Kita S. Representational gestures help speakers package information for speaking // *Gesture Studies* / ed. Church R.B., Alibali M.W., Kelly S.D. Amsterdam, 2017. Vol. 7. P. 15–37.
8. Arnold J. How speakers refer: the role of accessibility // *Language and Linguistics Compass*. 2010. Vol. 4. P. 187–203.
9. Berman R.A., Nir-Sagiv B. Comparing narrative and expository text construction across adolescence: A developmental paradox // *Discourse Processes*. 2007. Iss. 43(2). P. 79–120.
10. Betz S., Bryhadyr N., Türk O., Wagner P. Cognitive load increases spoken and gestural hesitation frequency // *Languages*. 2023. Vol. 8, № 1. Article number: 71.
11. Chafe W. *Discourse, consciousness, and time. The flow and displacement of conscious experience in speaking and writing*. Chicago: The University of Chicago Press, 1994.
12. Channell J. *Vague language: Some vague expressions in English*. Dr. Philosophy Thesis. York: University of York, 1983.

13. Cienki A., Müller C. (eds.) *Metaphor and Gesture*. Amsterdam and Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2008.
14. Contemori C., Hendriks P., Ivanova I. Referential choice in L2 English: Comparing L1 Spanish and L1 Dutch speakers // *Applied Psycholinguistics*. 2025. Vol. 46. P. 1–17.
15. Iriskhanova O.K., Cienki A., Tomskaya M.V., Nikolaeva A.I. Silent, but salient: gestures in simultaneous interpreting // *Research Result. Theoretical and Applied Linguistics*. 2023a. Vol. 9, № 1. P. 99–114.
16. Iriskhanova O.K., Kiose M.I., Leonteva A.V., Agafonova O.V. Vague reference in expository discourse: multimodal regularities of speech and gesture // *Computational Linguistics and Intellectual Technologies*. M., 2023b. Vol. 22. P. 172–180.
17. Kibrik A.A., Khudyakova M.V., Dobrov G.B., Linnik A., Zalmanov D.A. Referential choice: Predictability and its limits // *Frontiers of Psychology*. 2016. Article number:1429.
18. Kiose M.I., Leonteva A.V., Agafonova O.V., Petrov A.A. Multimodal communicative moves in expository dialogue: Common and novel topic elaboration // *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*. 2023. Vol. 14(4). P. 1013-1035.
19. Longacre R.E. *The grammar of discourse*. New York: Plenum, 1983.
20. McNeill D. Gesture-speech unity: What it is, where it came from // *Gesture Studies* / ed. Church R.B., Alibali M.W., Kelly S.D. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2017. Vol. 7. P. 77–101.
21. Mittelberg I., Evola V. Iconic and representational gestures // *Body — Language — Communication. Handbücher zur Sprach- und Kommunikationswissenschaft*. Berlin, München, Boston: De Gruyter. 2014. Vol. 2. P. 1732–1746.
22. Nippold M.A., Scott C.M. *Expository discourse in children, adolescents, and adults: Development and disorders*. New York: Psychology Press, 2010.
23. Tomlin R.S. Focal attention, voice and word order: An experimental cross-linguistic study // *Word order in discourse* / P. Downing, M. Noonan (eds.). Amsterdam: John Benjamins Publishing, 1995. P. 517–554.
24. Vogels J., Krahmer E., Maes A.A. How cognitive load influences speakers' choice of referring expressions // *Cognitive Science*. 2014. Vol. 39 (6). P. 1396–1418.
25. Sweller J. *Cognitive Load Theory* // *Psychology of Learning and Motivation*. 2011. Vol. 55. P. 37–76.

REFERENCES

1. Aleksandrova O.V. Kognitivno i semioticheski markirovannye situacii v jazyke i rechi [Cognitively and semiotically marked situations in language and speech]. *Cognitive Studies of Language*, 2018, № 35, pp. 76–80. (In Russ.)
2. Iriskhanova O.K., Avramova Yu.S. Nechetkaja referencija pri reshenii metajazykovyh zadach kak polimodal'nyj fenomen [Vague reference in metalinguistic tasks as a multimodal phenomenon]. *Cognitive Studies of Language*, 2021, vol. 4, № 47, pp. 233–244. (In Russ.)
3. Korotaev N.A. Diskursivnye konteksty nalozhenij v dialoge na russkom yazyke [Discourse contexts of imposition in Russian language dialogue]. *Computational Linguistics and Intellectual Technologies*, 2025, vol. 23, pp. 169–182. (In Russ.)
4. Podlesskaya V.I. Nechetkaya nominaciya v russkoj razgovornoj rechi: opyt korpusnogo issledovaniya [Vague names in Russian speech: a corpus study]. *Computational Linguistics and Intellectual Technologies*, 12(19), 2013, pp. 631–643. (In Russ.)

5. Podlesskaya V.I., Starodubtseva A.V. O grammatike sredstv vyrazhenija nechetkoj nominacii v zhivoj rechi [On the grammar of placeholders in colloquial speech]. *Voprosy Jazykoznanija*, 2013, № 3, pp. 25–41. (In Russ.)
6. Fedorova O.V., Delikishkina E.A., Malyutina S.A., Uspenskaya A.M., Fejn A.A. Eksperimental'nyj podhod k issledovaniyu referencii v diskurse: interpretaciya anaforicheskogo mestoimeniya v zavisimosti ot ritoricheskogo rasstoyaniya do ego antecedenta [Experimental studies of reference in discourse: interpretation of anaphoric pronoun mediated by rhetoric distance to its antecedent] // *Computational Linguistics and Intellectual Technologies*, 2010, pp. 525–531. (In Russ.)
7. Alibali M.W., Yeo A., Hostetter A.B., Kita S. Representational gestures help speakers package information for speaking. *Gesture Studies*, ed. Church R.B., Alibali M.W., Kelly S.D. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2017, Vol. 7, pp. 15–37.
8. Arnold J. How speakers refer: the role of accessibility. *Language and Linguistics Compass*, 2010, vol. 4, pp. 187–203.
9. Berman R.A., Nir-Sagiv B. Comparing narrative and expository text construction across adolescence: A developmental paradox. *Discourse Processes*, 2007, 43(2), pp. 79–120.
10. Betz S., Bryhadry N., Türk O., Wagner P. Cognitive Load Increases Spoken and Gestural Hesitation Frequency. *Languages*, 2023, vol. 8, № 1, article number: 71.
11. Chafe W. *Discourse, consciousness, and time. The flow and displacement of conscious experience in speaking and writing*. Chicago: The University of Chicago Press, 1994.
12. Channell J. *Vague language: Some vague expressions in English*. Dr. Philosophy Thesis. York: University of York, 1983.
13. Contemori C., Hendriks P., Ivanova I. Referential choice in L2 English: Comparing L1 Spanish and L1 Dutch speakers. *Applied Psycholinguistics*, 2025, vol. 46, pp. 1–17.
14. Iriskhanova O.K., Cienki A., Tomskaya M.V., Nikolaeva A.I. Silent, but salient: gestures in simultaneous interpreting. *Research Result. Theoretical and Applied Linguistics*, 2023a, vol. 9, № 1, pp. 99–114.
15. Iriskhanova O., Kiose M., Leonteva A., Agafonova O. Vague reference in expository discourse: multimodal regularities of speech and gesture. *Computational Linguistics and Intellectual Technologies*, M.: RSUH, 2023b, vol. 22, pp. 172–180.
16. Kibrik A.A., Khudyakova M.V., Dobrov G.B., Linnik A., Zalmanov D.A. Referential choice: Predictability and its limits. *Frontiers of Psychology*, 2016, article number:1429. doi: 10.3389/fpsyg.2016.01429
17. Kiose M.I., Leonteva A.V., Agafonova O.V., Petrov A.A. Multimodal communicative moves in expositive dialogue: Common and novel topic elaboration. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 2023, vol. 14(4), pp. 1013–1035. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-4-1013-1035>
18. Longacre R.E. *The grammar of discourse*. New York: Plenum, 1983.
19. McNeill D. Gesture-speech unity: What it is, where it came from. *Gesture Studies*, ed. Church R.B., Alibali M.W., Kelly S.D. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2017, vol. 7, pp. 77–101.
20. Cienki A., Müller C. (eds.) *Metaphor and Gesture*. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2008.
21. Mittelberg I., Evola V. Iconic and representational gestures. *Body — Language — Communication. Handbücher zur Sprach- und Kommunikationswissenschaft*, ed. Müller C. et al. Berlin, München, Boston: De Gruyter Mouton, 2014, Vol. 2, pp. 1732–1746.
22. Nippold M.A., Scott C.M. *Expository discourse in children, adolescents, and adults: Development and disorders*, New York: Psychology Press, 2010.

23. Tomlin R.S. Focal attention, voice and word order: An experimental cross-linguistic study. *Word order in discourse*, ed. P. Downing, M. Noonan. Amsterdam: John Benjamins Publishing, 1995, pp. 517–554.
24. Vogels J., Krahmer E., Maes A.A. How cognitive load influences speakers' choice of referring expressions. *Cognitive Science*, 2014, vol. 39 (6), pp. 1396–1418. <https://doi.org/10.1111/cogs.12205>
25. Sweller J. Cognitive Load Theory. *Psychology of Learning and Motivation*, Elsevier, 2011, vol. 55, pp. 37–76.

Поступила в редакцию 12.09.2025

Отредактирована 15.11.2025

Принята к публикации 21.04.2026

Received 12.09.2025

Revised 15.11.2025

Accepted 21.04.2026

ОБ АВТОРАХ

Мария Ивановна Киосе — д.ф.н., доцент, главный научный сотрудник Центра Социокогнитивных исследований Московского государственного лингвистического университета; ведущий научный сотрудник Лаборатории мультимедийной коммуникации Института языкознания РАН; maria_kiose@mail.ru

Анна Васильевна Леонтьева — к.ф.н., старший научный сотрудник Центра Социокогнитивных исследований дискурса Московского государственного лингвистического университета; младший научный сотрудник Лаборатории мультимедийной коммуникации Института языкознания РАН; lentevanja27@gmail.com

Ольга Владимировна Агафонова — научный сотрудник Центра Социокогнитивных исследований дискурса Московского государственного лингвистического университета, младший научный сотрудник Лаборатории мультимедийной коммуникации Института языкознания РАН; olga.agafonova92@gmail.com

Андрей Андреевич Петров — научный сотрудник Центра Социокогнитивных исследований дискурса Московского государственного лингвистического университета; младший научный сотрудник Лаборатории мультимедийной коммуникации Института языкознания РАН; petrov@linguanet.ru

ABOUT THE AUTHORS

Maria I. Kiose — Prof. Dr., Associate Professor, Chief Researcher at the Centre for Socio-Cognitive Discourse Studies, Moscow State Linguistic University; Leading Researcher at the Laboratory of Multi-Channel Communication, Institute of Linguistics RAS; maria_kiose@mail.ru

Anna V. Leonteva — PhD, Senior Researcher at the Center for Socio-Cognitive Discourse Studies, Moscow State Linguistic University; Junior Researcher at the Laboratory of Multi-Channel Communication, Institute of Linguistics RAS; lentevanja27@gmail.com

Olga V. Agafonova — Research Fellow at the Center for Socio-Cognitive Discourse Studies, Moscow State Linguistic University; Junior Researcher at the Laboratory of Multi-Channel Communication, Institute of Linguistics RAS;
olga.agafonova92@gmail.com

Andrey A. Petrov — Research Fellow at the Center for Socio-Cognitive Discourse Studies, Moscow State Linguistic University; Junior Researcher at the Laboratory of Multi-Channel Communication, Institute of Linguistics RAS; petrov@linguanet.ru

СМЫСЛОВОЕ НАПОЛНЕНИЕ КОНЦЕПТА ПИАР В СОВРЕМЕННОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ (ПО ДАННЫМ АССОЦИАТИВНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА)

М.В. Малеткина

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского», Нижний Новгород, Россия; MaletkinaMariya@yandex.ru

Аннотация: В данной статье анализируется содержание концепта ПИАР в современном языковом сознании носителей русского языка. В условиях постоянно развивающегося информационного общества концепт ПИАР становится элементом формирования общественного мнения и восприятия. Данный концепт, таким образом, представляет научный интерес, так как отражает изменения в обществе, связанные с развитием информационных технологий. Цель работы: изучение лексической объективации и выявление смыслового объема концепта в национальном сознании русского народа. Задачи: проведение репрезентативной выборки испытуемых, получение списка ассоциаций, выявление специфики концепта ПИАР в современном языковом сознании путем анализа данных ассоциативного эксперимента, выделение когнитивных признаков концепта. Анализ концепта производится посредством метода свободного ассоциативного эксперимента. Материалом описываемого исследования являются результаты ассоциативного эксперимента. Результатом исследования является выявление 8 когнитивных признаков концепта ПИАР. Проведенное исследование позволяет определить содержание концепта ПИАР в современном языковом сознании, результаты могут использоваться для составления толковых и переводческих словарей, а также для анализа иных концептов.

Ключевые слова: ассоциативный эксперимент; когнитивная лингвистика; когнитивные признаки; концепт ПИАР; концептосфера

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2026-49-03-5

Для цитирования: Малеткина М.В. Смысловое наполнение концепта ПИАР в современном языковом сознании // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2026. № 3. С. 63–74.

THE SEMANTIC CONTENT OF THE CONCEPT OF PR IN THE MODERN LINGUISTIC CONSCIOUSNESS (ACCORDING TO THE ASSOCIATIVE EXPERIMENT DATA)

Maria V. Maletkina

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia; MaletkinaMariya@yandex.ru

Abstract: This article analyzes the content of the PR concept in the modern linguistic consciousness of Russian speakers. In the context of an ever-evolving information society, the PR concept becomes an element of shaping public opinion and perception. Therefore, this concept is of scientific interest, as it reflects the changes in society associated with the development of information technologies. The purpose of this work is to study the lexical objectification and identify the semantic scope of the concept in the national consciousness of the Russian people. Tasks: conducting a representative sample of subjects, obtaining a list of associations, identifying the specifics of the PR concept in modern linguistic consciousness by analyzing the data of the association experiment, and highlighting the cognitive features of the concept. The concept is analyzed using the free association experiment method. The material of this study is the results of the association experiment. The study resulted in the identification of 8 cognitive features of the PR concept. The conducted research allows us to determine the content of the PR concept in modern linguistic consciousness, and the results can be used to compile explanatory and translation dictionaries, as well as to analyze other concepts.

Keywords: associative experiment; cognitive linguistics; cognitive features; the concept of PR; conceptsphere

For citation: Maletkina M.V. (2026) The Semantic Content of the Concept of PR in the Modern Linguistic Consciousness. *Lomonosov Philology Journal*, no. 3, pp. 63–74.

В современных лингвистических исследованиях существует значительная вариативность направлений, изучающих разные аспекты языка. Одним из таких направлений является когнитивная лингвистика — наука, стремящаяся понять, как устроено человеческое сознание: «как человек познает действительность, как структурирует сведения о мире, превращая их в знание, и как создается ментальное пространство» [Маслова 2007: 16]. В центре внимания когнитивной лингвистики — мышление человека, а также его взаимосвязь с языком. Механизмы взаимодействия языка и мышления — проблема, интересующая ученых не одну сотню лет. Еще Платон и Аристотель рассуждали об этом в своих трудах. Становление когнитивной лингвистики — науки, возникшей относительно недавно (окончательно оформилась в самостоятельную дисциплину она в 90-е годы XX века), — позволило еще немного продвинуться

в понимании этого вопроса. Когнитивная лингвистика, разумеется, не могла существовать в отрыве от других наук, поэтому прослеживается ее связь с разными дисциплинами: психологией познания, лингвистикой, лингвокультурологией, психолингвистикой и др. Становление науки связывают с работами таких американских ученых, как Р. Джакендофф, Дж. Лакофф, Р. Лангакер, Н. Хомский и некоторых других. Немалое количество и отечественных исследователей внесло свой вклад в изучение языка в когнитивном направлении.

Идея исследования концепта и выявления его когнитивных признаков подразумевает создание теоретической базы. Нами были изучены фундаментальные труды по вопросам языковой концептуализации мира, языковой картины мира и концептосферы: А.П. Бабушкин, Н.Н. Болдырев, А. Вежицкая, В. фон Гумбольдт, В.З. Демьянков, А.А. Залевская, И.В. Зыкова, В.И. Карасик, Ю.Н. Караулов, А.А. Кибрик, В.В. Колесов, В.В. Красных, В.А. Маслова, М.В. Пименова, Ю.С. Степанов, В.Н. Телия, Р.М. Фрумкина, Л.О. Чернейко и многих других исследователей. Также нами изучены наиболее значимые положения лингвокультурологических исследований С.А. Аскольдова, С.Г. Воркачева, Д.С. Лихачева (концептосфера), описание методов исследования и основы анализа концептов Е.С. Кубряковой, И.А. Стернина и З.Д. Поповой, современные исследования в области когнитивной лингвистики Н.А. Бесединой, Т.М. Горшковой и Л.И. Ручиной, Т.А. Ланге-Соболевой, Т.Б. Радбиля, О.И. Подкопаевой и других. А также некоторые дополнительные исследования, описывающие структуру и особенности ассоциативного эксперимента: А.Р. Лурия, Ю.А. Борисова, Н.С. Горинова, Н.В. Уфимцева и другие.

В.З. Демьянков и Е.С. Кубрякова в «Кратком словаре когнитивных терминов» определяют когнитивную лингвистику следующим образом: «лингвистическое направление, в центре внимания которого находится язык как общий когнитивный механизм...», который играет роль в кодировании и трансформировании информации [Краткий словарь когнитивных терминов 1996: 53–55].

Когнитивная лингвистика за последние десятилетия прошла несколько стадий развития. В современной когнитивной лингвистике выделяют немало подходов, определившимися на сегодняшний день являются следующие: культурологический, подразумевающий исследование концептов как элементов культуры с использованием данных разных наук, это междисциплинарные исследования (такого подхода придерживался, например, Ю.С. Степанов); лингвокультурологический подход исследует концепты в связи с национальными особенностями культуры (В.И. Карасик,

С.Г. Воркачев); логический — анализ с помощью логических методов (Н.Д. Арутюнова); семантико-когнитивный — в данном случае начинают исследование с лексической и грамматической семантики языка (Е.С. Кубрякова, Н.Н. Болдырев); философско-семиотический подход изучает, как наше мышление и опыт формирует языковые знаки и стоящие за ними концепты (А.В. Кравченко). В данном исследовании нам близок лингвокультурологический подход, так как цель нашего исследования — выявление когнитивных признаков концепта ПИАР в современном языковом сознании.

Одним из базовых понятий когнитивной лингвистики безусловно является концепт. Термин «концепт» — современное наименование, но его семантическую сторону исследовали еще ученые средневековья (Пьер Абеляр и другие). В современном понимании данный термин впервые был упомянут в статье С.А. Аскольдова-Алексеева «Слово и концепт» (1928 год). Для автора концепт — «мысленное образование, которое замещает нам в процессе мысли неопределенное множество предметов одного и того же рода» [Аскольдов 1997: 296]. Функция замещения является основополагающей в этом определении.

Сегодня у термина «концепт» нет единого определения. Разные ученые понимают его по-разному. Рассмотрим наиболее классические теории. Д.С. Лихачев, опираясь на позицию С.А. Аскольдова-Алексеева, разрабатывает свое определение концепта. В работе «Концептосфера русского языка» он говорит о том, что концепт формируется, когда на семантику слова накладывается личный опыт человека [Лихачев 1993].

Определение концепта А. Вежбицкой выглядит следующим образом: «Это объект из мира “Идеальное”, имеющий имя и отражающий определенные культурно обусловленные представления человека о мире “Действительность”» [Вежбицкая 1997: 46].

Р.М. Фрумкина называет концептом вербализованное понятие, которое должно быть отрефлексировано в культурных категориях. В.Н. Телия считает концепт продуктом человеческой мысли. Она пишет о том, что это идеальное явление, оно присуще и человеческому сознанию, а не только языковому. Это некий конструкт, реконструирующийся с помощью внеязыкового знания и языкового выражения.

Е.С. Кубрякова размышляет о человеческом опыте, лежащем в основе языка и формирующем представление об абстрактных единицах. «Концепт — это оперативная содержательная единица памяти ментального лексикона, концептуальной системы мозга, всей картины мира, отраженной в человеческой психике» [Кубрякова 1994: 31].

В.И. Карасик выделяет в концепте несколько сторон: образную — «характеристика явлений, предметов, событий, закрепленных в памяти человека, воспринимаемых с помощью сенсорных органов чувств», понятийную — «закрепление концепта в языке» и ценностную — «значение подобного образования для человека и группы» [Карасик 2004: 11].

По мнению Ю.С. Степанова, концепт является «сгустком культуры», единицей, помогающей культуре отражаться в человеческом сознании [Степанов 1997: 160].

А.П. Бабушкин считает концепт «единицей коллективного сознания, отражающей объект реальной действительности, находящейся в национальной памяти носителей» [Бабушкин 1997: 11].

При описании концепта мы придерживались определения, предложенного З.Д. Поповой и И.А. Стерниным: концепт — «дискретное ментальное образование, являющееся базовой единицей мыслительного кода человека, обладающее относительно упорядоченной внутренней структурой, представляющее собой результат познавательной (когнитивной) деятельности личности и общества и несущее комплексную, энциклопедическую информацию об отражаемом предмете или явлении, об интерпретации данной информации общественным сознанием и отношении общественного сознания к данному явлению или предмету» [Попова, Стернин 2003: 24]. Концепт является посредником между человеком и культурой, он реализуется в языке. Концепты «хранятся в человеческом сознании в «свернутом» состоянии в виде образов и «разворачиваются» в речи, когда нам необходимо их использовать» [Попова, Стернин 2003: 84]. Концепт является результатом мыслительной деятельности человека, он хранит в себе информацию, способную меняться в результате получаемого жизненного опыта.

Методом, используемым для анализа материала в данном исследовании, является метод свободного ассоциативного эксперимента.

Основателями данного метода традиционно считаются американские психологи Х.Г. Кент и А.Дж. Розанов, которые впервые применили его в практических целях.

В отечественной лингвистике особенно выделяют исследования А.Р. Лурии и его учеников. Обычно выделяют три типа ассоциативного эксперимента: свободный (респондент сообщает реакцию на слово-стимул без каких-либо ограничений, берется первая реакция), цепочечный (испытуемому предлагается дать определенное количество реакций, стандартно — от 3-х до 5-ти ассоциаций) и направленный (накладывает разного рода ограничения: часть речи и др.). «Ассоциативные значения слов порождаются путем речемыслитель-

ных процессов в мозге, отдельные смысловые оттенки берутся из более общего ассоциативного поля (фрейма), приобретенного в ходе жизни», — пишут И.А. Федорцева и И.В. Тубалова. В нашем исследовании мы будем использовать первый вариант — свободный ассоциативный эксперимент.

В данном исследовании мы сосредоточим внимание на анализе концепта ПИАР в современном языковом сознании. В условиях постоянно развивающегося информационного общества концепт ПИАР становится элементом формирования общественного мнения и восприятия. Данный концепт, таким образом, представляет научный интерес, так как отражает изменения в обществе, связанные с развитием информационных технологий.

В данной статье представлены результаты ассоциативного эксперимента и выводы, сделанные на их основе. Наше исследование подразумевает несколько этапов, ассоциативный эксперимент является одним из методов описания концепта. Нами принято решение сосредоточиться на вышеупомянутом способе изучения концепта, дабы полноценно и доказательно описать полученные выводы. Таким образом, цель работы — изучение лексической объективации и выявление смыслового объема концепта в современном языковом сознании на основе анализа ассоциативного эксперимента.

Исследование концепта ПИАР в современном национальном языковом сознании, выявление его социально, национально и культурно значимых представлений потребовало проведения прямого свободного ассоциативного эксперимента. Данный вид эксперимента подразумевает получение одной реакции на слово-стимул, при этом перед респондентом не ставится никаких ограничений. В ходе нашего исследования было опрошено 300 респондентов, принадлежащих к разным гендерным, возрастным, профессиональным и образовательным группам. Респондентами в данном случае стали студенты «Института филологии и журналистики» ННГУ им. Н.И. Лобачевского (специальности: «Журналистика», «Социология», «Реклама и связи с общественностью»), студенты некоторых других специальностей ННГУ им. Лобачевского («Юриспруденция», «Архитектура», «Медицина» и т. д.), представители различных профессий (бухгалтеры, водители, продавцы, маркетологи, врачи, учителя, юристы), работающие на себя предприниматели, матери, находящиеся в декрете по уходу за детьми, а также пожилые люди. В ходе данного эксперимента мы постарались расширить выборку, так как нашей целью стало изучение концепта в современном языковом сознании, а разнообразие профессиональных компетенций респондентов позволяет получить достоверные результаты. Возраст ре-

спондентов также имел значение в проведенном нами исследовании. В первую очередь было принято решение не включать в эксперимент респондентов, не достигших совершеннолетия (18 лет), так как этот возраст (18–20 лет) считается возрастом психологической зрелости. Об этом говорят разные ученые, например, авторы статьи “A Canonical Trajectory of Executive Function Maturation from Adolescence to Adulthood” Б. Терво-Клемменс, Ф. Дж. Калабро, А.С. Папп и др. пишут следующее: “... this work identifies a canonical non-linear developmental trajectory of executive function maturation that generalizes across datasets and assessments, with rapid age-related change from late childhood to early adolescence (10–15 years old), small but significant changes in mid-adolescence (15–18 years old), before stabilizing to adult-levels in late adolescence (18–20 years old). The similarity in developmental trajectories is well accounted for by domain-general processes consistent with theories of unitary executive function and fluid cognition” [Tervo-Clemmens 2003]. Таким образом, 18 лет — возраст психологической зрелости. Все исследуемые были разделены на две группы: в возрасте от 18 до 35 лет (было опрошено 80 мужчин и 100 женщин), в возрасте от 35 лет (было опрошено 50 мужчин и 70 женщин). Решение разделить респондентов на группы таким образом было принято в связи с теорией, которая говорит о кризисе 35 лет, называет этот период важным для когнитивного становления личности. Последние исследования Кембриджского университета высказывают мысль о том, что окончательное формирование психологической зрелости человека происходит к 30–35 годам. Например, в статье “Topological Turning Points Across the Human Lifespan” ведущий автор работы доктор Алекс Маусли пишет: “Our findings suggest that in Western countries (i.e., the United Kingdom and United States of America), adolescent topological development extends to around 32 years old, before brain networks begin a new trajectory of topological development... 32 years old is the strongest topological turning point of the lifespan. At this age, the most directional changes and a large shift in trajectory occur compared to the other turning points” [Mousley: 2025]. Это предположение подтверждает необходимость разграничения респондентов нашего исследования на несколько групп.

Ассоциативный эксперимент проводился посредством устного опроса и письменного интернет-анкетирования. Респондентам предлагалось дать одну реакцию на слово-стимул. В ходе эксперимента было получено 300 различных реакций на слово-стимул, 28 из которых являются единичными. Отказов выявлено не было.

На основе анализа частотности ассоциатов мы определили ядро концепта (его составили реакции, полученные от 24 % испытуемых), базовый слой (от 15 % до 5 %), ближнюю периферию (< 5 %) и даль-

ную периферию (индивидуальные ассоциации). В ядро вошла реакция «реклама» (72). Базовый слой включает в себя следующие ассоциаты: продвижение (33), деньги (30), хайп (29), известность (27), менеджер (22), популярность (20). Ближняя периферия: блогер (5), кампания (5), маркетинг (5), контент (4), распространение (4), Ютуб (3), звезды (3), пират (3), попугай (3), СММ (2), ход (2). К дальней периферии мы отнесли единичные реакции: агентство, бартер, грязь, диджей, Елена Блиновская, желтый, журналист, инстасамка, Катя Адушкина, ложь, Мегафон, накрутка, обман, общественный, первый, пир, популяризация, работа, разглашение, рекомендации, синий, соцсеть, Телеграм, успех, фальшь, черный, шумиха, Шурыгина. Всего 28 реакций.

Ядром концепта ПИАР стала ассоциация «реклама». Предположительно это произошло, потому что реклама является главным инструментом пиара и пиар-кампаний, позволяет управлять коммуникацией.

В базовый слой концепта вошли такие ассоциации: «продвижение», «деньги», «хайп», «известность», «менеджер», «популярность». Они отражают ключевые когнитивные признаки концепта как социально-экономического феномена: «продвижение», «известность», «хайп», «популярность» — целенаправленное создание публичного внимания через профессиональные практики, также, например, ассоциат «деньги» подчеркивает коммерческую основу (указание на экономический аспект, поскольку данный концепт напрямую связан с деньгами и является чаще всего коммерческим средством популяризации). Данные ассоциации фиксируют целевые ориентиры PR-деятельности — достижение известности и статуса. Эти реакции демонстрируют, что в современном сознании пиар воспринимается прежде всего как технология управления вниманием, где экономические, профессиональные и медийные аспекты взаимосвязаны.

Все полученные реакции были распределены на тематические группы:

1. Профессиональные распространители PR-деятельности: менеджер, блогер, журналист, диджей, Елена Блиновская, Катя Адушкина, инстасамка, Шурыгина, агентство.

2. Средства распространения (каналы и платформы): Ютуб, Телеграм, соцсеть, мегафон, пиратский сайт (пират), реклама.

3. PR-методы: продвижение, кампания, маркетинг, СММ, пиар-ход, накрутка, популяризация, рекомендации, бартер, разглашение, контент, распространение.

4. Результаты PR-деятельности: известность, популярность, успех, хайп, шумиха, звезды.

5. Виды PR: желтый (использование скандальных или шокирующих инфоповодов с целью привлечь внимание), синий (социальный пиар, благотворительность, донорство), черный.

6. Ложь, преувеличение в ходе распространения: ложь, обман, фальшь, грязь, попугай (повторение/копирование).

7. Социальные аспекты: общественный, первый (как статус).

Представленная классификация демонстрирует многомерность концепта ПИАР в современном языковом сознании.

Особого внимания заслуживает двойственность восприятия PR: с одной стороны, как профессиональной деятельности (маркетинг, продвижение), с другой — как манипулятивной практики (ложь, обман).

Рассматривая реакции в соответствии с возрастными, гендерными, профессионально ориентированными особенностями респондентов, можно выделить некоторые закономерности:

1. Некоторые наши респонденты дали профессионально ориентированные реакции, поскольку связаны с PR-сферой (желтый, синий, черный пиар). Данные реакции были даны исключительно от представителей этих профессий (журналисты, маркетологи), входящих в первую возрастную группу.

2. При анализе полученных данных выявлена одна особенность — представители первой группы чаще ассоциируют концепт с цифровыми технологиями и современными СМИ: хайп, блогеры, соцсети. Представители второй группы ассоциируют концепт с классическими каналами связи: телевидение, журналисты.

3. В процессе исследования было отмечено, что женщины чаще реагировали на слово-стимул, давая персонифицированную реакцию (Катя Адушкина, инстасамка).

В результате анализа данных ассоциативного эксперимента (выделения ядра концепта и его слоев, разделения ассоциаций на категории, анализа этих категорий, анализа профессионально ориентированных, возрастных и гендерных особенностей) были выделены когнитивные признаки концепта ПИАР:

- 1) Инструмент влияния;
- 2) Средство достижения цели;
- 3) Ложь, искажение фактов/действительности;
- 4) Манипуляция сознанием;
- 5) Технология достижения популярности;
- 6) Профессиональная деятельность;
- 7) Средство, активно используемое в медиасфере;
- 8) Возможность повышения статуса.

В сознании современного носителя русского языка концепт ПИАР представлен как двойственный феномен, сочетающий профессиональные технологии влияния («продвижение», «маркетинг») с манипулятивными практиками («ложь», «обман»). Ядро концепта формирует ассоциация «реклама», что отражает восприятие пиара как способа управления коммуникацией, где успех («популярность», «хайп») часто противоречит правдивости.

Проведенное исследование позволило определить содержание концепта ПИАР в современном языковом сознании. Данные исследования могут быть полезны при изучении иных концептов, например, «пропаганда» и «агитация», а также при составлении словарей-справочников по русскому языку для иностранцев.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Mousley A., Bethlehem R.A.I., Yeh F.C.* et al. Topological turning points across the human lifespan. *Nat Commun* 16, 10055 (2025). URL: <https://doi.org/10.1038/s41467-025-65974-8>
2. *Tervo-Clemmens, B. Calabro, F.J. Parr, A.C.* et al. A canonical trajectory of executive function maturation from adolescence to adulthood. *Nat Commun* 14, 6922 (2023). URL: <https://doi.org/10.1038/s41467-023-42540-8>
3. *Аскольдов С. А.* Концепт и слово: от теории словесности к структуре текста М., 1997.
4. *Бабушкин А.П.* Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка, их личностная и национальная специфика Воронеж, 1997.
5. *Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание М., 1997.
6. *Горшкова Т.М., Ручина Л.И.* Методологические указания по составлению словаря концептов русского фольклора: Методическое пособие Н. Н., 2005.
7. *Карасик В.И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс М., 2004.
8. *Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г.* Краткий словарь когнитивных терминов М., 1996.
9. *Кубрякова Е.С.* Парадигмы научного знания в лингвистике и ее современный статус М., 1994.
10. *Лихачев Д.С.* Концептосфера русского языка Астрахань, 1993.
11. *Лурия А.Р.* Язык и сознание М., 1979.
12. *Маслова В.А.* Введение в когнитивную лингвистику М., 2007.
13. *Попова З.Д., Стернин И.А.* Очерки по когнитивной лингвистике Воронеж., 2003.
14. *Степанов Ю.С.* Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования М., 1997.
15. *Федорцева И.А., Тубалова И.В.* Особенности метода ассоциативного эксперимента и его роль в когнитивных исследованиях. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-metoda-assotsiativnogo-eksperimenta-i-ego-rol-v-kognitivnyh-issledovaniyah>.
16. *Фрумкина Р.М.* Психоллингвистика: учеб.пособие для студентов высш. учеб. заведений М., 2001.

REFERENCES

1. Askoldov S. A. Koncept i slovo: ot teorii slovesnosti k strukture teksta [Concept and Word: From Literary Theory to Text Structure]. M., 1997. (In Russ.)
2. Babushkin A.P. Tipy konceptov v leksiko-frazeologicheskoj semantike yazyka, ikh lichnostnaya i nacionalnaya specifika [Types of Concepts in Lexical and Phraseological Semantics of Language, Their Personal and National Specificity]. Voronezh, 1997. (In Russ.)
3. Fedortseva, I. A., Tubalova, I. V. Osobennosti metoda assotsiativnogo eksperimenta i ego rol' v kognitivnykh issledovaniyakh [Peculiarities of the Associative Experiment Method and Its Role in Cognitive Research]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-metoda-assotsiativnogo-eksperimenta-i-ego-rol-v-kognitivnyh-issledovaniyah>. (In Russ.)
4. Frumkina R.M. Psicholingvistika: ucheb.posobie dlya studentov vyssh. ucheb. zavedenij [Psycholinguistics: A Textbook for University Students] M., 2001. (In Russ.)
5. Gorshkova T.M., Ruchina L.I. Metodologicheskie ukazaniya po sostavleniyu slovarya konceptov russkogo folklora: Metodicheskoe posobie [Methodological Guidelines for Compiling a Dictionary of Russian Folklore Concepts: A Manual]. N. N., 2005. (In Russ.)
6. Karasik V.I. Yazykovoju krug: lichnost, koncepty, diskurs [Language Circle: Personality, Concepts, Discourse]. M., 2004. (In Russ.)
7. Kubryakova E. S., Demyankov V. Z., Pankrac YU. G., Luzina L. G. Kratkij slovar kognitivnykh terminov [A Concise Dictionary of Cognitive Terms]. M., 1996. (In Russ.)
8. Kubryakova E.S. Paradigmy nauchnogo znaniya V lingvistike I ee sovremennyj status [Paradigms of Scientific Knowledge in Linguistics and Its Current Status]. M., 1994. (In Russ.)
9. Likhachev D.S. Konceptosfera russkogo yazyka [The Conceptsphere of the Russian Language]. Astrakhan, 1993. (In Russ.)
10. Luriya A.R. Yazyk i soznanie [Language and Consciousness]. M., 1979. (In Russ.)
11. Maslova V.A. Vvedenie v kognitivnyy lingvistiki [Introduction to Cognitive Linguistics] Moscow, Flinta; Nauka Publ., 2007. 293 p. (In Russ.)
12. Mousley, A., Bethlehem, R.A.I., Yeh, F.C. et al. Topological turning points across the human lifespan. *Nat Commun* 16, 10055 (2025). URL: <https://doi.org/10.1038/s41467-025-65974-8>
13. Popova Z.D., Sternin I.A. Ocherki po kognitivnoi lingvistike [Essays on cognitive linguistics] Voronezh, Istoki, 2003. 314 p. (In Russ.)
14. Stepanov YU.S. Konstanty. Slovar russkoj kultury. Opyt issledovaniya [Constants: A Dictionary of Russian Culture. A Study]. M., 1997. (In Russ.)
15. Tervo-Clemmens, B., Calabro, F.J., Parr, A.C. et al. A canonical trajectory of executive function maturation from adolescence to adulthood. *Nat Commun* 14, 6922 (2023). URL: <https://doi.org/10.1038/s41467-023-42540-8>
16. Vezhbickaya A. Yazyk. Kultura. Poznanie [Language. Culture. Cognition]. M., 1997. (In Russ.)

Поступила в редакцию 08.09.2025

Отредактирована 18.12.2025

Принята к публикации 21.04.2026

Received 08.09.2025

Revised 18.12.2025

Accepted 21.04.2026

ОБ АВТОРЕ

Мария Викторовна Малеткина — аспирант и ассистент кафедры преподавания русского языка в других языковых средах ННГУ им. Н.И. Лобачевского (Институт филологии и журналистики); MaletkinaMariya@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Maria V. Maletkina — PhD Student, Department of Teaching Russian in Other Language Environments (Institute of Philology and Journalism), Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod; MaletkinaMariya@yandex.ru

ОБ ОРФОГРАФИИ СЛОВА КАЗАК В ДИАХРОНИИ

В.В. Каверина

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; kaverinal@yandex.ru

Аннотация: Статья посвящена проблеме становления орфографии существительного *казак* в диахронии. Цель статьи — установить узуальную и кодифицированную нормы правописания данной лексемы и проследить их динамику. Узус устанавливается методом сплошной выборки на материале, размещенном в «Национальном корпусе русского языка». Кроме того, используется материал словарей и грамматик XVIII–XX вв.: «Словаря Академии Российской» рубежа XVIII–XIX вв. в двух изданиях, Академической грамматики 1802 г., «Словаря церковнославянского и русского языка» 1847 г., «Словаря русского языка» под ред. Я.К. Грота 1906–1907 гг., «Толкового словаря русского языка» Д.Н. Ушакова 1935–1940 гг. Существительное *казак* было кодифицировано в «Словаре Академии Российской» 1789–1794 гг. с написанием *козакъ*, что поддерживалось узусом того времени. В подкорпусе НКРЯ первой половины XIX в. сохраняется преобладание данного варианта. Однако «Словарь церковнославянского и русского языка» 1847 г. кодифицирует иную орфографию — *казакъ*. Данная норма закрепляется в противовес узусу, именно такое написание фиксирует в начале XX в. академический «Словарь русского языка». Дальнейшая история лексемы *казак* связана с попыткой его употребления для обозначения народа, который сейчас носит имя *казахи*, что отражается в «Толковом словаре русского языка» Д.Н. Ушакова 1935–1940 гг. В заключение сделан вывод о предпочтении варианта *козакъ* в XVIII — начале XIX вв. под влиянием соответствующего полонизма, которое преодолевается в XIX в. В результате в русском литературном языке закрепляется этимологически верное и соответствующее произношению написание через А — *казак*.

Ключевые слова: орфография слова *казак*; история русского письма; варианты *казак* и *козак*; казаки и казахи

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2026-49-03-6

Для цитирования: Каверина В.В. Об орфографии слова *казак* в диахронии // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2026. № 3. С. 75–86.

ON THE SPELLING OF THE WORD КАЗАК IN DIACHRONY

Valeria V. Kaverina

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; kaverina1@yandex.ru

Abstract: The article is devoted to the problem of the formation of the spelling of the noun Cossack in diachrony. The purpose of the article is to establish the usual and codified norms of spelling of this lexeme and trace their dynamics. The usage is established by the method of continuous sampling on the material represented in the National Corpus of the Russian Language. In addition, the material of dictionaries and grammars of the 18th–20th centuries is used: *Dictionary of the Russian Academy of the turn of the 18th–19th centuries* in two editions, *Academic Grammar of 1802*, *Dictionary of Church Slavonic and Russian of 1847*, *Dictionary of the Russian Language* edited by Ya. K. Grot in 1906–1907, *Explanatory Dictionary of the Russian Language* by D. N. Ushakov in 1935–1940. The noun Cossack was codified in the *Dictionary of the Russian Academy of 1789–1794*, with the spelling *казакъ*, which was supported by the usage of that time. In the subcorpus of the National Corpus of the Russian Language of the first half of the 19th century, the prevalence of this variant is preserved. However, the *Dictionary of Church Slavonic and Russian Languages of 1847* codifies a different spelling — *казакъ*. This norm is fixed in opposition to the usage, it is this spelling that is recorded at the beginning of the 20th century in the *Academic Dictionary of the Russian Language*. The further history of the lexeme *казак* is associated with an attempt to use it to designate the people who now bear the name *казахи*, which is reflected in the *Explanatory Dictionary of the Russian Language* by D.N. Ushakov of 1935–1940. In conclusion, a conclusion is made about the preference of the variant *казакъ* in the 18th — early 19th centuries under the influence of the corresponding Polonism, which was overcome in the 19th century. As a result, the etymologically correct spelling with A — *казак*, corresponding to the pronunciation, is fixed in the Russian literary language.

Keywords: spelling of the word *казак*; history of Russian writing; variants *козак* and *казак*; Cossacks and Kazakhs

For citation: Kaverina V.V. (2026) On the Spelling of the Word *казак* in Diachrony. *Lomonosov Philology Journal*, no. 2, pp. 75–86.

В настоящее время вновь растет внимание к особому культурному сообществу — казакам. Возрождение казачества, начавшееся в конце XX в., продолжается и в наши дни, а восстановление культурных традиций этого необычного сообщества закономерно вызывает повышенный интерес к его истории [Денисова, Ковалев 2023: 14–36].

Первые упоминания казаков как членов особой общины датируются XV веком. В Никоновской летописи говорится о разгроме на речке Листвянке царевича Мустафы в 1444 году. Границей Рязанского княжества служил Дон, где жили вольные люди, которых

рязанский князь нанимал для охраны рубежей. Именно они принимали участие в Куликовской битве, происходившей на территории Рязанского княжества: «И приидоша на нихъ (Татаръ) Мордва на ртахъ... и казаки Рязанския тако же на ртахъ ссулицами, и с рогаatinaми, и с саблями з другие стороны. *Никон, л, 6952 г.*» [Срезневский 1893: 1174]. Приведем еще один пример упоминания казаков в летописи: «(1445): Тое же весны царь Махметъ и сынъ его Мамутякъ послали въ Черкасы по люди, и прииде къ нимъ двѣ тысячи казаковъ и, шедше, взята Лухъ безъ слова царева, и приведоша полону много и богатства. Ерм. лет., 151» [Словарь 1980: 15].

Датой образования Донского казачьего Войска официально считается 1570 год. В старейшей из найденных грамот царь Иван Грозный предлагает казакам служить ему, а за это обещает их «жаловать». Грамота составлена 3 января 1570 г. и послана с боярином Иваном Новосильцевым вольным казакам, живущим на Северском Донце. Согласно грамоте, царь Иван Грозный, отправляя послов в Крым и Турцию, поручает донцам сопроводить посольство до границы с Крымом. В данном скорописном документе слово *казак* пишется через А: *Такова грамота дана Ивану Новосилцову От царя и великого государя Ивана Васильевича всея Росiи на Донецѣ Северской атамано^м каза^тцки^м и казако^м встѣмъ безотмѣны.*

Для среднерусского периода XV–XVII вв. лексикографы выделяют целых 5 значений слова *казак*: ‘вольный человек, кочующий с места на место, бродяга’, ‘легковооруженный воин, представитель низшего разряда татарского войска’, ‘представитель вольной военной общины с особым самоуправлением’, ‘вольный человек, свободный от тягла и работающий по найму, батрак’, ‘служилый человек, несущий пограничную сторожевую службу по найму, на определенных условиях’ [Словарь 1980: 15–16]. И.И. Срезневский зафиксировал употребление слова *казак* в ином значении — ‘работник’, датированное даже ранее, чем Никоновская летопись: «А манастырський люди были Иван Коцѣвъ, да Ялюша Филиповъ, да слуга манастырской казакъ. *Грам. дѣл. о гран. Кир. мон. 1395 г.*» [Срезневский 1893: 1174].

По нашим наблюдениям, мена А и О в корне слова *казак* не связана с его значением. Причина вариативности, вероятно, кроется в истории лексемы. «Нет полного единодушия и в толковании самого термина “казак” (по-украински “козак”). Делались попытки производить это слово от названия народов, некогда живших вблизи Днепра и Дона (касоги, х(к)азары), от принятого в Российской империи наименования современных казахов — кайсаки. Существовали и другие филологические объяснения: от турецкого слова “каз” (гусь), от монгольских слов “ко” (броня, защита) и “зах” (рубеж) — то

есть защитник границы. Все же большинство специалистов сходятся во мнении, что термин пришел с востока и он, скорее всего, тюркского происхождения, с характерным для этих языков окончанием “ак”», — подводит итог своим изысканиям специалист в области истории казачества, доктор исторических наук В.М. Безотосный [Безотосный 2025]. О тюркских корнях слова свидетельствует история самого феномена казачества, возникшего в период татаро-монгольского ига. Современные историки поддерживают концепцию Ю.Ю. Сенковского: «Российский востоковед польского происхождения Ю.Ю. Сенковский представил (1832) трактовку этого слова, ставшую со временем хрестоматийной. В комментарии к труду А.И. Левшина “Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких орд” он привел данные из сочинения Бабура на чагатайском языке: “казак” со значением “бродяга”, “казаклык” — “бродяжничество”, что было “заимствовано от образа жизни народа, называемого казаками”. Понимание “вольный”, выводимое из “бродяжничество”, представлено Сенковским в объяснении феномена славянского казачества» [Грибовский 2018: 15]. Прочитируем основную идею Сенковского: «Во времена владычества татар в России — люди вольные из крестьянского сословия называемы были казаками, то есть имеющими право переходить из одной земли на другую, по своему усмотрению. От сего класса людей происходит название казаков запорожских и донских: беглецы из русских владений, поселившиеся на берегах Днепра и Дона, удерживали или присваивали себе имя казаков, то есть людей вольных: иногда их шайки назывались также вольницами, словом однозначущим с именем казак» [Цит. по: Левшин 1832: 41].

К идее о тюркском происхождении слова склоняются и лексикографы, такие как А.Г. Преображенский: «казáкъ, Р. казакá (и козакъ): казачокъ *слуга*; казачий, казакцкй, казачество. ДР. — казакъ, козакъ *работникъ, наемный работникъ* (Съ XIV в. Срезн. М.1,1173). б. казакъ, п. *kozak*. — Изъ тюрк, казак *вольный человекъ; удалецъ*» [Преображенский 1914: 281–282]. Вариант написания через О М. Фасмер относит к украинскому языку: «á-, укр. козáк, др.-русс. козакъ “работник, батрак”, впервые в грам. 1395 г.; см. Срезн. I, 1173 и сл. Из укр. заимств. польск. *kozak* “казак”. Ударение в форме мн. ч. казáки — результат влияния польско-укр. формы; оренб. казаки говорят: казакí; см. Зеленин, РФВ, 56, 239. Заимств. из тур., крым.-тат., казах., кирг., тат., чагат. *kazak* “свободный, независимый человек, искатель приключений, бродяга” (Радлов 2, 364 и сл.); см. Бернекер 1, 496; Мi. TEI. I, 330. Сюда же казáки мн., соврем. казáхи — тюрк. народ. Этноним касóг не родствен казáк, вопреки Элы (505)» [Фасмер 1986: 158].

В Национальном корпусе русского языка, подкорпусе XVIII в., слово *казак* представлено только в значении 'представитель особого военного сословия, житель войсковых областей России (Дона, Запорожья, Яика), несший военную службу за льготное пользование землей' [Словарь 1997: 1992]. Предпочтительным здесь является написание через О (411 словоупотреблений), например:

А за бегущими послан от коронной армии полковник Брюховской, который всех их, бунтовщиков, розбил, и многих татар и козаков в полон взял. [А.М. Макаров (ред.). Гистория Свейской войны (Поденная записка Петра Великого) (1698–1721)];

Запорожскіе Козаки, посовѣтовавъ между собою, согласились напосльдокъ на предложеніе Донскихъ. [И.К. Таубертъ. Краткое описаніе всѣхъ случаевъ касающихся до Азова отъ созданія сего города до возвращенія онаго подъ Россійскую державу [перевод книги Готлиба Байера с немецкого] (1738)];

Но конница пошла еще изъ Царицына сухимъ путемъ, также и два корпуса Донскихъ и Малороссійскихъ Козаковъ шли степью и горами. [Ф.И. Соимонов. Описание Каспійского моря (1763)];

Грузинской гусарской полкъ, пятисотная команда Донскихъ Козаковъ и 30 человекъ Калмыковъ. [Описаніе лагеря, собраннаго подъ высочайшею Ея Императорскаго Величества собственною командою при Красномъ селѣ (1765)];

Тутъ находится довольная команда козаковъ и другихъ военныхъ людей для предохраненія рабочихъ. [И.И. Лепехин. Дневныя записки путешествія доктора и Академіи Наукъ адъютанта Ивана Лепехина по разнымъ провинціямъ Россійскаго государства, 1768 и 1769 году (1768–1769)];

И такъ для исполненія сего отряжены были Егерскіе и Гранодерскіе баталіоны, тяжелой артиллеріи 8 пушекъ, и козаки сего корпуса, которые здѣсь авангардію составляли. [М.Л. фон Раан. Перечень изъ собственнаго своего журнала при завоеваніи Молдавїи и Бессарабіи съ 1787 по 1790 годъ (1792)].

Написание через А в подкорпусе XVIII в. обнаружено в 92 случаях, например:

В то же время и главнова вора бунтовщика Булавина в Черкасском казаки убили и государю паки покорились. [А.М. Макаров (ред.). Гистория Свейской войны (Поденная записка Петра Великого) (1698–1721)];

Казаки почитались всегда за храбрый и сильный народъ. [И.К. Таубертъ. Краткое описаніе всѣхъ случаевъ касающихся до Азова отъ созданія сего города до возвращенія онаго подъ Россійскую державу [перевод книги Готлиба Байера с немецкого] (1738)];

Сказываютъ, что потому такъ именованъ, что извѣстной Донской Казакъ Стенька Разинъ, разбойничая на Каспійскомъ морѣ, жилъ тамъ нѣскольکو времени. [Ф.И. Соймонов. Описание Каспійского моря (1763)];

Яицкіе Кзаки именуютъ ихъ такимъ же именемъ. [Н.П. Рычков. Днѣвныя записки путешествія въ Киргисъ-Кайсацкой степѣ, 1771 году (1772)];

Неръдко курганъ Запорожскаго казака снаружи укладенъ кругомъ известковыми камнями, и таковой видѣль я при первой отъ Николая перемѣнѣ Чертомлыкѣ въ 20 верстахъ отстоящей. [В.Ф. Зуев. Путешественныя записки Василья Зуева отъ С. Петербурга до Херсона въ 1781 и 1782 году (1787)].

О свободной вариативности А и О в данный период свидетельствует наличие обоих вариантов с одинаковым значением в одном и том же памятнике. Так, в «Истории Свейской войны (Поденная записка Петра Великого) (1698–1721)» А.М. Макарова слово *казак* через О пишется 5 раз, а через А — 10 раз; в книге И. К. Тауберта «Краткое описаніе всѣхъ случаевъ касающихся до Азова отъ созданія сего города до возвращенія онаго подъ Россійскую державу» написаний через О и А почти поровну — 9 и 10 соответственно.

Однако в сложном наименовании народа *киргиз-кайсаков* используется вариант с А:

Толь часто повторяемая посылка казалась быть нужною, потому что дороги по ту сторону Яика въ то время [какъ и нынѣ отчасти еще бываетъ] очень были опасны отъ Киргисъ-Кзаковъ. [Ф.И. Соймонов. Описание Каспійского моря (1763)].

Вариант написания через О кодифицируют оба издания «Словаря Академии Россійской» 1789–1794 гг. и 1806–1822 гг.: «КОЗАКЪ, к а , с. м. 2 скл. Козачиха, хи, и Козачка, чки, с. ж. I скл. 1) Воинъ легкокonnный, пикою вооруженный. *Козакъ* Донской, Кребенской, Черноморской. 2) Наймитъ, наемникъ, батракъ, работникъ изъ известной платы въ годъ работающій. *Нанять козака въ годы*» [Словарь 1792: 687; Словарь 1814: 213]. Так же пишется данное слово в следующей словарной статьѣ: «КОЗАКЪ, ка, с. м. 2 скл. *Dytiscus marginalis*. Насекомое водяное» [Словарь 1792: 687; Словарь 1814: 213].

Такая же орфография закреплена в трех изданиях грамматики, составленной Императорской Россійской Академией в начале XIX в.: «... прилагательныя произведенныя отъ существительныхъ кончащихся на *ка, кЪ*, и отъ нѣкоторыхъ на *чЪ*, вмѣсто сихъ буквъ принимаютъ букву *ц*, напр.: **козакъ** *козацкій*, мужикъ *мужицкій*, Угличъ *Углицкій*, и проч.» [Россійская грамматика 1802: 27–28].

В Национальном корпусе русского языка, подкорпусе I половины XIX в., по-прежнему преобладает написание через О, которое обнаруживается в 387 случаях (при 105 через А), например:

Шайка сія, состоящая изъ Уральскихъ (тогда Яицкихъ) Козаковъ и обыкновенныхъ Русскихъ мужиковъ, не знала ни какихъ воинскихъ предосторожностей. [Ф.С. Ефремов. Странствование Филиппа Ефремова въ Киргизской степи, Бухарии, Хивѣ, Персіи, Тибетѣ и Индіи и возвращеніе его оттуда чрезъ Англию въ Россію (1811)];

Я хотѣлъ тамъ остаться; но Платовъ пришелъ ко мнѣ и уговорилъ меня ѣхать за собою, давъ мнѣ въ провозытые двухъ козаковъ. [А. С. Шишков. Письма жене (1813–1814)];

Дѣло происходило спустя немного лѣтъ послѣ войнъ Богдана Хмѣльницкаго, которыя обогатили козаковъ добычею. [П.А. Кулиш. Черная рада (1846–1857)].

Об авторитетности данной нормы свидетельствует то, что она обнаружена в письмах известного ревнителя грамотности А.С. Шишкова: всего отмечено 9 написаний через О в письмах и 10 в записках адмирала.

Напротив, А.С. Пушкин предпочитал вариант с корневой безударной А. Лишь в одном случае в переписке писателя встретилось написание через О:

Послѣднее письмо мое должна ты была получить изъ Оренбурга — Оттуда потѣхалъ я въ Уральскъ — тамошній Атаманъ и Козаки приняли меня славно, дали мнѣ два обѣда, подписали за мое здоровье, на перерывѣ давали мнѣ вѣсть извѣстія въ которыхъ имѣлъ нужду... [А.С. Пушкин. Письмо Н.Н. Пушкиной (1833.10.02)].

Вместе с тем написание *кАзак* обнаружено в письмах Пушкина 5 раз:

Видѣлъ я берега Кубани и сторожевыя станицы — любовался нашими казаками. [А.С. Пушкин. Письмо Л.С. Пушкину (1820.09.24)];

Вокругъ насъ ѣхали 60 казаковъ, за нами тащилась заряженная пушка съ зажженнымъ фитилемъ. [А.С. Пушкин. Письмо Л.С. Пушкину (1820.09.24)];

Когда-нибудь прочту тебѣ мои замѣчанія [объ] на Черноморскихъ и Донскихъ казаковъ — теперь тебѣ не скажу объ нихъ ни слова. [А.С. Пушкин. Письмо Л.С. Пушкину (1820.09.24)];

На ней карантинъ строго запрещается казакамъ переѣзжать об онъ полѣ. [А.С. Пушкин. Письмо П.А. Вяземскому (1823.10.14)];

Я здѣсь со вчерашняго дня — Насилу доѣхалъ, дорога прескучная, погода холодная, завтра ѣду къ Яицкимъ казакамъ, пробуду у нихъ дни три — и отправляюсь въ деревню черезъ Саратовъ и Пензу [А.С. Пушкин. Письмо Н.Н. Пушкиной (1833.09.19)].

Именно такую орфографию закрепил «Словарь церковно-славянского и русского языка» 1847 г.: «КАЗАКЪ á, с. м. 1) Такъ называются люди нѣкоторыхъ особыхъ племенъ, населяющихъ Россію. *Донскіе, Черноморскіе, Уральскіе казаки.* 2) Легковооруженный конный воинъ, изъ казачьихъ земель. *Отрядъ казаковъ.* 5) Наемникъ, работникъ, батракъ. *Нанять казака въ годы.* 4) *Dytiscus marginalis*, насекомое» [Словарь 1847: 151]. Следующая словарная статья свидетельствует об изменении нормы, но допустимости старого варианта: «КОЗАКЪ, á, с. м. Тоже, что казакъ» [Словарь 1847: 185].

В позднейших словарях меняется только толкование, орфография слова остается неизменной: «Казáкъ, á, м. (Турецк. казак бобыль, батракъ. Ѳ Коршъ). Часто пишутъ также, по-малорусски, козакъ» [Словарь 1906–1907: 88]. Представляет интерес комментарий к словарной статье, касающийся ударения форм слова: «Обл.: казакъ въ 1-мъ знач. довольно часто склоняется съ другпмъ (малорусско-польскимъ) удареніемъ: казáка, казáки. *Казаки обычаемъ что собаки.* Послов. Снегирева, 160. *Ихъ отправили съ казáкомъ; казáками остались очень довольны.* Новоросс. (Долопчевъ). Донские “казакí” очень обижаются, когда кто-либо произноситъ: *казáки, казáковъ* (А. Данилевичъ)» [Словарь 1906–1907: 91].

Казалось бы, все точки на і в отношении слова *казак* были расставлены. Но после образования СССР его постигли неожиданные перемены. 19 апреля 1925 г. выходит Постановление V-го Всеказакского Съезда Советов «О восстановлении имени Казаки за киргизской национальностью», которое гласит: *Для восстановления исторически-верного имени киргизского народа 5-й Съезд Советов постановляет: впредь именовать киргиз — КАЗАКАМИ. 19 апреля 1925 г. гор. Кзыл-Орда (Ак-Мечеть) Президиум Съезда.*

Данное решение, как нам представляется, основывалось на стремлении власти Советов не только стереть с лица земли казачество, но и уничтожить память о нем. Доктор исторических наук В.М. Безотосный описывает это так: «Декретом ВЦИК и СНК от 17 ноября 1917 года казачество как сословие и казачьи формирования были упразднены. В Гражданскую войну казачьи территории стали основными базами Белого движения (особенно Дон, Кубань, Терек, Урал), именно там велись самые ожесточенные бои. Казачьи части являлись в численном отношении главной военной силой белых армий в борьбе с большевизмом. К этому казачество подтолкнула проводимая красными политика расказачивания (массовые расстрелы, взятие заложников, сожжение станиц, реквизиции, стравливание иногородних против казаков)» [Безотосный 2025].

В деле искоренения казачества как сословия пригодилось древнее наименование казахского народа — “казакí”. О данной концепции

казахстанских историков мы уже рассказывали в статье, посвященной прилагательному *казацкий* [Каверина 2024]. Политическое решение власти Советов отразилось в лексикографии того времени. Так, в «Толковом словаре русского языка» Д.Н. Ушакова представлена словарная статья КАЗАКИ: «КАЗА́КИ, ов, ед. казак, а́, м. Одна из тюркских народностей, населяющая Закаспийские степи и составляющая большинство жителей Казакской АССР, киргизы, киргизкайсаки» [Ушаков 1935: 1280]. Однако предшествующая словарная статья КАЗАК отсылает к привычному нам пониманию слова: «КАЗАК (козак устар.), казакá, мн. казаки́ и (устар.) каза́ки, м. (тюрк. *kazak* — бобыль). 1. Представитель тяглого или податного сословия, уклонявшийся от тяжелых государственных повинностей и искавший более легкой жизни либо в вольных поселениях по окраинам Московского государства (в Запорожской Сечи, на Дону, в Сибири), либо в разбойничестве (истор.). Запорожский казак. Воровской казак. И казаки на клич Палея не налетят со всех сторон. Пушкин. || Эпитет разбойника-богатыря в народной поэзии. Как на лодке гребцы удалые, казаки, ребята молодые. Пушкин. 2. Уроженец какой-н. войсковой области (Войска Донского, Войска Уральского и др.), льготный землевладелец, обязанный государству военной службой (в конном строю) на особых условиях (дореволюц.). “Тихий Дон” Шолохова — роман из жизни донских казаков. Казаки, в массе своей являясь носителями кулацкой идеологии, были опорой самодержавия. || Солдат особых войсковых частей, комплектовавшихся из лиц этого сословия (дореволюц.). Казаки с нагайками бросились на рабочую демонстрацию. Мимо него скакали казаки подоспевшей третьей сотни. Шолохов. Вольный казак (разг.) — вполне свободный, ни от кого не зависящий человек» [Ушаков 1935: 1280]. Таким образом, в словаре Ушакова есть отдельные словарные статьи *казак* и *казаки*, различающиеся ударением во множественном числе.

В 1930-е гг. происходит смягчение политики советской власти в отношении казачества, что отражается в Постановлении от 5 февраля 1936 года «О русском произношении и письменном обозначении слова “казак”», в котором речь идет о новом наименовании казахского народа: *Для более правильного произношения на русском языке слова «Qazaq» и в соответствии с казахским произношением этого слова в производных от него последнюю букву «к» в русском произношении и письменном обозначении слова «казак» заменить буквой «х», в соответствии с этим писать не «казак», а «казах», не «Казакстан», а «Казахстан» и т. п.*

Подведем итоги. Не вызывает сомнения идея о тюркском происхождении слова *казак*. Из этого следует, что этимологически верным

является написание через А. Справедливости ради, следует заметить, что закрепляется не всегда этимологически мотивированный вариант написания. Вспомним полемику 1930-х гг. относительно орфографии слов *калач* и *карануз*, в которой победило московское аканье. Однако со словом *корабль* произошло обратное: вопреки происхождению и акающему произношению сохранился вариант написания через О. Полагаем, что история каждого слова должна быть рассмотрена индивидуально, с учетом всех факторов. В нашем случае недолгое преобладание орфографии с безударным О вызвано влиянием соответствующего полонизма, которое было преодолено в XIX в., в результате чего в русском литературном языке закрепилось этимологически верное и соответствующее произношению написание через А — *казак*.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Безотосный В. М.* Кто такие казаки // Родина. 26.02.2025. URL: <https://rodina-history.ru/2025/02/26/kto-takie-kazaki.html> (дата обращения: 15.08.2025).
2. *Грибовский В. В.* Казачество и его связь с тюркским миром в историографии поздней Российской империи, СССР и постсоветского пространства // Казачество в тюркском и славянском мирах: колл. монография / отв. ред. В.В. Грибовский, В. В. Трепавлов; Институт археологии им. А. Х. Халикова АН РТ. Казань, 2018. С. 11–69.
3. *Денисова Г. С., Ковалёв В. В.* Казачество в современной России: обретение социального статуса // Вестник Института социологии. 2023. Том 14. № 3. С. 14–36.
4. *Каверина В. В.* Орфография прилагательного *казацкий* в истории русского языка // Языковые и культурные сообщества в синхронии и диахронии : коллективная монография / Авторы-составители Н. А. Ганина, Л. Н. Ягупова. М., 2024. С. 111–118.
5. *Левшин А.* Описание киргиз-кайсацких или киргиз-казачьих орд и степей. Ч. 2. СПб., 1832.
6. *Преображенский А. Г.* Этимологический словарь русского языка. Том 1. А–О. М., 1910.
7. *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древне-русского языка по письменным памятникам / Труд И. И. Срезневского. Т. 1: А–К. СПб., 1893.
8. Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. *Д. Н. Ушакова*. Том 1: А–Кюрины. М., 1935.
9. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: в 4 т. II том. Е–Муж. М., 1986.

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ

10. НКРЯ = Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://ruscorpora.ru/index.html> (дата обращения: 15.08.2025).
11. Российская грамматика, сочиненная Императорскою Российскою академиею. СПб., 1802.
12. Словарь Академии Российской. Ч. 3. СПб., 1792.

13. Словарь Академии Российской по азбучному порядку расположенный. Ч. 3 СПб., 1814.
14. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып.7. М., 1980.
15. Словарь русского языка XVIII в. Вып. 9. СПб., 1997.
16. Словарь русского языка. Составлен Вторым отделением. Императорской Академии Наук. Т. 4, вып. 1. СПб., 1906–1907.
17. Словарь церковнославянского и русского языков Императорской Академии наук. Т. 2. СПб., 1847.

REFERENCES

1. Bezotosnyy V. M. Who are the Cossacks. *Rodina*. 26.02.2025. URL: <https://rodina-history.ru/2025/02/26/kto-takie-kazaki.html> (accessed: 15.08.2025). (In Russ.)
2. Gribovskiy V. V. Kazachestvo i yego svyaz' s tyurkskim mirom v istoriografii pozdney Rossiyskoy imperii, SSSR i postsovetskogo prostranstva [Cossacks and their connection with the Turkic world in the historiography of the late Russian Empire, the USSR and the post-Soviet space]. *Kazachestvo v tyurkskom i slavyanskom mirakh: koll. monografiya*. Kazan', 2018. pp. 11–69. (In Russ.)
3. Denisova G. S., Kovalov V. V. Kazachestvo v sovremennoy Rossii: obretneniye sotsial'nogo statusa [Cossacks in Modern Russia: Gaining Social Status]. *Vestnik Instituta sotsiologii*. 2023. Vol. 14. № 3. pp. 14–36. (In Russ.)
4. Kaverina V. V. Orfografiya prilagatel'nogo *казацкiй* v istorii russkogo yazyka [Spelling of the adjective *казацкiй* in the history of the Russian language]. *Linguistic and cultural communities in synchrony and diachrony: a collective monograph*. Moscow, Moscow University Publishing House, 2024. pp. 111–118. (In Russ.)
5. Levshin A. *Opisaniye kirgiz-kaysakskikh ili kirgiz-kazach'ikh ord i stepey* [Description of the Kirghiz-Kaisak or Kirghiz-Cossack hordes and steppes]. Part 2. St. Petersburg, Karl Kray Printing House, 1832. 330 p. (In Russ.)
6. Preobrazhenskiy A. G. *Etimologicheskiy slovar' russkogo yazyka* [Etymological dictionary of the Russian language.]. Vol. 1. A–O. Moscow, Printing house of G. Lissner and D. Sovko. 1910. 716 p. (In Russ.)
7. Sreznevskiy I. I. *Materialy dlya slovarya drevne-russkago yazyka po pis'mennym pamyatnikam* [Materials for the dictionary of the Old Russian language based on written monuments]. Publ. Department of Russian language and literature of the Imperial Academy of Sciences. Vol. 1: A–K. St. Petersburg, Publ. Department of Russian language and literature of the Imperial Academy of Sciences, 1893. IX, 1420 stb., 49 p. (In Russ.)
8. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language.]. Vol. 1. Moscow, State Institute “Soviet Encyclopedia”, 1935. 1566 stb. (In Russ.)
9. Fasmer M. *Etimologicheskiy slovar' russkogo yazyka* [Etymological dictionary of the Russian language.]. II vol. Moscow, Publ. Progress, 1986. 673 p. (In Russ.)

SOURCES OF EXAMPLES

10. *Natsional'nyy korpus russkogo yazyka* [The National Corpus of the Russian language] URL: <http://ruscorpora.ru/index.html> (accessed: 15.08.2025).
11. *Rossiyskaya grammatika, sochinennaya Imperatorskoyu Rossiyskoyu akademiyeuy* [Russian grammar, compiled by the Imperial Russian Academy]. St. Petersburg, Publ. Department of Russian language and literature of the Imperial Academy of Sciences, 1802. V, 355 p. (In Russ.)
12. *Slovar' Akademii Rossiyskoy* [Dictionary of the Russian Academy] P. 3. St. Petersburg, At the Imperial Academy of Sciences, 1792. 761 p. (In Russ.)

13. *Slovar' Akademii Rossiyskoy po azbuchnomu poryadku raspolozhenny* [Dictionary of the Russian Academy of Sciences arranged in alphabetical order]. P. 3. St. Petersburg, At the Imperial Academy of Sciences, 1814. 1414 stb. (In Russ.)
14. *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of the Russian language XI–XVII centuries]. Issue 7. Moscow, Nauka, 1980. 404 p. (In Russ.)
15. *Slovar' russkogo yazyka XVIII vv.* [Dictionary of the Russian language XVIII centuries]. Issue 9. St. Petersburg, Nauka, 1997. 274 p. (In Russ.)
16. *Slovar' russkogo yazyka. Sostavlenn Vtorym otdeleniyem. Imperatorskoy Akademii Nauk* [Dictionary of the Russian language XI–XVII centuries. Compiled by the Second Section of the Imperial Academy of Sciences]. Vol. 4, Issue 1. St. Petersburg, 1906–1907. 196 p. (In Russ.)
17. *Slovar' tserkovnoslavyanskogo i russkogo yazykov Imperatorskoy Akademii nauk* [Dictionary of Church Slavonic and Russian languages of the Imperial Academy of Sciences]. Vol. 1. St. Petersburg, Publ. The Imperial Academy of Sciences, 1847. 471, [3] p. (In Russ.)

Поступила в редакцию 23.08.2025

Отредактирована 20.10.2025

Принята к публикации 21.04.2026

Received 23.08.2025

Revised 20.10.2025

Accepted 21.04.2026

ОБ АВТОРЕ

Валерия Витальевна Каверина — д.ф.н., профессор кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова;
kaverinal@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Valeria V. Kaverina — PhD, Professor, Department of the Russian Language, Lomonosov Moscow State University; kaverinal@yandex.ru

РАССКАЗ СИГИЗМУНДА ГЕРБЕРШТЕЙНА О РЕЛИГИИ ЖИТЕЛЕЙ МОСКВЫ В РУССКО-ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКОМ ПЕРЕВОДЕ СЕРЕДИНЫ XVII ВЕКА

Н.В. Николенкова

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; natanik2004@mail.ru*

Аннотация: В статье приведен разбор фрагмента главы «Москва» из русско-церковнославянского перевода Атласа Блау, сделанного Епифанием Славинецким в середине XVII в. В основе этого фрагмента лежит сочинение «Записки о Московии» Сигизмунда Герберштейна, сокращенное для помещения в космографию. В отличие от всего текста Атласа Блау, ориентированного на церковнославянский язык, в переводе главы о Москве книжник ориентирован на стратегию доместикации, выраженную на лексическом уровне. Лексика рассказа о религии москвичей сопоставляется с использованной в других главах Атласа Блау, а также с более ранним сочинением Славинецкого, опирающимся на латинский оригинал, — латино-славянским лексиконом. Продемонстрировано, в каком направлении книжник трансформирует свои решения в главе о Москве и как позднее откажется от них в основном томе Атласа. Основной задачей переводчика при рассказе о Москве будет русификация текста, введение в него лексики, известной московским переводцам жанрово близких к Атласу Блау сочинений, то есть космографий. Это способствует точной и понятной потенциальному читателю передаче московских культурных реалий, которые для Герберштейна и для составителей Атласа Блау не всегда были очевидны. Сведения, которые содержались в рассказе Герберштейна, давали негативную информацию о жителях Московии и их нравах; но стремление к полноте и точности перевода не позволило Славинецкому опускать такие фрагменты; долго считалось, что содержание глав стало причиной, по которой переводчики не включили их в беловой экземпляр 1 тома. Мы считаем, что более важной причиной будут лингвистические характеристики главы «Москва», лексические особенности которой противопоставляют ее всему остальному переводу Атласа Блау.

Ключевые слова: история русского литературного языка; переводы с латинского; Атлас Блау; описание Москвы; Епифаний Славинецкий; доместикация; лексические особенности

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2026-49-03-7

Для цитирования: Николенкова Н.В. Рассказ Сигизмунда Герберштейна о религии жителей Москвы в русско-церковнославянском переводе середины XVII века // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2026. № 3. С. 87–99.

SIGISMUND HERBERSTEIN'S STORY ABOUT THE RELIGION OF THE INHABITANTS OF MOSCOW IN THE RUSSIAN-CHURCH SLAVONIC TRANSLATION IN THE MIDDLE OF THE 17th CENTURY

Natalia V. Nikolenkova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; mail@mail.ru

Abstract: The article presents an analysis of a fragment of the chapter “Moscow” from the Russian-Church Slavonic translation of the Blau Atlas, made by Epiphanius Slavinetsky in the middle of the 17th century. This fragment is based on the work “Notes on Muscovy” by Sigismund Herberstein, shortened for inclusion in the cosmography. Unlike the entire text of the Blau Atlas, which is oriented towards the Church Slavonic language, in the translation of the chapter on Moscow the scribe is oriented towards the strategy of domestication, expressed at the lexical level. The vocabulary of the story about the religion of Muscovites is compared with that used in other chapters of the Blau Atlas, as well as with an earlier work by Slavinetsky, based on the Latin original — the Latin-Slavic lexicon. It is demonstrated in what direction the scribe transforms his decisions in the chapter on Moscow and how he would later abandon them in the main volume of the Atlas. The main task of the translator in the story about Moscow would be the Russification of the text, the introduction of vocabulary typical for Moscow translations of works of genre close to the Blau Atlas. This contributes to an accurate and understandable for the potential reader transfer of Moscow cultural realities, which were not always clear for both Herberstein and the compilers of the Blau Atlas. Herberstein’s story contained negative information about the inhabitants of Muscovy and their customs; however, the desire for completeness and accuracy of the translation did not allow Slavinetsky to omit such fragments, which was considered to be the reason for refusing to include chapters about Moscow in the final copy of the translation. We believe that an equally important reason was the linguistic characteristics of the chapter “Moscow”, the lexical features of which contrast it with the rest of the translation of Blau’s Atlas.

Keywords: history of the Russian literary language; translations from Latin; Atlas of Blau; description of Moscow; Epiphanius Slavinetsky; domestication; lexical features

For citation: Nikolenkova N.V. (2026) Sigismund Herberstein’s Story About the Religion of the Inhabitants of Moscow in the Russian-Church Slavonic Translation in the Middle of the 17th Century. *Lomonosov Philology Journal*, no. 3, pp. 87–99.

Сведения о Московском государстве в XVI–XVII вв. европейцы получали в основном из записок путешественников и посланников,

посетивших Московию. Этими записками активно пользовались составители географических (космографических) трактатов, вводя главы о Москве в свои сочинения, пересказывая такие рассказы и составляя компиляции. Одна из компиляций находится в географическом атласе, представляющем вершину европейской картографии XVII века, — «Theatrum orbis terrarum, sive Atlas novus», который издавался на латинском языке в типографии голландских книжников Виллема и Яна Блау [Blaeu 1645]. В начале 1650-х гг. в Москву попадает четырехтомное издание 1645–1650 гг., заказанное Никоном [Болдырева 2024: 236–239]. Для перевода тома делятся между находящимися в Москве образованными киевскими книжниками Епифанием Славинецким, Арсением Сатановским и Исайей.

Все главы о Москве («Moscovia sive Russia Alba» на лл. 17a–18d, «Moscoviae pars sept. et orient.» и «Moscoviae pars avstralior» на лл. 20a–22d) находятся в 1-м томе Атласа [Blaeu 1645]. Его перевод сохранился в двух рукописях середины XVII в. из собрания Государственного исторического музея: Син. 779 (черновик, автограф Епифания Славинецкого; западнорусская скоропись, 4⁰, 605 л.) и Син. 19 (беловик, переписанный московским писцом; русская четкая скоропись, в большой лист, 306 л.). На черновик обратил внимание еще Ф.И. Буслаев, включив фрагменты в свою «Историческую хрестоматию церковнославянского и древнерусского языков» [Буслаев 1861: 1185–1190]. Публикация сопровождается комментарием, что «въ свѣдѣніяхъ о Россіи, заимствованныхъ изъ Флетчера и другихъ иностранныхъ путешественниковъ, помѣщено въ Космографіи много предосудительнаго о нравахъ и обычаяхъ древней Руси» [Там же: 1189]. Позже, описав весь комплект перевода Атласа, А.И. Соболевский установил, что почерк глав о Москве совпадает с почерком беловика Син. 19 [Соболевский 1899: 23]; но московские главы вплетены в черновик Син. 779 (лл. 46–57об, 95–99об). Т.В. Протасьева, расширяя описание Соболевского, указывала на оставленные в беловике рукописи 1-го тома свободные страницы, но сделала ошибочный вывод, что глав о Москве не было в оригинале Блау [Протасьева 1970: 110]; то же повторила в своей статье советский историк Н.А. Казакова [Казакова 1987: 169].

В XX в. филологических работ об Атласе Блау не было¹. Начиная изучение перевода, мы сделали предположение, что невключение глав о Москве в беловик связано как раз с содержащимися в них

¹ Исключение составляют несколько списков вступления к 1-му тому Атласа из ОР РНБ, которые использует в своей книге «Формирование языка русской науки. Терминология математики, астрономии, географии в первой трети XVIII в.» Л.Л. Кутина (Л., Наука, 1964).

негативными сведениями о Москве, это суждение было поддержано многими историками [Кошелева 2021: 455].

Однако сегодня, когда перевод Атласа исследован нами в полном объеме [Николенкова 2025], мы можем выдвинуть и иную, лингвистическую гипотезу: изменения стратегии перевода в процессе работы над 1-м и 2-м томами Атласа привели Славинецкого к пониманию, что главы о Москве оказались противопоставлены остальным. Главы, где содержатся рассказы о странах Европы, ориентированы на церковнославянский язык — как грамматически, так и лексически. Переводчик осознанно стремится к выбору наиболее книжной маркированной церковнославянской лексики, отказываясь от русизмов. Язык глав о Москве можно называть *русско-церковнославянским*, поскольку при выборе лексических единиц переводчик использует известные московскому читателю и частотные в книжных текстах Московской Руси слова, то есть следует стратегии доместикации.

Источники глав о Московии были выявлены И.В. Дубровским и указаны в публикации, которая осуществлена доктором ист. наук О.Е. Кошелевой [Кошелева 2021]. В основу этих глав в первую очередь ложится изданный в 1630 г. в голландском издательстве династии Эльзевиров латинский анонимный трактат «*Russia seu Moscovia itemque Tartaria*», опирающийся на сочинение Джильса Флетчера «*Of the Russe Common Wealth*», опубликованное в 1591 г. Об этом говорится во второй из глав о Москве: *Aegidius Fletcherus, Elisabethae Angl. R. ad magnum Russiae Ducem Legatus, anno 1551, scribit* (Blaeu 1645, I, 20a) → **Егиди Флетхеръ Елисаветы свейскіа королевны к великомꙋ кнзю рѣскомꙋ посемь лѣтъ ѿ Рождества Христова ꙗзѣкъ пишетъ** (Син. 779, 99об)², где английская королева трансформировалась в шведскую (решить эту загадку нельзя [Кошелева 2021: 486]). Географические сведения опираются на трактат географа Филиппа Клувера: *Philippi Cluveri introductionis in universam geographiam, tam veterem quam novam*, изданный в 1624 г. [Там же: 460], однако ссылок на него в Атласе Блау нет.

Еще одним источником стало самое известное сочинение о Москве XVI в. — «Записки о Московии» Сигизмунда Герберштейна (*Sigismundi liberi baronis in Herberstain Rerum Moscoviticarum commentarii, Anno 1556*), который дважды, в 1517 и 1526 гг., приезжал в качестве посредника для переговоров с Василием III, пользовался его расположением, был знаком с представителями самых разных

² Далее в ссылках на латинский оригинал используется только 1-й том, указывается номер листа; в ссылках на рукопись Син. 779 также указывается только лист. Цитаты из рукописи Син. 19 отмечаются отдельно.

социальных кругов и собрал в своих «Записках» всевозможные сведения по самым разным вопросам — от обычаев и быта до политики и экономики [Герберштейн 2008: 5]. Информация об авторе также есть в тексте: *Atque haec quidem latius describit Sigismundus Baro ab Herberstain, apud quem harum rerum studiosum et curiosum lectorem remittimus* (17c) → и сиа оубв ширѣе описуетъ жигимонтъ Баро гербестеннъ кнемѹже си^{xx} вещей бл҃гохотливиша, и любовоспитателнѣиша чытатеса ѿсылаемъ (48). Однако в компиляции Блау использован сокращенный текст, взятый ими из книги Авраама Ортелия [Abrahami Ortelii] *Theatrum Orbis Terrarum* (Antverpiae: Apud Aegid. Coppenum Diesth, 1570).

Первый большой фрагмент, основанный на «Записках» Герберштейна, — это рассказ о религиозной жизни в Московии. Приведем этот рассказ и перевод Епифания Славинецкого³:

In religione fere Graecorum ritus sequuntur. Eorum sacerdotibus fas uxores ducere. Imagines in templis colunt. Infantes cum baptizantur, ter in aquam toti immerguntur, aqua vero baptismatis singulis infantibus consecratur. Confessionem, quamvis ex constitutione, habent. Vulgus tamen eam Principum opus esse, et ad nobiles pertinere existimat. Finita confessione poenitentiaque iuxta delicti qualitatem iniuncta, signo crucis frontem pectusque signant, magnoque gemitu clamant, Iesu Christe filii Dei miserere nostri. Haec est communis illorum oratio. Dominicam enim orationem pauci sciunt. Communicant sub utraque specie, miscentes panem vino, seu corpus sanguine. Pueris septem annorum porrigunt Sacramentum, dicuntque tum hominem peccare. Festos dies viri praestantiores

В вѣре всачески Греческимъ чыномъ последуютъ. Ихъ сщеникомъ бл҃гословеннѹ жены имѣти, иконамъ вѣцерквахъ покланяютса младенцы вегда крщаемы бывають, трижды вѣводѹ цѣло погружаютса. Вода же кршеніа всоветъ всакомѹ младенцѹ ѿсщаема бываеть. Исповѣданіе грѣховъ аще и ѿ преданіа имѣють. Нарѹдѹваче сіе начальныхъ дѣло быти, и бл҃городнѣишимъ належати разѹмѣть. Поскончаніеже исповѣданіа и поналоженіи покачествѹ грѣхѹ епитеміи, знаменіе^М кр҃та челѹ и перси знаменіа^Т и свелкимъ въздыханіемъ^М гл҃ють, Гди Исѣ Хртѣ снѣ Бжїи помнѣи ма. Сіа есть швычнаа ихъ мѣтва, Гднїа бѹ мѣтвы мнози не ѹмѣють. Причащаютса пѹдѹбойма вїдома, совокѹплающе хлѣбъ сѹвиномъ и тѣло скрѹвію. Дѣтемъ седми лѣтъ подають сѹтѣйшіа тинны, и гл҃ють въ тоѣ время чл҃ка согрѣшати. Празничнымъ дни люди изащнѣишіа, посовершеніи слѹжбы церковныа, пиры, пианствомъ

³ Публикация [Кошелева 2021] сделана в упрощенной орфографии; мы максимально сохраняем графико-орфографические особенности рукописи, по техническим причинам опущены некоторые диакритические знаки.

peractis sacris, epulis, ebrietate, et vestitu eleganti venerantur, vulgus et servi plerumque laborant, dicentes, feriari, et a labore abstinere, dominorum esse. Purgatorium non credunt, pro defunctis tamen sacra faciunt. Aqua benedicta nemo se aspergit, nisi a sacerdote aspergatur. Ieiunant in Quadrasima 7 perpetuas septimanas (17bc).

и удѣланіемъ нарочитымъ почитаютъ Народъ и рабы обычнѣ работаютъ, глаголюще праздновати и ѿ трудовъ упражнитиса, Гдѣское дѣло быти. Чыстца невѣрбуютъ, заѿмершіа вбаче памяти творатъ. Водію ѿщепенною никтоже покропляетса, разве ѿ щепенника кроплен бываеетъ. Постагтса вчетыредесатници семь везъ славы недѣли (46об).

Сокращения рассказа Герберштейна весьма существенны, однако связь с его сочинением отчетлива: «Russia ut coepit, ita in hunc usque diem in fide Christi ritu Graeco perseverat»; «In diaconum autem nemo consecratur, nisi coniugatus»; «Finita dein confessione, poenitentiaque iuxta delicti qualitatem iniuncta, ante ipsam imaginem subinde sese inclinant, signoque crucis frontem pectusque signant: magno denique gemitu clamant, IESU CHRISTE fili Dei, miserere nostri. Nam haec communis illorum est oratio»; «Pueris septem annorum porrigunt sacramentum: dicuntque, tum hominem peccare» и т. д. [Герберштейн 2008: 146, 152, 200, 202].

В грамматическом отношении перед нами представлен практически безупречный пример пословного перевода, следующий принципам московской грамматики 1648 г. (точно передается оборот *Assum inf.*, использована соответствующая церковнославянской норме форма двойственного числа [Грамматика 1648]). Отступлением будет передача *nobiles* формой превосходной степени **вѣгороднѣшиимъ**, что, вероятно, связано с желанием передать идею ‘самые знатные вельможи’; нет параллелизма в передаче сравнительной степени *praestantiores* превосходной, что характерно и для других ранних переводов Славинецкого. Орфография фрагмента говорит о том, что московский писец еще не имеет навыка исправления украинских черт, встречающихся у киевских книжников: из черновика перенесены написания **чыномъ**, **празнычныа**. Позже, переписывая 1-й и 2-й тома, московский писец стремится исправлять орфографические украинизмы [Николенкова 2025: 335–336].

Мы считаем временем начала перевода весну 1652 г. (современные историки согласны с нашей позицией [Кошелева 2021: 449]). Для Епифания Славинецкого это был не первый опыт работы с латинским оригиналом — не позднее 1650 г. им вместе с Арсением Сатановским переведен Лексикон А.С. Калепина, легший в основу латино-славянского и славяно-латинского лексиконов [Німчук 1973]. В главах о Москве книжник частично опирается на решения, пред-

ложенные в лексиконах, но может и менять их; позднее при работе над 1-м томом Славинецкий еще раз корректирует свои идеи, им же следует Сатановский при переводе 2-го тома.

Наиболее ярким отличием рассказа о религии московских жителей от основного текста Атласа Блау будет перевод латинского *religio* как **вѣра**. Такой передачи не было предусмотрено в латино-славянском лексиконе, где предлагались композиты «бл̑гоче(с)тие, бл̑гоговѣние» [Німчук 1973: 349]. Лексема «вера» в значении ‘религиозное учение, вероисповедание’ широко представлена в книжных текстах старорусского периода [СлРЯ XI–XVII 1975: 79]; в памятниках делового и народно-разговорного языка XVI–XVII вв. такое значение оказывается самым распространенным, в том числе в устойчивых сочетаниях *вера православная христианская (Христова), вера греческая, вера русская и вера римская (католицикая, латинская, папешская)* [Словарь обиходного языка 2006: 94]. Однако далее, работая над переводом 1-го и 2-го томов, Славинецкий и Сатановский возвращаются к своему более раннему решению, *religio* переводится вариантом «благоговение», к примеру в обширном рассказе главы «Европа», озаглавленном *Status religionis* (5с), то есть **Оүстроєніє бл̑гоговѣніа** (22): *Catholicæ religioni adhærent omnes Italiæ Principes → КаѳоліческомѸ бл̑гоговѣнію прилѣплѡются всѣ Италийстїи князи; Reformtæ, quam vocant, religioni favet, Angliæ, Scotiæ & Hiberniæ Rex → воображенномѸ, еже наричѸтъ, бл̑гоговѣнію прилѣпнѣтъ Аγγлийскїи, Скотскїи, и Гїбернїискїи Царь; ceteræ religiones ad distinctionem appellatæ Lutherana, Calvinistica, Ariana, Samosatēniana, Iudaica, tolerantur & exercentur palam → Прочаа бл̑гоговѣніа, вразлїчіє наречѣнна, ЛѸдеранское, Калвинское, Арианское, Самосатѣнское, Іудейское, терпѡтсѡ, и подчѡютсѡ гавѣ (Europa 5с; Син. 19, 22). В славяно-латинском лексиконе для **вѣра** предлагается латинский эквивалент *fides* [Німчук 1973: 438], в основном тексте Атласа мы видим реализацию именно этого переводческого решения: *atque inprimis optimorum civium humanitas & fides* (Misnia 13b) → **вперѡыхъ влажѡнишихъ гражданъ челоѡбколюбіє, и вѣра** (Син. 19, 94об).*

При переводе глав о Москве Славинецкий выбирает стратегию доместикации, стремясь вводить русизмы, отказываясь от церковнославянизмов или стилистически более высоких лексем. Русизмы выполняют функцию «культурной доместикации», возвращая латинизмы оригинала в московские культурные реалии. Это отличает перевод московских глав от известных сочинений, где была востребована идеологическая и конфессиональная доместикация, «позволяющая использовать “чужой” конфессиональный текст в своей конфессиональной среде» [Пентковская 2017: 100].

Так, в латинском тексте для номинации культовых зданий используется только *templum*; для которого в лексиконах предлагались варианты «хра(м), ст̄ илище» [Німчук 1973: 394]. Первая из лексем регулярно используется в переводе Атласа Блау: *Quarta arx est Nidrosia, à Nidero fluvio & rosa, quod temple nomen est, sie dicta* (Norwegia 8c) → Четвёртое верхоградіе есть Нідросіа, ѿ Нідери рѣки, и Роси, еже храма нма есть, сице нареченна (Син. 19, 27об). В анализируемом нами фрагменте Славинецкий выбирает один из распространённых в книжном языке Московский Руси вариантов, а именно **церква**. Далее в главе отмечена лексема **церковь/ъ**: *plurima sunt templa; horum templorum principale est Troyes; uti templum Archangeli Michaelis* (20cd) → множашиа сѣть цѣкви, снхъ цѣрквѣ начинѣшаа ест̄ трѡца; ест̄ церковь Архаггела Мнхала (100–100об). В основном переводе **церковь** используется только для передачи *Ecclesia*: *inter Ecclesias Hamburgensem & Bremensem* (Albis Fluvius 14b) → межъ Црквн Гамбургскою, и Бременскою (Син. 19, 113об).

Тенденция к выбору менее высокой в стилистическом отношении лексемы зафиксирована для *festus* (**празнычныа**) и *ferio* (**празновати**): в лексиконах общим для них оказывался славянский корень «торжеств-» («ferio, ferior, пра(з)дную, то(р)же(ст)вую»; «fest(us), веселы(й), то(р)жест(ст)ве(н)» [Німчук 1973: 196]. Выбор Славинецкого падает на более распространённый в книжном языке корень: по данным старорусского подкорпуса НКРЯ, прилагательное «праздный» отмечено в 97 примерах, «торжественный» в 26; глаголу «празновати» соответствует 293 примера против 41 для «торжествовати». Заметим, что пропуск «д» (**празнычныа**) может отражать особенности произношения московского писца — в отсутствие черновика неизвестно, как было написано слово. Эта стратегия противоположна той, которую Славинецкий применяет в основном переводе Атласа Блау, где при выборе из двух лексем с разной стилистической окраской обычно используется маркированный церковнославянизм [Николенкова 2025].

Стратегия доместикации может привести к некоторому нарушению принципа пословного перевода: *confessio* в лексиконах передано одним словом «ис(ть)повѣданіе» [Німчук 1973: 137], Славинецкий добавляет [**исповѣданіе**] **грѣховъ**. Такое же уточнение вводится для *sacramentum* («кля(т)ва, ст̄ иня, залогъ» [Там же: 358]), переданное словосочетанием **с̄тѣйшиа танны**. Отметим использование грецизма **епитемін** для передачи во фразе «*Finita confessione poenitentiaque iuxta delicti qualitatem iniuncta*» («После того как исповедь завершена и наложено наказание в соответствии с характером преступления») лексемы *poenitentia* («покаяние» [Там же: 319]). Высокая степень грецизации, характерная для перевода Атласа Блау, рассказу о Мо-

скве не свойственна, отмечены лишь единичные грецизмы, уже вошедшие в книжный язык Московской Руси, и некоторые примеры грецизированной орфографии (**Архаггела**).

Доместикацией можно считать перевод *benedicta* как **вѣщенную**. В лексиконах для всех однокоренных к *benedico* используется «блго(с) ловлю, блго(с)ловение, блго(с)лове(н)ная, блго(с)лове(н)ѣ» [Німчук 1973: 101]. Но в традиции восточной, православной церкви применяется термин «освящение», а не «благословение» воды [Желтов]. Стремление к точности при передаче важных для православия понятий обусловило перевод *Quadra(ge)simus* как **четыредесятница**, причем именно такой вариант зафиксирован еще в латино-славянском лексиконе [Німчук 1973: 340], тогда как абсолютное большинство композитов с первым корнем *quadr-* переданы сложными словами с «четверо-»: «quadridens, четверозубни(й); quadrienniu(m), четверолѣтие»; и т. д. [Там же: 341]. Ту же функцию передать именно московские реалии выполняет неточный перевод *perpetui(m)* как **вѣзь славы** (в лексиконе «непре(с)та(н)но» [там же: 310]), что, вероятно, дополнительно подчеркивает строгость православного великопостного периода в сравнении с другими христианскими конфессиями.

Отсутствующее у православных понятие «чистилища» лексически маркировано в переводе Славинецкого: использован полонизм **чыст(ь)ць** (*czyściec*), в котором сохраняется югозападнорусская орфография — вероятно, слово не было известно московскому писцу.

Конкретизирующий перевод [Максимович 2008: 43] использован в передаче *sacrum* как **слѣжба церковная**; в лексиконах «служба, же(р)тва, лито(р)гия» [там же: 358]. Добавление необходимо из-за многозначности слова в русском языке [СлРЯ XI–XVII 2000: 120–124]; при этом в значении ‘исполнение обязанностей, повинностей; выполнение службы (в том числе военной) в пользу государства’ слово употреблено и в рассказе о Москве, и в соседних с московскими главах Атласа: *ita ut nunc non minus quam caeteri servitutem servant, quum antea libere in suis quique territoriis*⁴ (*Moscovia* 18b) → **толѣкв такъ нѣ немнѣ (!) иныхъ слѣбжы слѣжатъ нже прежде всвоихъ всѣздахъ** (51); *Adultiores filios Chano vel Sultanis in ministerium <...> dant* (*Tavrica* 23b) → **Дорѣслшыа сыны, Ханѣ, или Салтанымъ вслѣжбѣ <...> даютъ** (Син. 19, 50об), опорой при этом служат разные латинские лексемы.

⁴ Следуя нашей основной теме — показать лексические отличия глав о Москве от остального перевода Атласа, — обратим внимание на перевод *territoriis* русизмом **ѣздахъ**; в основном тексте Атласа Славинецкий использует регионализм **повѣтъ**.

В разбираемом нами фрагменте отмечено существительное *servus*, переданное как **рабѣ**, хотя в лексиконах есть и вариант «слуга» [Німчук 1973: 370]. Славинецкий очень точно улавливает интонацию рассказа Герберштейна, где ниже говорится: *Gens ipsa astuta et fallax, et, uti supra dictum, magis servitute, quam libertate Gaudens*⁵ (17c) → **Народъ самѣ хитръ и лѣстень и такоже предречеса болма слѣженію и работы, нежели свободѣ навичен**⁶ (460б–47), где **работа** употреблено в значении ‘рабство, неволя’ [СлРЯ XI–XVII 1995: 105] и является фактически внутритекстовой глоссой, уточняющей смысл слова **слѣженіе**. В следующем предложении для *servum* переводчиком будет выбран русизм «холоп»: *Omnes se Principis servos fatentur* (17c) → **Вси гдѣрвы холопи глаголютса быти** (460б–47). Удивительно, но Славинецкий передает здесь контекст из сочинения Герберштейна: *Omnes se Principis chlopos, id est servos fatentur* [Герберштейн 2008: 240], что может демонстрировать знакомство переводчика с оригиналом и позволяет убедиться в его невероятной образованности и начитанности. При этом конструкция *государев холоп* является высокочастотной формулой приказного языка Московской Руси, а именно приказным языком переведена уже известная к середине XVII века в Москве космография Герарда Меркатора.

Нет сомнений, что перевод глав о Москве был сделан ранее начала работы над остальным массивом Атласа Блау. Стремясь к максимальной передаче известных потенциальному читателю культурных реалий, Славинецкий ориентирован на московский книжный язык, что становится невозможно далее, при переводе глав о Европе. Изменившиеся в процессе работы стратегии, в первую очередь в отношении выбора лексики, в итоге приводят к существенным лингвистическим расхождениям перевода первого тома и глав о Москве. В этом проявляется индивидуальное начало, свойственное многим более поздним переводам Славинецкого [Николаева 2014: 31]; впервые, возможно, эта самобытная творческая манера проявилась при работе над разными частями Атласа Блау. На наш взгляд, именно несовпадение лингвистических параметров глав о Московии с соответствующими параметрами основного корпуса перевода и стало основной причиной отказа от этих о глав в беловом тексте Атласа Блау.

⁵ «*Gens illa magis servitute, quam libertate gaudet*» [Герберштейн 2008: 238].

⁶ Для *fallax* («л(ь)стивы(й)») [Німчук 1973: 193]) актуализировано второе из значений прилагательного — ‘коварный, являющийся хитростью, имеющий целью обман, лживый’; **болма** в лексиконе латинском не отмечено, но вынесено в словник славяно-латинского: «Болма. Magis. Plus. Amplius» [там же: 430].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Болдырева Н.А.* Путешествие «Британии» Уильяма Кемдена из Лондона в Москву. М. — СПб., 2024.
2. *Буслаев Ф.И.* Историческая хрестоматия церковно-славянского и древнерусского языков. М., 1861.
3. Главы о Московском государстве в «Новом Атласе» Блау в переводе Епифания Славинецкого. Введение Н.А. Болдыревой (§ 1) и О.Е. Кошелевой (§ 2), подготовка текста О.Е. Кошелевой // Русский Сборник: Исследования по истории России: архивные находки и источниковедение. Т. XXX. М., 2021. С. 444–499.
4. Грамматика славенская. М., 1648.
5. *Диак. Михаил Желтов* Водоосвящение // Православная энциклопедия. Т. 9. URL: <https://www.pravenc.ru/text/155063.html?ysclid=mejig4ow73404387363> (дата обращения: 05.08.2025).
6. *Казакова Н.А.* Русский перевод XVII в. труда Блау «Theatrum orbis terrarum sive Atlas novus» // Вспомогательные исторические дисциплины. 1987. Т. 17. С. 161–178.
7. «Лексиконъ латинский» Є. Славинецкого. «Лексикон словено-латинський» Є. Славинецкого та А. Корецького. Сатановського / підгот. до вид. В.В. Німчук. Київ: 1973.
8. *Максимович К.А.* Заповѣди святыхъ отць: Латинский пенитенциал VIII в. в церковнославянском переводе: Исследование и текст. М., 2008. 208 с.
9. *Николаева Н.Г.* Индивидуальное начало в переводческом творчестве Епифания Славинецкого // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2014. Т. 156. № 5. С. 30–40.
10. *Николенкова Н.В.* Лингвистические особенности ученого регистра церковнославянского языка второй половины XVII в. (на материале Атласа Блау): дис. ... д-ра филол. наук. М., 2025. 414 с.
11. *Пентковская Т.В.* Адаптация реалий в церковнославянских переводах XVI–XVII в.: прагматический аспект // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2017. № 3 (69). С. 99–100.
12. *Протасьева Т.Н.* Описание рукописей Синодального собрания (не вошедших в описание А.В. Горского и К.И. Невоструева). Ч. I. М., 1970. 226 с.
13. Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв. Вып. 2. СПб., 2006. 340 с.
14. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–32. М., 1975–2023.
15. *Соболевский А.И.* Западное влияние на литературу Московской Руси XV–XVII веков. СПб., 1899. 154 с.

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ

1. Рукопись ГИМ Син.779. Атлас Блау, том 1. Черновик (автограф) Епифания Славинецкого, западнорусская скоропись, 4⁰, 605 л., сер. XVII в.
2. Рукопись ГИМ Син.19. Атлас Блау, том 1. Беловик рукописи Син.779, русская четкая скоропись, в большой лист, 306 л., сер. XVII в.
3. *Герберштейн С.* Записки о Московии: В 2 т. / Под ред. А.Л. Хорошкевич. Т. I: Латинский и немецкий тексты, русские переводы с латинского А.И. Маленина и А.В. Назаренко, с ранненововерхнемецкого А.В. Назаренко. М., 2008.
4. *Theatrum orbis terrarum, sive Atlas novus in quo tabulae et descriptions omnium Regionum.* Editae a Guiljele et Ioanne Blaeu. Amsterdami. Anno 1645. Tomus Primus. URL: <https://bdh-rd.bne.es/viewer.vm?pid=d-3482726#?> (дата обращения 01.08.2025).

REFERENCES

1. Boldyreva N.A. *Puteshestvie «Britanii» Ul'yama Kemdena iz Londona v Moskvu* [The Voyage of William Camden's Britannia from London to Moscow]. Moscow — Saint Petersburg, Center for Humanitarian Initiatives, 2024. 438 p. (In Russ.)
2. Buslaev F.I. *Istoricheskaya khrestomatiya tserkovno-slavyanskogo i drevnerusskogo yazykov* [Historical anthology of Church Slavonic and Old Russian languages]. Moscow, University Printing House, 1861. 840 p. (In Russ.)
3. *Glavy o Moskovskom gosudarstve v «Novom Atlase» Blau v perevode Epifaniya Slavinetskogo* [Chapters on the Moscow State in Blau's "New Atlas" translated by Epiphanius Slavinetsky]. Vvedenie N. A. Boldyrevoi (§ 1) i O.E. Koshelevoi (§ 2), podgotovka teksta O.E. Koshelevoi. *Russkii Sbornik: Issledovaniya po istorii Rossii: arkhivnye nakhodki i istochnikovedenie*. Bd. XXX. Moscow, 2021. P. 444-499. (In Russ.)
4. *Grammatika slavenskaya* [Slavonic grammar]. Moscow, Printing yard. 1648. 776 p. (In Russ.)
5. Diak Mikhail Zheltov *Vodoosvyashchenie* [Blessing of Water]. Pravoslavnaya entsiklopediya. Bd. 9. URL: <https://www.pravenc.ru/text/155063.html?ysclid=mejg4ow73404387363> (accessed: 05.08.2025). (In Russ.)
6. Kazakova N.A. *Russkii perevod XVII v. truda Blau «Theatrum orbis terrarum sive Atlas novus»* [Russian translation XVII v. truda Blau "Theatrum orbis terrarum sive Atlas novus"]. *Vspomogatel'nye istoricheskie distsipliny*. 1987. B.17. P. 161–178. (In Russ.)
7. «Leksikon» latinskii» E. Slavinets'kogo. «Leksikon sloveno-latins'kii» E. Slavinets'kogo ta A. Korets'kogo. *Satanovs'kogo* ["Latin Lexicon" E. Slavinetsky. "Slovenian-Latin Lexicon" E. Slavinetsky and A. Koretsky. Satanovsky]. Pidgot. do vid. V.V. Nimchuk. Kiev, Nauka Publ., 1973. 540 p. (In Ukr.)
8. Maksimovich K.A. *Zapov'edi svyatykh" ot' ts': Latinskii penitentsial VIII v. v tserkovno-slavyanskom perevode: Issledovanie i tekst* [Заповѣди свѣтыхъ отцѣ: Latin penitentiary of the 8th century in Church Slavonic translation: Research and text]. Moscow, PSTGU Publ., 2008. 208 p. (In Russ.)
9. Nikolaeva N.G. *Individual'noe nachalo v perevodcheskom tvorchestve Epifaniya Slavinetskogo* [The Individual Beginning in the Translation Work of Epiphanius Slavinetsky]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*. 2014. B. 156. № 5. P. 30–40. (In Russ.)
10. Nikolenkova N.V. *Lingvisticheskie osobennosti uchenogo registra tserkovnoslavyanskogo yazyka vtoroi poloviny XVII v. (na materiale Atlasa Blau)* [Linguistic features of the scholarly register of Church Slavonic in the second half of the 17th century (based on the Blaeu Atlas)]: dis. ... d-ra filol. nauk. M., 2025. 414 p. (In Russ.)
11. Pentkovskaya T.V. *Adaptatsiya realii v tserkovnoslavyanskikh perevodakh XVI–XVII v.: pragmaticheskii aspekt* [Adaptation of realities in Church Slavonic translations of the 16th–17th centuries: a pragmatic aspect]. *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. 2017. № 3 (69). P. 99–100. (In Russ.)
12. Protas'eva T.N. *Opisaniya rukopisei Sinodal'nogo sobraniya (ne voshedshikh v opisaniye A.V.Gorskogo i K.I.Nevostrueva)* [Descriptions of the manuscripts of the Synodal Collection (not included in the description by A.V. Gorsky and K.I. Nevostruev)]. B. I. Moscow, 1970. 226 p. (In Russ.)
13. *Slovar' obikhodnogo russkogo yazyka Moskovskoi Rusi XVI–XVII vv. Vyp. 2* [Dictionary of the colloquial Russian language of Muscovite Rus' of the 16th–17th centuries. Issue 2]. Saint Petersburg: Nauka, 2006. 340 p. (In Russ.)

14. *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* Vyp. 1–32 [Dictionary of the Russian language of the 11th–17th centuries. Issues 1–32]. Moscow: Nauka / Nestor-Istoriya, 1975–2023. (In Russ.)
15. Sobolevskii A.I. *Zapadnoe vliyanie na literaturu Moskovskoi Rusi XV–XVII vekov* [Western influence on the literature of Muscovite Rus' in the 15th–17th centuries]. Saint Petersburg: Sinodal'naya tipografiya, 1899. 154 p.

SOURCES OF EXAMPLES

1. Rukopis' GIM Sin.779. Atlas Blau, tom 1. Chernovik (avtograf) Epifaniya Slavinskogo, zapadnorusskaya skoropis', 40, 605 l., ser. XVII v. (In Russ.)
2. Rukopis' GIM Sin.19. Atlas Blau, tom 1. Belovik rukopisi Sin.779, russkaya chetkaya skoropis', v bol'shoi list, 306 l., ser. XVII v. (In Russ.)
3. Gerbershtein S. Zapiski o Moskovii [Notes on Muscovy]: V 2 t. / Pod red. A.L. Khoro-shkevich. T. I: Latinskii i nemetskii teksty, russkie perevody s latinskogo A.I. Malenina i A.V. Nazarenko, s rannenovoverkhnenemetskogo A.V. Nazarenko. Moscow, Monuments of historical thought, 2008. 776 p. (In Russ.)
4. Theatrum orbis terrarum, sive Atlas novus in quo tabulae et descriptions omnium Regionum. Editae a Guiljele et Ioanne Blaeu. Amsterdami. Anno 1645. Tomus Primus. URL: <https://bdh-rd.bne.es/viewer.vm?pid=d-3482726#?> (accessed: 01.08.2025). (In Lat.)

Поступила в редакцию 20.08.2025

Отредактирована 10.10.2025

Принята к публикации 21.04.2026

Received 20.08.2025

Revised 10.10.2025

Accepted 21.04.2026

ОБ АВТОРЕ

Наталья Владимировна Николенкова — д.ф.н., доцент, доцент кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; natanik2004@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Natalia V. Nikolenkova — PhD, Associate Professor, Department of Russian Language, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; natanik2004@mail.ru

КАМΠΤΕΙΝ ИЛИ ΣΚΑΠΤΕΙΝ: ОБ ОДНОМ РАЗНОЧТЕНИИ В ТРАКТАТЕ ГАЛЕНА ‘DE PARVAE PILAE EXERCITIŪ’

П.А. Троицкий

*Российский университет медицины, Москва, Россия;
pavel.troitskiy325@gmail.com*

Аннотация: Статья посвящена проблеме одного разночтения в трактате Галена ‘De parvae pilae exercitio’ («Об упражнении с маленьким мячом»). В финальной части этого сочинения критикуются различные виды спорта, среди которых упоминаются διὰ τοῦ κάμπτειν γυμνάσια, т. е. «упражнения посредством сгибания» (выбор таких издателей, как К.Г. Кюн и Й. Маркардт), или διὰ τοῦ σκάπτειν γυμνάσια, т. е. «упражнения посредством копания» (вариант, который предпочли Э. Венкебах и И. Джонстон). Для того, чтобы установить, какое из чтений считать предпочтительным, а также предложить корректный перевод этого выражения на русский язык, предлагается анализ словоупотребления глаголов κάμπτειν и σκάπτειν в галеновском корпусе. Распространенное спортивное значение первого «огибать мету» в данном случае приходится сразу же отвергнуть за отсутствием похожих примеров не только у Галена, но в древнегреческой литературе в целом. Основное же его значение («сгибать») в сочинениях Галена всего один раз встречается в контексте, связанном со спортом. Глагол σκάπτειν, в свою очередь, используется Галеном в спортивных контекстах множество раз. Производный от него термин σκάμμα обозначает разрыхленную площадку для прыжков, а также занятий борьбой и панкратионом. Как литературные, так и изобразительные свидетельства указывают на то, что разрыхление этой площадки мотыгой было одной из античных атлетических практик. С большой вероятностью именно это и подразумевает Гален в рассматриваемом месте трактата. Следовательно, διὰ τοῦ σκάπτειν γυμνάσια является более подходящим чтением, а вариант перевода «упражнения посредством рыхления земли» кажется самым близким к оригиналу.

Ключевые слова: Гален; античная атлетика; древнегреческая атлетическая терминология; κάμπτειν; σκάπτειν; σκάμμα

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2026-49-03-8

Для цитирования: Троицкий П.А. Κάμπτειν или σκάπτειν: об одном разночтении в трактате Галена ‘De parvae pilae exercitio’ // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2026. № 3. С. 100–107.

KAMΠTEIN OR ΣΚΑΠΤΕIN: CONCERNING VARIANT READINGS IN GALEN'S TREATISE 'DE PARVAE PILAE EXERCITIO'

Pavel A. Troitskiy

Russian University of Medicine, Moscow, Russia; pavel.troitskiy325@gmail.com

Abstract: This article addresses a problem of variant readings in Galen's work 'De parvae pilae exercitio' (*On Exercise with a Small Ball*). Somewhat obscure διὰ τοῦ κάμπτειν γυμνάσια, i.e. 'exercises through bending' (editions by C.G. Kühn and J. Marquardt), or διὰ τοῦ σκάπτειν γυμνάσια, i.e. 'exercises through digging' (E. Wenkebach's and I. Johnston's editions) are mentioned in the final section of this treatise. The article analyzes the usage of both verbs κάμπτειν and σκάπτειν in Galenic corpus with the purpose of establishing a more preferable reading and providing a correct Russian translation of this passage. The former verb can be used in a special meaning 'to turn round the turning post in a running or a horse race', which is quite unlikely in this context, given the lack of similar examples in the Ancient Greek literature. Κάμπτειν in its basic meaning ('to bend') is also highly improbable here, since there is only one case of Galen's usage of this verb in this meaning in a context considering physical exercise. The verb σκάπτειν, on the other hand, often occurs in Galen's works when it comes to sport. The term σκάμμα, derived from this verb, stands for a place used for athletic training and competitions. Athletes, as both Greek literature and visual art show, used to pick up its ground with mattocks as a form of exercise. This is what Galen seems to have had in mind, and διὰ τοῦ σκάπτειν γυμνάσια ought to be chosen as a more preferable reading.

Keywords: Galen; ancient athletics; Ancient Greek athletic terminology; κάμπτειν; σκάπτειν; σκάμμα

For citation: Troitskiy P.A. (2026) Κάμπτειν or σκάπτειν: Concerning Variant Readings in Galen's Treatise 'De parvae pilae exercitio'. *Lomonosov Philology Journal*, no. 3, pp. 100–107.

В своем сочинении 'De parvae pilae exercitio' («Об упражнении с маленьким мячом») Гален преследует необычную цель — доказать превосходство упражнения с маленьким мячом над всеми прочими видами упражнений. Высказав во вступлении ключевое соображение о том, что физическая активность должна оказывать благотворное влияние не только на тело, но и на душу, Гален переходит к перечислению достоинств упражнения с маленьким мячом. К их числу он относит доступность, разнообразие техники и темпа выполнения, пользу для всех частей тела и для зрения (*Gal. Parv. Pil.* 2–3). Кроме того, пишет Гален, оно изошряет ум и развивает полководческие качества (*Gal. Parv. Pil.* 3). После резкого выпада против атлетов и упражнений, принятых в палестре, которые оказывают, по мнению Галена, ровно противоположное действие на умственные способ-

ности, он посвящает следующую главу более подробному описанию возможных техник упражнения с маленьким мячом (*Gal. Parv. Pil.* 4). В заключительной главе говорится о еще одной ценной особенности этого упражнения — его безопасности в сравнении с бегом или, к примеру, конными скачками (*Gal. Parv. Pil.* 5). Здесь мы подходим непосредственно к интересующему нас отрывку. Перечисляя виды спорта, сопряженные с риском вывиха конечности, Гален называет прыжки, метание диска и загадочные διὰ τοῦ κάμπτειν γυμνάσια («упражнения посредством сгибания») [Kühn 1823: 910; Marquardt 1884: 102] или διὰ τοῦ σκάπτειν γυμνάσια («упражнения посредством копания») [Wenkebach 1938: 270; Johnston 2018: 396]. В настоящей статье мы попытаемся определить, какое из чтений следует признать более верным, а также по возможности внести корректировки в существующие переводы этой части трактата.

Из всех дошедших до нас манускриптов с текстом трактата чтение σκάπτειν встречается в двух: Codex Laurentianus 74, 3 и Codex Parisinus bibl. Nation. Suppl. Graec. 35. Первый относится к XII веку [Wenkebach 1938: 257] и является самым ранним списком ‘De parvae pilae exercitio’. Второй же представляет собой его позднюю копию [Marquardt 1879: 1]. Прочие рукописи, например, Codex Marcianus 276 (XV в.), Codex Ambrosianus Q 3 (XIV в.) и Codex Marcianus append. Class. V 4 (XV в.), содержат чтение κάμπτειν. Codex Laurentianus, к которому обращались все издатели трактата, отличается множеством скорописных сокращений, крайне затрудняющих чтение [Marquardt 1884: XII]. Вдобавок к этому интересующее нас место из ‘De parvae pilae exercitio’ у второго переписчика этого манускрипта испорчено [Wenkebach 1938: 270]. Поэтому для того, чтобы выявить более вероятное чтение, представляется необходимым сравнить употребление глаголов κάμπτειν и σκάπτειν в корпусе Галена.

Основное значение глагола κάμπτειν это «сгибать», и именно в таком значении он используется Галеном в подавляющем большинстве случаев: например, сгибать пальцы (*Gal. De anat. adm.* I 3, Kühn II 231), запястье (*Gal. De anat. adm.* I 5, Kühn II 252) или член тела (*Gal. De anat. adm.* VI 1, Kühn II 539). Вместе с тем κάμπτειν имеет и специальное спортивное значение — «огибать мету» в конных состязаниях (*S. El.* 744, Theos. 24. 120) и «поворачивать в обратную сторону» при длинном (δόλιχος) или двойном (δίαυλος) беге (*A. Ag.* 344). Мета и столб, который огибали бегуны, назывались однокоренными с глаголом κάμπτειν терминами καμπή (*Ar. Pax* 905) и καμπτήρ (*Poll.* III, 147). В трудах Галена κάμπτειν в этом специальном спортивном значении употребляется всего один раз. Так, описывая устройство нервов гортани, Гален сравнивает их с бегунами, огибающими мету (κάμπτοντες) (*Gal. De usu part.* VII 14, Kühn III 580). П.

Сингер, подготовивший один из переводов ‘*De parvae pilae exercitio*’ на английский язык, высказывает предположение, что под διὰ τοῦ κάμπτειν γυμνάσια могут подразумеваться как раз беговые упражнения [Singer 1997: 430]. Это представляется маловероятным. Во-первых, подобное обозначение двойного бега нигде не зафиксировано, а во-вторых, кажется странным такое завуалированное именование в одном ряду с названными прямо прыжками (ἄλμα) и метанием диска (δίσκος).

Единственный контекст, где глагол κάμπτειν имеет специальное спортивное значение, отличное от упомянутого выше, встречается в обширном сочинении Галена ‘*De sanitate tuenda*’ («О поддержании здоровья»), важная часть которого посвящена описанию физических упражнений (Gal. *De san. tuenda* II 8–11, Kühn VI 133–148). Начав с перечисления их разновидностей, Гален разделяет их на две группы: «просто упражнения» (γυμνάσια μόνον) (Gal. *De san. tuenda* II 8, Kühn VI 133) и «не только упражнения, но и трудовые занятия» (οὐ γυμνάσια μόνον, ἀλλὰ καὶ ἔργα) (Gal. *ibid.*). В числе первых называются, например, борьба и игра в мяч, а в числе вторых гребля или охота. К этому разделению мы еще обратимся. В следующей главе Гален предлагает классификацию упражнений в зависимости от их направленности, скорости выполнения и интенсивности и дает характеристику ряда упражнений, способствующих увеличению силы и гибкости. Десятую главу занимает перечисление быстрых (τὰ ταχέα) и интенсивных (τὰ σφοδρά) упражнений. После этого Гален описывает, какие части тела тренируются при выполнении тех или иных видов упражнений. Интересующее нас место относится к девятой главе. Позволим себе привести его целиком: εἰ δὲ δὴ καὶ κελεύσειε τινὶ καθέλκειν τε καὶ κάμπτειν βιαίως, ἑαυτὸν ἀκίνητόν τε καὶ ἄκαμπτον οὐ ταῖς χερσὶ μόνον, ἀλλὰ καὶ τοῖς σκέλεσι καὶ τῇ ῥάχει διαφυλάττων, οὐ μικρὸν γυμνάσεται γυμνάσιον εἰς εὐτονίαν ὀργάνων (Gal. *De san. tuenda* II 9, Kühn VI 141) («а если к тому же человек попросит кого-нибудь с силой тянуть его вниз и пытаться согнуть, а сам будет стараться удержать в прямом и неподвижном положении не только руки, но также ноги и спину, то это будет хорошей тренировкой упругости его членов»). Примерно в таком смысле понимает выражение διὰ τοῦ κάμπτειν γυμνάσια К. Кюн, который переводит его как «*quae per flexiones fiunt exercitia*» («упражнения посредством сгибания») [Kühn 1823: 910]. Однако уникальность такого словоупотребления не только у Галена, но и в древнегреческой литературе в целом, позволяет усомниться в правильности такой трактовки. Кроме того, в приведенном отрывке описывается возможное и рекомендуемое, а не распространенное и общеизвестное упражнение.

В соседстве с не требующими объяснений прыжками и метанием диска оно выглядит по меньшей мере странно.

Глагол σκάπτειν, в свою очередь, не раз встречается у Галена в контекстах, связанных с темой атлетики. В его комментариях к «Эпидемиям» Гиппократова вскапывание земли упоминается наряду с верховой ездой, борьбой, панкратионом и боем в доспехах (Gal. *In Hipp. VI Epid.* I 6, Kühn XVIIa 839), а те, кто им занимается, уподобляются атлетам (Gal. *In Hipp. III Epid.* I 4, Kühn XVIIa 521). В 'De sanitate tuenda' вскапывание земли вместе с греблей, жатвой, охотой и некоторыми другими занятиями включается в уже упоминавшуюся категорию действий, выступающих одновременно в роли как упражнений, так и трудовых занятий (Gal. *De san. tuenda* II 8, Kühn VI 134). Однако важнее всего то, что в этом же сочинении, говоря о категории интенсивных упражнений, Гален перечисляет вскапывание земли, метание диска и прыжки (σκάψαι καὶ δισκεῦσαι καὶ πηδήσαι¹) (Gal. *De san. tuenda* II 10, Kühn VI 145), то есть те же самые виды упражнений, которые называются в заключительной главе 'De parvae pilae exercitio'. Именно на основании этого В. Шефер в своей диссертации первым выбрал чтение σκάπτειν [Schaefer 1908: 17], ограничившись, впрочем, только этим соображением.

Остается, тем не менее, вопрос, следует ли понимать выражение διὰ τοῦ σκάπτειν γυμνάσια буквально как вскапывание или рыхление земли. Э. Венкебах, последовавший в своем издании трактата выбору Шефера, переводит его следующим образом: «die Übungen des Weitsprunges mit der Springgrube» («прыжки в длину с использованием рва для прыжков») [Wenkebach 1938: 271]. С этим переводом отчасти схож и единственный русский перевод 'De parvae pilae exercitio', в котором читаем: «упражнения, требующие разграничительного рва» [Пролыгина 2019: 258]. Оба варианта перевода кажутся не совсем удачными. Венкебах, полагающий, что речь идет о прыжке в длину, вынужден переводить слово ἄλμα в том же пассаже как «Hochsprung», то есть прыжок в высоту. При этом ἄλμα в древнегреческом языке используется именно для обозначения прыжков в длину (Philostr. *Gymn.* 3, 31, 55), а о практике прыжков в высоту среди греческих атлетов у нас нет никаких свидетельств [Gardiner 1967: 144; Drees 1968: 74], равно как и о практике прыжков через ров.

Однокоренным с глаголом σκάπτειν термином σκάμμα обозначалось место, на котором тренировались и соревновались участники пятиборья (Suid. B 151, 1), а именно прыгуны (Paus. Gr. Υ 9, 3) и бор-

¹ Для обозначения прыжков может использоваться и глагол πηδάω, и глагол ἄλλομαι (ср., к примеру, Gal. *De san. tuenda* II 8, Kühn VI 134 и Philostr. *Gymn.* 3).

цы (Gal. *Thras.* 46). Там же состязались и панкратиасты (Moretti *Iscr.* №79). Это был не ров, а площадка с разрыхленной землей [Gardiner 1967: 182]. Вместо существительного σκάμμα могло использоваться так же и субстантивированное причастие τὰ ἐσκάμμενα (Pl. *Cra.* 413a), но замена его на субстантивированный инфинитив τὸ σκάττειν или τὸ σκάψαι в древнегреческом корпусе не встречается. Соответственно, крайне маловероятно, что под διὰ τοῦ σκάττειν γυμνάσια подразумеваются прыжки на специальной площадке. Разрыхление этой площадки в качестве занятия атлетов упоминается у Афиней (Athen. *Deipn.* XII 15), а в схолиях к Феокриту мы читаем, что работа мотыгой практиковалась атлетами для укрепления верхней части туловища: τῆ σκαλάνῃ σκαλπόντες καὶ τὰ ἄνω μέρη τοῦ σώματος ἀναρρωνύοντες [οἱ ἀθληταί] (Sch. in Theocr. IV 10a). Кроме того, рыхление земли называет одним из занятий участника Олимпийских игр Эпиктет, употребляя, правда, глагол παρορύσσεσθαι (Epict. *Ench.* 29, 2). Подтверждение этой практике можно найти и в памятниках изобразительного искусства. К примеру, на краснофигурном килике² из собрания Музея изящных искусств в Бостоне изображен атлет, держащий в руках двузубую мотыгу³, обозначавшуюся словом δίκελλα. Примечательно, что на этой же чаше представлены также атлеты, несущие диск и галтеры (утяжеления, использовавшиеся прыгунами), то есть иллюстрируются все три упражнения, о которых говорится в ‘De parvae pilae exercitio’: τὸ ἄλλα καὶ ὁ δίσκος καὶ τὰ διὰ τοῦ σκάττειν γυμνάσια (Gal. *Parv. Pil.* 5).

Итак, и словоупотребление Галена, и сведения об античных атлетических практиках, и изобразительные свидетельства позволяют утверждать, что, по всей видимости, в интересующем нас отрывке выражение διὰ τοῦ σκάττειν γυμνάσια надо понимать в прямом смысле. Чтению κάμπτειν, соответственно, следует предпочесть чтение σκάττειν. Что касается переводов трактата, то наиболее точный, хотя и несколько топорный вариант предложил И. Джонстон: «exercises due to digging» («упражнения за счет копания») [Johnston 2018: 397]. Но и он, на наш взгляд, нуждается в небольшом уточнении. Под σκάττειν здесь подразумевается не копание, а именно рыхление площадки для прыжков и борьбы мотыгой, так что διὰ τοῦ σκάττειν γυμνάσια можно перевести как «упражнения посредством рыхления земли».

² <https://collections.mfa.org/objects/153746> (дата обращения: 04.01.2025).

³ См. также [Янзина, Корнеев 2016: 1150–1151].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Гален*. Об упражнении с маленьким мячом / Пер. с древнегреч. и примеч. И.В. Пролыгиной // *Философия. Журнал Высшей школы экономики*. 2019. Т. III, № 1. С. 253–261.
2. *Янзина Э.В., Корнеев О.В.* О некоторых аспектах подготовки античных атлетов-единоборцев к состязаниям: практика и терминология тренировочного процесса // *Индоевропейское языкознание и классическая филология*. 2016. XX. С. 1143–1161.
3. *Claudi Galeni librum De parvae pilae exercitio* / Ed. Johannes Marquardt. Güstrow, 1879.
4. *Claudii Galeni opera omnia* / Hrsg. von C. G. Kühn. Leipzig, 1823–1831.
5. *Claudii Galeni Pergameni scripta minora*. Recensuerunt Ioannes Marquardt, Iwanus Mueller, Georgius Helmreich. Vol. 1. Ex recognitione Ioannis Marquardt. Lipsiae, 1884.
6. *De Galeni qui fertur de parvae pilae exercitio libellum*. Scripsit Guilelmus Schaefer. Bonnae, 1908.
7. *Drees, Ludwig*. Olympia: Gods, Artists and Athletes. New York, Washington, 1968.
8. *Galen*. Selected Works / Transl. with an Introduction and Notes by P.N. Singer. Oxford, New York, 1997.
9. *Galenus*. Hygiene. In 2 vols. Vol. 2. Hygiene II. Thrasybulus. On Exercise with a Small Ball / ed. and trans. from the Ancient Greek by I. Johnston. Cambridge, London, 2018.
10. *Gardiner, E. Norman*. Athletics of the Ancient World. Oxford, 1967.
11. *Miller, Stephen G.* Ancient Greek Athletics. New Haven and London, 2004.
12. *Moretti, Luigi*. Iscrizioni agonistiche greche. Roma, 1953.
13. *Wenkebach, Ernst*. Galenos von Pergamon: Allgemeine Ertüchtigung durch Ballspiel: Eine sporthygienische Schrift aus dem zweiten Jahrhundert n. Chr. // *Sudhoffs Archiv für Geschichte der Medizin und der Naturwissenschaften*. 1938. Bd. 31, H. 4/5. S. 254–297.

REFERENCES

1. Galen. Ob uprazhnenii s malen'kim myachom [On exercise with a small ball] / Transl. from Ancient Greek and annot. by I.V. Prolygina. *Filosofiya. Zhurnal Vyshey shkoly ekonomiki* [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics], 2019, 3, № 1, pp. 253–261. (In Russ.)
2. Yanzina E.V., Korneev O.V. O nekotorykh aspektakh podgotovki antichnykh atletov-edinobortsev k sostyazaniyam: praktika i terminologiya trenirovochnogo protsessa [Some comments on the ancient combat sports athletes training: practices and terms]. *Indoevropskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya* [Indo-European linguistics and classical philology], 2016, 20, pp. 1143–1161. (In Russ.)
3. *Claudi Galeni librum De parvae pilae exercitio* / Ed. Johannes Marquardt. Güstrow, 1879. 21 p.
4. *Claudii Galeni opera omnia* / Hrsg. von C. G. Kühn. Leipzig, 1823–1831.
5. *Claudii Galeni Pergameni scripta minora*. Recensuerunt Ioannes Marquardt, Iwanus Mueller, Georgius Helmreich. Vol. 1. Ex recognitione Ioannis Marquardt. Lipsiae, 1884. 129 p.
6. *De Galeni qui fertur de parvae pilae exercitio libellum*. Scripsit Guilelmus Schaefer. Bonnae, 1908. 35 p.
7. *Drees, Ludwig*. Olympia: Gods, Artists and Athletes. New York, Washington, 1968. 193 p.

8. *Galen*. Selected Works / Transl. with an Introduction and Notes by P. N. Singer. Oxford, New York, 1997. 452 p.
9. *Galenus*. Hygiene. In 2 vols. Vol. 2. Hygiene II. Thrasybulus. On Exercise with a Small Ball / ed. and trans. from the Ancient Greek by I. Johnston. Cambridge, London, 2018. 432 p.
10. *Gardiner, E. Norman*. Athletics of the Ancient World. Oxford, 1967. 246 p.
11. *Miller, Stephen G*. Ancient Greek Athletics. New Haven and London, 2004. 288 p.
12. *Moretti, Luigi*. Iscrizioni agonistiche greche. Roma, 1953. 286 p.
13. *Wenkebach, Ernst*. Galenos von Pergamon: Allgemeine Ertüchtigung durch Ballspiel: Eine sporthygienische Schrift aus dem zweiten Jahrhundert n. Chr. // *Sudhoffs Archiv für Geschichte der Medizin und der Naturwissenschaften*. 1938, Bd. 31, H. 4/5. S. 254–297.

Поступила в редакцию 20.05.2025

Отредактирована 10.08.2025

Принята к публикации 21.04.2026

Received 20.05.2025

Revised 10.08.2025

Accepted 21.04.2026

ОБ АВТОРЕ

Павел Александрович Троицкий — к.ф.н., старший преподаватель кафедры латинского языка и основ терминологии Российского университета медицины; pavel.troitskiy325@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR

Pavel A. Troitskiy — Senior Lecturer, PhD, Department of Latin Language and the Basics of Terminology, Russian University of Medicine; pavel.troitskiy325@gmail.com

СТАТЬИ. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

ОТ ПРЕЦИОЗНОСТИ К МАРИВОДАЖУ: ЖАНРОВО-СТИЛЕВОЙ ЭКСПЕРИМЕНТ В РАННИХ РОМАНАХ МАРИВО

Н.Т. Пахсарьян

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
ИНИОН РАН, Москва, Россия; npakhsarian@gmail.com*

Аннотация: В статье дан анализ становления жанрово-стилевой манеры одного из популярных драматургов и романистов XVIII столетия — П.К. де Шамблена де Мариво. Первые романы Мариво, созданные в 1710-е гг. («Удивительные действия симпатии», «Карета, увязшая в грязи», «Фарсамон»), первоначально расценивались исследователями либо как подражания, либо как пародии на прециозные романы середины XVII в. В писательской манере Мариво в целом видели прежде всего некую «новую прециозность» (Ф. Делюфр), новизна которой больше проявила себя в зрелом творчестве. Однако в последнюю треть XX и в начале XXI в. началось активное переосмысление поэтики и стилистики ранних романов. Более пристальный компаративный анализ выявил их экспериментальность, когда в процессе иронического подражания прециозной стилистике автор вырабатывает иную, более свободную манеру рассказывания, уже современниками названную «мариводажем». Если в XVIII в. «мариводаж» был объектом критики и рассматривался даже как «разложение языка» (Ланге де Жержи), то сегодня ученым все яснее становятся заслуги Мариво в языковой сфере: он не только стал автором многих выражений, органично вошедших в речь, но и сумел придать стилистике «новых», использовавших его опыт, большую гибкость, легкость и тонкость. На протяжении всего творчества писатель размышляет над проблемами языка и стиля, и это сказывается не только в его статьях и эссе, но и в художественных произведениях, включающих разные формы жанрово-стилевой рефлексии. «Мариводаж» оказывается не только стилем, но формой жанровой поэтики, весьма перспективной для развития романа в последующие эпохи.

Ключевые слова: прециозность; мариводаж; жанр романа; стиль; утонченность; психологизм

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2026-49-03-9

Для цитирования: Пахсарьян Н.Т. От прециозности к мариводажу: жанрово-стилевой эксперимент в ранних романах Мариво // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2026. № 3. С. 108–122.

FROM PRECIOUSNESS TO MARIVAUDAGE: GENRE AND STYLE EXPERIMENT IN MARIVAU'S EARLY NOVELS

Natalia T. Pakhsarian

*Lomonosov Moscow State University, ISS RAS, Moscow, Russia;
npakhsarian@gmail.com*

Abstract: The article analyzes the formation of the genre-style manner of one of the popular playwrights and novelists of the 18th century — Pierre Carlet de Chamblain de Marivaux. Marivaux's first novels, created in the 1710s (*The Amazing Actions of Sympathy, The Carriage That Stuck in the Mud, Pharsamon*), were initially regarded by researchers either as imitations or as parodies of the precious novels of the mid-17th century. In general, Marivaux's writing style was seen primarily as a kind of "new preciousness" (F. Deloffre), the novelty of which manifested itself more in mature work. However, in the last third of the twentieth century and the beginning of the twenty-first century, an active rethinking of the poetics and stylistics of the early novels began. A closer comparative analysis revealed their experimentation, when in the process of ironic imitation of a precise style, the narrator of the novel develops a different, more free manner of telling, already called "marivaudage" by his contemporaries. At the same time, if in the 18th century "marivaudage" was the object of criticism and was even considered as a "decomposition of language" (Languet de Gergy), today Marivaux's merits in the linguistic sphere are becoming clearer to scholars: he not only became the author of many expressions that organically entered the modern French vocabulary, but also managed to give the style to the "new" ones who used his experience, great flexibility, lightness and subtlety. Throughout his work, the writer reflects on the problems of language and style, and this is reflected not only in his articles and essays, but also in his works of fiction, which include various forms of genre-style self-reflection. In the end, "marivaudage" turns out to be not only a style, but also a form of genre poetics that is very promising for the development of the novel in subsequent eras.

Keywords: preciousness; marivaudage; novel genre; style; sophistication; psychology

For citation: Pakhsarian N.T. (2026). From Preciousness to Marivaudage: Genre and Style in Marivaux's Early Novels. *Lomonosov Philology Journal*, no. 3, pp. 108–122.

Особую стилевую манеру Мариво уже современники воспринимали критически: когда в 1736 г. писатель в первый раз попытался войти в число членов Французской Академии, его провалили на выборах как раз из-за его стилевых новаций. Архиепископ Ланге де Жержи, один из академиков, заявил тогда: «Задача наша в Академии — работать над сложением языка, а задача Мариво — работать над его разложением» (цит. по: [Rubellin 2023]). Еще раньше, в шестом листке «Кабинета философа» (1734), Мариво выступил против нападков на его манеру в эссе «О стиле», определяя писателя как того,

кто «хорошо знает свой язык, знает все слова, все знаки, в него входящие, и точную ценность этих слов» [Marivaux. Journaux 2, 2010: 227]. Основная идея эссе заключалась в том, чтобы показать тесную связь словесной формы и содержания: даже тогда, когда человек «мыслит плохо», его слова «точно выражают его мысли». В то же время Мариво считал важным присутствие в стиле особого компонента — *je ne sais quoi*, способного выразить тонкие оттенки чувств. Выражение «*je ne sais quoi*» встречалось еще у Монтеня, затем в классицистической поэзии (Корнель) и поэтике (Буало), но также и в барокко — например, в романах Скюдери, безусловно, оказавших влияние на Мариво. При этом, как выразился П.-А. Симон, «XVIII век не слишком злоупотреблял этим выражением» [Simon 1959: 115], так что стойкий интерес Мариво к «*je ne sais quoi*» можно считать приметой некоторой традиционности его стиля. Однако у современников писателя возникало скорее ощущение необычности его языка.

Серьезная рефлексия над стилем была присуща Мариво всегда. Так, в 1719 г. он создал эссе «О ясности речи», ответ на критику его стиля, с самого начала сопровождавшую его публикации, и уточнил, что понимает под «ясностью» (*clarté*): «...Нужно иметь точное, а не плохо понятое представление, что мы подразумеваем под ясностью, и не поддаваться опасности иметь в виду некую педантичную ясность, которая, на самом деле, не оставляет никакой смутности в речи, но разрушает ее силу и живость» [Marivaux, Journaux 2, 2010: 49]. Было бы неверно отождествлять это требование ясности с классицистической тенденцией: говоря о необходимости ясного слога, Мариво одновременно борется с тем, что называет «предрассудками чистоты». Он полагает, что чрезвычайная утонченность образа, деликатность его описания часто принимается за «темноту», поскольку читателям трудно воспринимать тонкости, и поначалу понятная мысль в их сознании расплывается и становится неуловимой. При этом не только специфическая трактовка ясности отличает Мариво от классицизма. Сравнивая суждения о возвышенном у Буало и Мариво, Ф. Муро указывает, что писатель XVIII в. отказывается ограничить возвышенное общим мнением о нем, поскольку, с его точки зрения, возвышенное не констатируют, а конструируют по мере развития художественного вымысла [Moureau 2001: 32]. Писатель иронизирует над идеей абсолютной Красоты, возвышенное понимается им как интеллектуальная и эмоциональная манифестация правдивого (*vrai*), а не правдоподобного (*vraisemblable*).

Первые романские опыты Мариво относятся к самому началу 1710-х гг. Наиболее раннее романное сочинение — «Приключения***, или Удивительные действия симпатии» («*Les Aventures de*** ou Les effets surprenants de la sympathie*», 1712–1713), начатое еще в 1709 г.,

на первый взгляд так близко повторяло содержание и форму романов высокого барокко, что у одного из современников, Ленгле-Дюфрениу, ознакомившегося к 1734 г. со зрелым романом Мариво «Жизнь Марианны», столь непохожим на «Удивительные действия симпатии», даже возникло сомнение в авторстве раннего сочинения. Литературовед XX в. Ф. Деллоффе, однако, видел неразрывную связь ранних и зрелых романов писателя, интерпретируя его стиль как «новую прециозность»¹. И прежде чем оформиться в «мариводаж», по мнению многих ученых, Мариво прошел стадию подражания прециозным романам, что выразительно проявилось в «Удивительных действиях симпатии». Два других сочинения — «Фарсамон, или Новые романические безумства» (1713, опубл. 1737) и «Карета, увязшая в грязи» (1714) — рассматриваются как пародии на прециозную литературу. При этом и эти романы современники судили весьма строго: Ф.М. Гримм в «Литературной корреспонденции» (1765) назвал «Фарсамона» «невыносимой книгой», а Вольтер с презрением отозвался о «Карете». Однако каждый из этих романов представляет собой особый тип композиции, оригинальную форму наррации и демонстрирует разнообразие тона повествования, выдавая, думается, намерение молодого писателя экспериментировать с жанровыми компонентами романа, в том числе — со стилем.

Известный отечественный исследователь творчества Мариво А.Д. Михайлов видел в его первых романах возрождение жанра галантно-авантюрного романа «во вкусе прошлого века» [Михайлов 2010, II: 75]. Крупный специалист по истории французского романа А. Куле трактовал «Удивительные действия симпатии» как «в высшей степени виртуозный этюд на старинные мелодии» [Coulet 1991: 96]. Между тем уже этот «этюд» трансформирует барочную традицию, начиная со своего названия: фигурирующее в заглавии слово «*sympathie*» (симпатия) — одно из тех понятий, которое почти не использовалось в литературе XVII века, но приобрело большую популярность в XVIII столетии (см. подробно: [Zagamé 2022]). Именно симпатия становится «новой моделью объяснения любовного чувства», понятием, позволяющим современным ученым сравнить изображение любви в полотнах Ватто и в раннем романе Мариво [Dickhaut 2009: 110], отнести и художника, и писателя к рококо. В отличие от барочных романов, в которых изображается история изначально влюбленных друг в друга персонажей (в первом эпизоде «Астреи» д'Юрфе главная героиня, приревновав влюбленного в нее Селадона, прогоняет его и велит ему не показываться ей на глаза, а в дальнейшем отвергнутый пастух ищет способов избежать этого

¹ Ср. название монографии [Deloffre 1955].

запрета; Артамен, заглавный персонаж романа Скюдери, отправляется совершать свои подвиги из-за любви к Мандане и т. п.), в ранних романах Мариво описаны моменты зарождения любовного чувства, внезапного «любовного сюрприза». Так молодой романист оказывается не столько подражателем писателей предшествующей эпохи, сколько предшественником Прево, автора «Истории кавалера де Грие и Манон Леско».

Важное значение имеет «Предупреждение читателю», открывающее «Удивительные действия симпатии», где «издатель» сообщает, что «автор» ведет разговор со своей возлюбленной, дамой с тонким вкусом, а потому копирует природу, которая является для него «единственным правилом» [Marivaux 1972: 3]. Обращения к читателю, которые содержатся в романах Скюдери и Ла Кальпренета, написаны с совершенно других позиций. Так, Скюдери предваряет роман «Артамен, или Великий Кир» (1649) разъяснением для Читателя: «Правила, которым я следовал в романе “Великий паша”, оказались столь удачными, что я не считал нужным менять их, создавая этот второй роман»² (цит. по: [Poétiques du roman 2004: 183]). Автор подчеркивает, что ориентируется на образцы — «бессмертного Гелиодора и великого д'Юрфе». Прециозность предполагала особый язык, в котором доминировал, по словам исследователей, «отказ от языковых обычаев», присутствовали «обороты, исключаящие всякий прозаизм», прециозные тексты «с энтузиазмом использовали неологизмы, модные слова»; так создавался «сложный кодифицированный, герметический язык» [Hilal 2021: 88]. Хотя и Мариво далеко не чужд использованию неологизмов (некоторые из которых — *fictivement, mettre en valeur* — прижились и сегодня не воспринимаются как что-то чужеродное³), тем не менее, «герметический язык прециозности» не совпадает с тем, которым пользуется Мариво, поскольку «Удивительные действия симпатии», как утверждается в «Предупреждении читателю», были сочинены «для дамы, весь ум которой состоял в великолепном и безыскусном вкусе и в большом чувстве», и автор не беспокоился, «сможет ли то, что он писал, развлечь то малое количество великих умов, которые читают книгу... только по правилам и с компасом для ума...» [Marivaux 1972: 3]. От-

² «Артамен» был опубликован как сочинение Mr de Scudéry, Gouverneur de Nostre Dame de la Garde, то есть брата Мадлены, Жоржа, потому обращение к читателю написано от лица автора-мужчины.

³ Между тем стоит заметить, что известное выражение «*tomber amoureux*», которое долгое время считали неологизмом, созданным Мариво, оказалось введенным ранее — причем впервые — в романе М. де Скюдери «Клелия» [см.: Rubelin 2023].

каз от правил для Мариво — постоянный принцип: в эссе «Неимущий философ» (1728) он даже заявит: «Мне плевать (Je me moque) на правила» [Marivaux Journaux 2: 131]. Мариво отнюдь не стремится к усложненности и стилистической темноте, сгущенной метафоричности и перифразам; он хочет добиться ясности высказывания, хотя и трактует это понятие особым образом и уже в «Удивительных действиях симпатии» размышляет об «égarements du coeur», заблуждениях сердца, — теме, которая станет столь важной для романов рококо (см. «Заблуждения сердца и ума» Кребийона-сына). Он использует прием «опубликованной рукописи», принадлежащей «другу издателя», — этот, по существу, полемический прием (см. подробнее: [Gilot 1998: 119–130]) станет для романистов XVIII в. одним из популярнейших способов отказаться от традиции «высокого» барочного романа ради «естественности» и «правдивости» рассказываемых историй. Если Ж. Флери в конце XIX в. видел в первом романе Мариво сходство с манерой барочного романиста Гомбервиля и отрицал пародийность этого сочинения [Fleury 1881: 14], то современные комментаторы обнаруживают в историях «Удивительных действий симпатии» влияние одного из псевдомемуаров Куртиля де Сандра и книги Р. Шаля «Знаменитые француженки» — произведений раннего рококо. Как заметил П. Артманн, Мариво уже в этом романе вырабатывает два пути читательской интерпретации романного текста: либо это поэтическая проза, выстроенная на реминисценциях из старых моделей жанра, либо ироническое повествование, забавляющее читателей этими моделями, вскрывающее их «помпезную бессодержательность» [Hartmann 2020: 25]. К тому же, в сравнении с прециозными галантно-героическими романами, в «Удивительных действиях» значительна доля жанровой рефлексии, и она представляет собой не эмблемно-аллегорическое описание литературной традиции от античности до современности (как, например, в «Клелии» Скюдери: [Голубков 2022: 710]), но размышление над спецификой романного и романического, воздействующего на психологию персонажей.

В первом романе рефлексия над «romanesque» больше сосредоточена в «Предуведомлении читателю» и первом томе пятитомного романа. В двух последующих сочинениях подобная рефлексия становится главным компонентом сюжета. Так, в «Карете, увязшей в грязи», романе, автором которого в «Предуведомлении от издателя» назван тот же сочинитель, что и создатель «Удивительных действий симпатии» (то есть «подражательный роман» и роман «пародийный», как их называли критики, самим писателем объявляются вышедшими из-под пера одного автора), речь идет о некоей путешествующей компании, которая, застряв в дороге во время поездки

в карете из-за распутицы и остановившись в провинциальном кабаке, решила развлечься совместным сочинением романа. Каждую часть придумывает один из пяти собеседников по своему вкусу, и каждая представляет собой вариант «*roman picaresque*», отвечающий читательским предпочтениям рассказчика. Соответственно стиль меняется в зависимости от типа романа, который предпочитает тот или иной повествователь: галантная история любви сменяется волшебной сказкой, которая уступает место ироническому подражанию комическому роману и т. д. По существу, «Карета» — вовсе не пародия на «*roman picaresque*», романическое здесь показано как элемент психологии персонажа и демонстрирует его читательские предпочтения, отличие каковых от опыта повседневной жизни ощущает каждый из рассказчиков. К тому же смена повествователей сочетается со стремлением создать, при всем разнообразии интонаций, цельный нарратив, а не последовательность отдельных историй, соединенных рамкой, что было характерно для структуры барочных романов.

Оригинальная трансформация жанрово-стилевой традиции барокко в полной мере становится очевидной в романе «Фарсамон», написанном практически в те же годы, что и «Удивительные действия симпатии»: «романические безумства» героя — следствие его увлеченности чтением разнообразных романов: рыцарских, пасторальных, галантно-героических, — однако романическое оказывается не резко противопоставленным реальности, а только не вполне совпадающим с ней. Мариво интересуют романические ожидания главного персонажа, которого иногда литературоведы, опираясь на публикации этого романа в XVIII в. под заглавиями «*Don Quichotte français*», «*Don Quichotte moderne*», именуют «Новым Дон Кихотом», но его ожидания касаются только любовной психологии: юному провинциалу хочется любить, как это описано в романах, но хотя это желание разделяет и молодая особа, встретившаяся ему на пути, воплотить «высокий» любовный роман в жизнь им не удастся, ибо жизнь прозаичнее и приземленнее их ожиданий. Соответственно с этим писатель вовсе не избегает низкой лексики и грубоватых интонаций в речи персонажей-простолудинов, что еще раз говорит о его отказе от стилистических принципов «прециозности»⁴. Но, кроме того, для Мариво важны и жанрово-структурные новации: «Фарсамон» гораздо лаконичнее многотомных барочных сочинений, придерживающихся «поэтики медлительности и длины» [Bahier-

⁴ Любопытно, что если Ж. Флери полагал, что «прециозность» Мариво более изощрена и высока, нежели в собственно прециозных сочинениях, то Ф. Делюфр, напротив, именует «новую прециозность» «девальвированной», «сниженной».

Porte 2019], а вставные истории не составляют контраста с основным повествованием, но варьируют ту же проблему замороженности романном чтении, анализируют особенности воздействия романического на психологию героев. Повествователь активнее, чем в барочных романах, общается с читателями, иногда заявляя, что не знает, чем закончится тот или иной эпизод⁵, и всегда сохраняя ироническую дистанцию по отношению к героям и событиям романа. Так проявляется индивидуальная манера Мариво, названная «мариводажем». Ее отличает миниатюрность и эскизность, а кроме того — внешняя беспорядочность, незавершенность, свободная хаотичность чередования событийных и рефлексивных фрагментов.

Исследователи долгое время считали, что слово «мариводаж» как определение манеры Мариво появилось впервые у Дидро в его переписке с Софи Волан, в октябре 1760 г. Чуть позднее было обнаружено употребление этого слова в письме Ф. де Графиньи к Дево от 12 мая 1739 г.⁶ «Мариводаж» был своего рода раздражающим фактором для некоторых современников: он предполагал чрезмерно тонкую нюансировку малейших оттенков чувства — как якобы высказался Вольтер, Мариво «взвешивал муравьиные яйца на весах из паутинки»⁷. Отдавая должное остроумию Мариво, Палиссо сравнивал его «прециозный» стиль с лицом симпатичной девушки, искаженным ее кривлянием [Palissot 1779: 247]. Еще в конце XVIII в. Лагарп так определял манеру писателя: «Мариво создал стиль настолько особый, что имел честь дать ему свое имя: это самая причудливая смесь хрупкой метафизики и тривиальных выражений, усложненных чувств и популярных поговорок» [La Harpe 1821: 406]. Но начиная с XIX в. писатели, отличающиеся интересом к изображению психологии, стали думать иначе. Так, Стендаль был убежден: «Читая каждое утро страниц двадцать *Марианны* Мариво, вы поймете, как важно описывать движения человеческого сердца» [Stendhal 1934: 32].

Таким образом, стиль писателя, получивший наименование «мариводаж», вызывавший при жизни критические отзывы и пародии (например, в повести Кребийона-сына «Танзай и Неадарне»), названный даже «новой прециозностью», оказался в итоге «антипрециозным» и на самом деле — весьма перспективным для лите-

⁵ По мнению Ж. Руссе, таким образом Мариво предлагает читателям выбирать между двумя возможностями развития действия — и этот прием напоминает ученому нарратив «Фальшивомонетчиков» А. Жида [Rousset 1972: 6].

⁶ Подробнее см. историю этого слова в работе известного специалиста по творчеству Мариво, F. Rubellin («Marivaudage»: histoire d'un néologisme).

⁷ О том, что подобное якобы вольтеровское высказывание — скорее легенда, см. мою статью [Пахсарьян 2024: 97].

ратуры последующих веков. Как верно замечает К. Гладу, «рокайльность Мариво проявляется в особой манере рассказа, в отказе от фиксированной позиции, в разнообразии частей, образующих в конце концов совокупность фрагментов» [Gladu 2014: 109]. Прихотливо-иронический стиль рассказывания, активно формирующийся в экспериментальной ткани первых романов, не случайно напоминает многим ученым манеру Пруста (см.: [Пахсарьян 2010]). Так, говоря о своеобразии смеховых форм в прустовском цикле «В поисках утраченного времени», Ф.-К. Грин утверждает: «Пруст только следует путем, проложенным Мариво, который в “Жизни Марианны” покончил с законом о разделении комического и серьезного, а до того классицистический вкус применял этот закон ко всем литературным жанрам» [Green 1960: 243]. А Ф. Жуссе сравнил отмеченный Мариво конфликт между желанием персонализации, субъективизации речи и требованием быть понятым с ситуацией, близкой Прусту, с высказанной им претензией к символистам в эссе «Против неясности»: «У Мариво, как у Пруста, точный стиль оценивается на основе воспринимающего, некоего “благовоспитанного человека”, определенного как здравомыслящий человек “без фантазии”» [Jousset 2015: 55]. Этот же ученый сближает разделенные двумя веками поэтологические позиции Мариво и Пруста еще и по признаку бесосновательного, по его мнению, обвинения обоих писателей в прециозности [Jousset 2015: 60].

Только с середины XX столетия отношение к языковой манере писателя окончательно изменилось. Как верно отметил Р. Мортье, рецензент книги Ф. Делоффра о стиле Мариво, «[с] той поры мы лучше поняли, что микроскопическому психологическому анализу должен соответствовать язык со всеми тонкостями, ужимками, нюансами» [Mortier 1956: 755]. Так оценка «мариводажа» как «языка салонной болтовни, утонченных перифраз, затейливых иносказаний»⁸ заменилась на вполне позитивное определение его как изысканной манеры словесного выражения, изящества и интимности, легкости и лирической интонации, образности языка, естественности речи. Более того, по верному суждению Ф. Салёна, «мариводаж» не сводится к особенностям стиля, но представляет собой «оригинальную поэтику, включающую утонченную форму критики» [Salaün 2014: 59].

Сегодня встречаются два толкования понятия «мариводаж»: одно, узкое, относится только к драматическим произведениям, к диалогам в комедиях Мариво. Техника такого «мариводажа» пред-

⁸ Эту обобщенную оценку «мариводажа» современниками писателя приводит А.Д. Михайлов [Михайлов 2010, II: 89].

ставляет собой особую структуру диалогов, повторение слов с комментариями и некоторым сдвигом изначального смысла (подробнее см.: [Legrain 2012]). В пьесах Мариво «интрига развивается согласно последовательным метаморфозам языка, поначалу обманчиво простого, потом — снова простого, но на уровне новой глубины» [Morel 1999: 20]. Драматический «мариводаж» изучен достаточно подробно и во французском, и в отечественном литературоведении (см., напр.: [Третьякова 1999]). В более широком значении «мариводаж» трактуется как прием, используемый во всех сочинениях писателя, включающий избыточность вариативных повторов, остроумие, изобретательность и металингвистический компонент — рефлексию по поводу собственного стиля и жанра. И хотя происхождение «мариводажа» неизменно ведут от прециозной романистики, его нарративный вариант исследован еще недостаточно.

Сходство двух вариантов «мариводажа» — драматического и романного — не отменяет важных расхождений между ними: хотя можно говорить об определенной театральности романного нарратива у Мариво, «протяженность романов, место, которое в них занимает рефлексия, и особенно принцип нарративной ретроспекции от первого лица, придающий нарратору позицию обозревателя и дистанцию по отношению к рассказываемой истории, противоположны драматическому мимесису» [Ramond 2015: 2]. В самом деле, повествование о прошлом от третьего лица, внешне связывающее ранние романы Мариво с прециозными сочинениями, то и дело прерывается вкраплениями-репликами нарратора в настоящем времени, порой вступающего в размышления о читательской реакции: см., напр.: «...Фарсамон... спешился первым. Оставим его там на несколько минут, поскольку мне кажется, что читатель требует от меня отчета о дядюшке...» [Marivaux 1972: 411]. И одно из важных свойств такого романного «мариводажа» — «семантический релятивизм» (термин А. Мешонника), позволяющий воплотить в повествовании характерную для рококо двойственность, двусмысленность, легкость и ироничность. Так что уже в «Удивительных действиях симпатии», «Карете», «Фарсамоне» диалоги персонажей не походят на «перезагруженные и невразумительные многословные беседы» прециозного романа Скюдери [Чекалов 2008: 42]. По мнению исследовательницы Алисы Дюма, именно этот «семантический релятивизм» «позволяет по-новому взглянуть на произведения, увидеть единство всей романной продукции Мариво, не разделяя сочинения молодости, глубоко укорененные в “споре о древних

и новых», и шедевры — *Жизнь Марианны и Крестьянина-парвеню*⁹ [Dumas 2018: 5].

В то же время именно в ранних романах Мариво жанрово-стилевая экспериментальность выступает наиболее наглядно, в них зафиксирован самый процесс перехода от «прециозности» к «мариводажу», открывающий возможность для писателя, даже разыгрываемая сюжетно-словесные вариации на барочные темы, проявить самостоятельность и оригинальность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Голубков А.В. Сон Гесиода: история мировой литературы, рассказанная французской прециозницей (роман «Клелия. Римская история» Мадлены де Скюдери) // «История литературы»: ненаучные истоки одного научного жанра. М., 2022. С. 705–752.
2. Михайлов А.Д. Замечательный мастер любовно-психологического романа («Жизнь Марианны» Мариво) // Михайлов А.Д. От Франсуа Вийона до Марселя Пруста. Том II. М., 2010. С. 73–89.
3. Пахсарьян Н.Т. Мариво и Вольтер // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 7. Литературоведение. 2024. № 4. С. 94–104.
4. Пахсарьян Н.Т. Пруст и Мариво // Пахсарьян Н.Т. Избранные статьи о французской литературе. Днепропетровск, 2010. С. 134–144.
5. Третьякова Е.А. Мариводаж как этап эволюции французской национальной комедии. Дисс. канд. филол. н. М., 1999.
6. Чекалов К.А. Формирование массовой литературы во Франции: XVII — первая треть XVIII в. М., 2008.
7. Bahier-Porte Chr. «La manière la plus délicate de composer des aventures». Les Aventures de ***ou les Effets surprenants de la sympathie de Marivaux // Les fins intermédiaires dans les fictions narratives du XVIIe et XVIIIe siècles. Fabula. Colloque, 2019. URL: fabula.org/colloques/document5973.php
8. Brulotte G. La sympathie et la littérature érotique dans la France du XVIIIe siècle // Le discours de la sympathie / Sous la dir. de Thierry Belleguie et al. P., 2014. P. 199–218.
9. Coulet H. Les lieux communes romanesques dans la Vie de Marianne // Etudes littéraires. 1991. Vol. 24. N 1. P. 95–104.
10. Deloffre F. Une préciosité nouvelle: Marivaux et le marivaudage. Etude de langue et de style. P., 1955.
11. Dickhaut K. Touché! La sympathie affectée par la galanterie chez Watteau et Marivaux // Littératures classiques. 2009. N 69. P. 109–124.

⁹ Такой перевод названия романа «le Paysan parvenu» кажется более точным, чем принятый и закрепленный в издании академической серии «Литературные памятники» перевод «Удачливый крестьянин»: сюжет романа связан не просто с житейскими удачами главного героя (тем более, что с ним случаются не только удачи), а с его стремлением преуспеть в обществе, занять более высокую социальную ступень.

12. *Dumas A.* Les mots en question dans l'oeuvre narrative de Marivaux: réflexion sur une approche stylistique // *MaLiCe. Le magazine des littératures et des cultures à l'ère du numérique.* 2018. N 8. URL: <https://cielam.univ-amu.fr/article/>
13. *Fléury J.* Marivaux et le marivaudage. P., 1881. 416 p.
14. *Gallouët- Schutter C.* 1713: sympathie et roman chez Challes et Marivaux // *Les Discours de la sympathie, enquête sur une notion, de l'âge classique à la modernité.* Québec, 2007. P. 219–232.
15. *Gilot M.* L'esthétique de Marivaux. P., 1998.
16. *Gladu K.* La grandeur des petits genres: Esthétique galante et rococo dans le premier XVIIIe siècle. Thèse. Québec: Univ. de Québec à Trois-Rivières, 2014.
17. *Green F.-C.* Le rire dans l'oeuvre de Proust // *Cahiers de l'AIEF.* 1960. N 12. P. 243–257.
18. *Hartmann P.* Marivaux, entre ironie et empathie. P., 2020.
19. *Hilal J.* L'empathie avant sa dénomination. Enquête philosophique sur la sympathie au XVIIIe siècle. Thèse. Sorbonne, 2021.
20. *Jousset Ph.* Le style zéro? Une conception marivaudienne du style // *L'homme dans le style et réciproquement* // Ph. Jousset éd. Presses Univ. de Provence, 2015. P. 57–68.
21. *La Harpe.* Marivaux // *La Harpe. Lycée. Cours de Littérature. T.12.* Dijon, 1821. P. 405–408.
22. *Legrain S.* Marivaux et redondance. Un style dramatique entre langage-action et metalangage // *Poétique.* 2012/2. N170. P. 177–193.
23. *Mander J.* «Téléphone oral»: la nature discursive du roman des années 1730 // *Le roman des années 1730.* Sainte-Etienne, 1998. P. 119–130.
24. *Marivaux.* Du style // *Marivaux. Journaux 2.* P., 2010. P. 222–232.
25. *Marivaux.* Œuvres de jeunesse. P., 1972.
26. *Marivaux.* Sur la clarté du discours // *Marivaux. Journaux 2.* P., 2010. P. 49–54.
27. *Morel J.* Préface // *Marivaux. La double inconstance.* P., 1999. P. 3–24.
28. *Moureau F.* Journaux moraux et journalistes au début du XVIIIe siècle: Marivaux et le libertinage rocaille // *Etudes sur les Journaux de Marivaux.* Oxford, 2001. P. 25–45.
29. *Palissot de Montenois.* Œuvres complètes. 7 vol. P., 1779. Vol. 4.
30. *Poétiques du roman.* Scudéry, Huet, Du Plaisir et autres textes théoriques et critiques du XVIIe siècle sur le genre romanesque. P., 2004.
31. *Ramond C.* Désordres de la parole: Marivaux entre roman et théâtre // *MaLiCe.* 2015. No. 5. URL: <https://cielam.univ-amu.fr/article/>
32. *Rousset J.* Comment insérer le présent dans le récit : l'exemple de Marivaux // *Littérature.* 1972. No. 5. P. 3–10.
33. *Rubellin F.* «Marivaudage»: histoire d'un néologisme // *BNF Les Essentiels. Découvrir, comprendre, créer, partager.* — URL:<https://essentiels.bnf.fr/fr/focus/50bb92cd-c523-4865-a145-385995b6f61e-marivaudage-histoire-un-neologisme>
34. *Rubellin F.* «Tomber amoureux»: un néologisme en procès // *Fabula — LHT,* 2023. No. 30. URL : <http://www.fabula.org/lht/30/rubellin.html>
35. *Salaiün F.* Marivaudage: Théories et pratiques d'un discours. Oxford, 2014.
36. *Simon P.-H.* La raison classique devant le «je ne sais quoi» // *Cahiers de l'AIEF,* 1959. No. 11. P. 104–117.
37. *Stendhal.* Correspondances. P., 1934. 10 vol. T. IX.
38. *Zagamé A.* L'écrivain à la dérochée. L'auteur dans le roman à la première personne (1721–1782). Louvain-la-Neuve, 2011.

REFERENCES

1. *Golubkov A.V.* Son Gesioda: istoriya mirovoj literatury', rasskazannaya francuzskoj precioznicej (roman «Kleliya. Rimskaya istoriya» Madleny' de Skyuderi) // «Istoriya literatury'»: nenauchny'e istoki odnogo nauchnogo zhanra. M., IMLI RAN, 2022. S. 705–752. The Dream of Hesiod: The History of World Literature Told by a French Preciosa (The Novel “Clelia. Roman History” by Madeleine de Scuderi) // “The History of Literature”: the unscientific origins of a scientific genre. Moscow: IWL RAS, 2022, pp. 705–752.
2. *Mikhailov A.D.* Zamechatel'ny'j master lyubovno-psixologicheskogo romana («Zhizn' Marianny» Marivo) // Mikhailov A.D Ot Fransua Vijona do Marselya Prusta. Tom II. M., 2010. S. 73–89. A remarkable master of the love–psychological novel (“The Life of Marianne” by Marivaux) // Mikhailov A.D., From Francois Villon to By Marcel Proust. Volume II. — Moscow: Languages of Slavic Cultures. 2010. P. 73–89.
3. *Pakhsarian N.T.* Marivo i Vol'ter // Social'ny'e i gumanitarny'e nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 7. Literaturovedenie. 2024. № 4. S. 94–104. *Pakhsarian N.T.* Marivaux and Voltaire // Social and Human Sciences. Domestic and Foreign Literature. Series 7. Literary Studies. 2024. No. 4. Pp. 94–104.
4. *Pakhsarian N.T.* Prust i Marivo // *Pakhsarian N.T.* Izbranny'e stat'i o francuzskoj literature. Dnepropetrovsk, 2010. S. 134–144. *Pakhsarian N.T.* Proust and Marivaux // *Pakhsarian N.T.* Selected Articles on French Literature. — Dnepropetrovsk: ART-PRESS, 2010. Pp. 134–144.
5. *Tretyakova E.A.* Marivodazh kak e'tap e'volyucii francuzskoj nacional'noj komedii. Diss. kand. filol. n. M., 1999. 219 p. *Tretyakova E.A.* Marivaudage as a Stage in the Evolution of French National Comedy. PhD Thesis in Philology. Moscow, 1999. 219 p.
6. *Chekalov K.A.* Formirovanie massovoj literatury' vo Francii: XVII — pervaya tret' XVIII v. M., 2008. 247 p. *Chekalov, K.A.* The Formation of Mass Literature in France: 17th — First Third of the 18th Century. Moscow: IWL RAS, 2008. 247 p.
7. *Bahier-Porte Chr.* « La manière la plus délicate de composer des aventures ». Les Aventures de ***ou les Effets surprenants de la sympathie de Marivaux // Les fins intermédiaires dans les fictions narratives du XVIIe et XVIIIe siècles. — Fabula. Colloque, 2019. — URL : fabula.org/colloques/document5973.php
8. *Brulotte G.* La sympathie et la littérature érotique dans la France du XVIIIe siècle // Le discours de la sympathie / Sous la dir.de Thierry Belleguie et al. P.: Hermann, 2014. P. 199–218.
9. *Coulet H.* Les lieux communes romanesques dans la Vie de Marianne // Etudes littéraires. 1991. Vol. 24.- N 1. P. 95–104.
10. *Deloffre F.* Une préciosité nouvelle: Marivaux et le marivaudage. Etude de langue et de style; Paris: Les belles lettres, 1955. 603 p.
11. *Dickhaut K.* Touché! La sympathie affectée par la galanterie chez Watteau et Marivaux // Littératures classiques. 2009. N 69. P. 109–124.
12. *Dumas A.* Les mots en question dans l'oeuvre narrative de Marivaux : réflexion sur une approche stylistique // MaLiCe. Le magazine des littérature et des culture à l'ère du numérique. 2018. N 8. URL: <https://cielam.univ-amu.fr/aricle/>
13. *Fleury J.* Marivaux et le marivaudage. P.: Plon et Cie, 1881. 416 p.

14. *Gallouët- Schutter C.* 1713 : sympathie et roman chez Challes et Marivaux // *Les Discours de la sympathie, enquête sur une notion, de l'âge classique à la modernité.* Québec: PU de Laval, 2007. P. 219-232.
15. Gilot M. *L'esthétique de Marivaux.* Paris :SEDES, 1998. 303 p.
16. *Gladu K.* La grandeur des petits genres: Esthétique galante et rococo dans le premier XVIIIe siècle. Thèse. Québec: Univ. de Québec à Trois-Rivières, 2014. 467 p.
17. *Green F.-C.* Le rire dans l'oeuvre de Proust // *Cahiers de l'AIEF.* 1960. N 12. P. 243-257.
18. *Hartmann P.* Marivaux, entre ironie et empathie. Paris : Honoré Champion, 2020. 346 p.
19. *Hilal J.* L'empathie avant sa dénomination. Enquête philosophiquesur la sympathie au XVIIIe siècle. Thèse. Sorbonne, 2021. 378 p.
20. *Jousset Ph.* Le style zéro ? Une conception marivaudienne du style // *L'homme dans le style et réciproquement* // Ph. Jousset éd. — Presses Univ. de Provence, 2015. 234 p. P. 57-68.
21. *La Harpe.* Marivaux // *La Harpe.* Lycée. Cours de Littérature. T.12. Dijon: Chez Victor Logier, 1821. P. 405-408.
22. *Legrain S.* Marivaux et redondance. Un style dramatique entre langage-action et metalangage // *Poétique.* 2012/2. N170. P. 177-193.
23. *Mander J.* « Téléphone oral » : la nature discursive du roman des années 1730 // *Le roman des énnées 1730.* Sainte-Etienne, 1998. P. 119-130.
24. *Marivaux.* Du style // *Marivaux.* Journaux 2. Paris : GF Flammarion, 2010. P. 222-232.
25. *Marivaux.* Œuvres de jeunesse. Paris : Pléiade; NRF, 1972. 1400 p.
26. *Marivaux.* Sur la clarté du discours // *Marivaux.* Journaux 2. Paris : GF Flammarion, 2010. P. 49-54.
27. *Morel J.* Préface // *Marivaux.* La double inconstance. Paris : Livre de Poche, 1999. P. 3-24.
28. *Moureau F.* Journaux moraux et journalistes au début du XVIIIe siècle : Marivaux et le libertinage rocaille // *Etudes sur les Journaux de Marivaux.* Oxford: Voltaire Foundation, 2001. P. 25-45.
29. *Palissot de Monteno y.* Œuvres complètes. 7 vol. Paris: J.-F. Bastien, 1779. T. 4. 529 p.
30. *Poétiques du roman.* Scudéry, Huet, Du Plaisir et autres textes théoriques et critiques du XVIIe siècle sur le genre romanesque. Paris : Honoré Champion, 2004. 943 p.
31. *Ramond C.* Désordres de la parole : Marivaux entre roman et théâtre // *MaLiCe.* 2015. N 5. URL: <https://cielam.univ-amu.fr/article/>
32. *Rousset J.* Comment insérer le présent dans le récit : l'exemple de Marivaux // *Littérature.* 1972. N 5. P. 3-10.
33. *Rubellin F.* « Marivaudage » : histoire d'un néologisme // *BNF Les Essentiels.* Découvrir, comprendre, créer, partager. URL: <https://essentiels.bnf.fr/fr/focus/50bb92cd-c523-4865-a145-385995b6f61e-marivaudage-histoire-un-neologisme>
34. *Rubellin F.* « Tomber amoureux » : un néologisme en procès // *Fabula — LHT,* 2023. N 30. URL: <http://www.fabula.org/lht/30/rubellin.html>
35. *Salaün F.* Marivaudage: Théories et pratiques d'un discours. Oxford: Voltaire Foundation, 2014. 266 p.
36. *Simon P.-H.* La raison classique devant le «je ne sais quoi» // *Cahiers de l'AIEF,* 1959. N 11. P. 104-117.
37. *Stendhal.* Correspondances. P.: Le DIVAN, 1934. 10 vol. T. IX. 399 p.

38. *Zagamé A. L'écrivain à la dérobée. L'auteur dans le roman à la première personne (1721–1782)*. Louvain-la-Neuve:Peeters, 2011. 412 p.

Поступила в редакцию 23.12.2025

Отредактирована 10.02.2026

Принята к публикации 21.04.2026

Received 23.12.2025

Revised 10.02.2026

Accepted 21.04.2026

ОБ АВТОРЕ

Наталья Тиграновна Пахсарьян — д.ф.н., профессор кафедры истории зарубежной литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; npakhsarian@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR

Natalia T. Pakhsaryan — Prof. Dr., Professor of the Department of History of Foreign Literature, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; npakhsarian@gmail.com

ГРЕЧЕСКАЯ ТРАГЕДИЯ В ПЕРЕВОДАХ А.Ф. МЕРЗЛЯКОВА

Я.Л. Забудская

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; Совместный университет МГУ-ППИ, Шэньчжэнь, КНР; yamazabud@mail.ru

Аннотация: В работе рассматриваются первые переводы древнегреческой трагедии на русский язык. В начале XIX в. Московский университет оказывается у истоков переводческой деятельности в отношении греческой трагедии: первые переводчики, П.Ю. Львов и А.Ф. Мерзляков, были связаны с Университетом (как и В.Т. Нарезный, создатель «подражания» «Кровавая ночь, или Конечное падение дому Кадмова»). В 1806 г. Мерзляков издал в «Вестнике Европы» отрывок из «Семерых против Фив» Эсхила, в 1808 г. — отрывки из «Гекубы» и «Алкесты», являющиеся первыми русскими переводами Еврипида. В 1815 г. в «Амфионе» вновь появился Эсхил («Кассандра в чертогах Агамемнона» из первой части «Орестей») и Софокл — «Эдип Колонейский». В 1825 г. в двухтомнике «Подражания и переводы» к этим фрагментам были добавлены эпизоды из «Хоэфор» Эсхила, «Антигоны» Софокла и «Ифигении в Тавриде» Еврипида.

В работах Мерзлякова нашли отражение основные тенденции эпохи — зависимость от французских образцов (прежде всего от Лагарпа и его «Лицея») и сосуществование перевода и «подражания». В первом переводе («Семь вождей против Фив») влияние Лагарпа очевидно, но в дальнейших «фрагментах» он скорее отталкивается от Лагарпа и ищет свой путь в передаче особенностей оригинала. В переводах Мерзлякова проявилась причудливость его литературных взглядов: объединение классицизма (александрийский стих, попытки соблюсти единство действия даже в отрывках), сентиментализма и романтизма (подмена рациональных рассуждений «рваным» синтаксисом с восклицаниями и многоточиями, поиск нового пути в передаче античных лирических размеров, «романтическая» лексика). Исключительность переводов Мерзлякова заключается в попытке объединения двух стратегий заимствования античного материала — подражаний, т. е. собственных произведений на античный сюжет, соперничающих с образцом, и переводов, воспроизводящих этот образец с разной степенью точности.

Ключевые слова: трагедия; подражание; перевод; вольность и точность

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2026-49-03-11

Для цитирования: Забудская Я.Л. Греческая трагедия в переводах А.Ф. Мерзлякова // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2026. № 3. С. 123–137.

GREEK TRAGEDY IN TRANSLATIONS MADE BY A.F. MERZLYAKOV

Yana L. Zabudskaya

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; MSU-BIT University, Shenzhen, China; yanazabud@mail.ru

Abstract: Moscow University stays at the origins of translation of Greek tragedy into Russian: the first translators, P. Lvov and A. Merzlyakov, were associated with the University. In 1806, A.F. Merzlyakov published an excerpt from Aeschylus's *Seven Against Thebes* and in 1808 — excerpts from *Hecuba* and *Alcestis*, the first Russian translations of Euripides. In 1815, he published *Cassandra in the Halls of Agamemnon* from the first part of Aeschylus's *Oresteia*, and an excerpt of Sophocles's *Oedipus Colonus*. In 1825, in two-volume "Imitations and Translations" to the above-mentioned fragments episodes from Aeschylus's *Choephoroi*, Sophocles' *Antigone* and Euripides' *Iphigenia in Tauris* were added. Merzlyakov's works reflect the main tendencies of his time — dependence on French versions (La Harpe and his "Lycée") and the coexistence of translation and "imitation". In Merzlyakov's first translation (*Seven Chiefs Against Thebes*) the influence of La Harpe is obvious, but in subsequent "fragments" he rather pushes off from La Harpe and seeks his own way in conveying the features of the original.

Merzlyakov's translations revealed the eccentricity of his literary views: a combination of classicism (Alexandrian verses, unity of action even in fragments), sentimentalism and romantism (replacing rational reasoning by "torn" syntax with exclamations and ellipses, searching for a new way to convey ancient lyrical meters, "romantic" vocabulary). Unique character of Merzlyakov's translations also lies in the attempt to combine two strategies for borrowing ancient material — imitations, i.e. works on an ancient subject, competing with the model, and translations, that reproduce this model with varying degrees of accuracy.

Keywords: tragedy; imitation; translation; liberty and accuracy

For citation: Zabudskaya Ya.L. (2026) Greek Tragedy in Translations Made by A.F. Merzlyakov. *Lomonosov Philology Journal*, no. 3, pp. 123–137.

Хотя европейская традиция перевода древнегреческой драмы ведет отсчет от Ренессанса¹, эпохой, по-настоящему обратившейся к переводу трагедии, стал XVIII век. Но если в Европе к концу «века Просвещения» складывается полный корпус переводов древнегре-

¹ Первым переводом на национальные языки считается испанская версия «Электры» Софокла, изданная в 1525 г. Фернаном Пересом де Оливой под названием «Мечь за Агамемнона».

ческих трагиков (по крайней мере, на основные европейские языки), то в России традиция перевода греческой драматургической классики только начала формироваться.

Первым таким опытом считается «Филоктет» Софокла в переводе В. Голицына² в 1799 г. В 1801 г. в журнале «Иппокрена» П.Ю. Львов публикует прозаический перевод небольших отрывков из «Антигоны» и «Эдипа в Колоне»³. Чуть позже к Софоклу присоединяются Эсхил и Еврипид: А.Ф. Мерзляков в 1806 г. издает в «Вестнике Европы» отрывок из «Семерых против Фив» («*Седьм вождей под Фивами*») Эсхила⁴, а в 1808 г. публикует два отрывка, из «Гекубы»⁵ и «Алкесты»⁶, являющиеся первыми русскими переводами Еврипида. В 1815 г. в издаваемом самим Мерзляковым «Амфионе» вновь появляются Эсхил («*Кассандра в чертогах Агамемнона*» из первой части «Орестей») и Софокл — «*Эдип Колонейский*». В 1825 г. выходит двухтомник Мерзлякова «Подражания и переводы», где к вышечисленным фрагментам добавляется эпизод из Эсхиловых «Хоэфор» — «*Электра и Орест при гробе Агамемнона*», «*Антигона, из трагедии Софокловой сего имени*» и «*сцены из трагедии Еврипидовой "Ифигения в Тавриде"*».

«Подражания» в эту пору действительно шли рука об руку с переводами: в том же 1799 г., что и «Филоктет» Голицына, была издана «Кровавая ночь, или Конечное падение дому Кадмова» В.Т. Нарезного⁷. Так Московский университет оказывается у истоков рецепции греческой трагедии в России: и Нарезный, и Мерзляков — выпускники университетской гимназии⁸ и студенты Университета. Правда, Нарезный курса не окончил, Мерзляков же прошел ступени от адъюнкта до декана словесного отделения, а также директора Педагогического института и статского советни-

² В. Голицын: Филоктет. Трагедия Софокла. Пер. с франц. М., 1799. Здесь все показательно: перевод прозаический, с французского (*La Harpe J-F. Philoctète: tragédie traduite du grec de Sophocle. Paris M. Lambert & F.J. Baudoin, 1781*), и из всех трагедий выбрана наиболее соответствующая поэтике классицизма с точки зрения конфликта чувств и долга.

³ «Иппокрена, или утехи любословия» 1801. Ч. IX. С. 283–285; Ч. X. С. 201, 406–408.

⁴ Вестник Европы. Часть XXIX, No 17, 1806.

⁵ Вестник Европы. Часть XXXVII, No 4, 1808.

⁶ Вестник Европы. Часть XXXVIII, No 7, 1808.

⁷ «Иппокрена, или Утехи любословия», № 80 за 1799 г. В качестве источников драмы Нарезного традиционно рассматриваются «Семеро против Фив» Эсхила и «Антигона» Софокла [Бочкарев 1964: 27], а некоторые сюжетные мотивы позволяют предположить и влияние «Финикиянок» Еврипида.

⁸ Выпускником Университетского пансиона был и П.Ю. Львов.

ка. Нам, впрочем, сейчас важна не административная его деятельность, а литературная.

Переводы из греческих трагиков — наименее изученная часть наследия Мерзлякова⁹. Они не обнаруживаются среди текстов, вошедших в том из серии «Библиотека поэта», подготовленный Ю.М. Лотманом; в разговоре о литературных заслугах Мерзлякова они упоминаются мельком, и в разговоре об истории перевода греческой трагедии их обычно постигает та же участь.

Мерзляков был одной из ярких фигур московской университетской и литературной жизни начала XIX в. Ярких — в том числе в силу противоречивости: Пушкин называет его «добрым пьяницей, но ужасным невеждой» (в письме Плетневу от 26 марта 1831 г.), Батюшков — педантом, который «задушил Вергилия, Алкею укоротил крылья». Однако слушатели лекций Мерзлякова (в Университете, в университетском Пансионе, на открытом Мерзляковым в 1812 г. публичном курсе словесности) утверждали, что «всякое его слово, от души сказанное, западало в душу и навсегда в ней оставалось» и что по особым случаям послушать Мерзлякова приходили не только словесники, но и студенты других факультетов [Погодин 1855: 235–236] (вот он, прообраз межфакультетских курсов); его «Среди долины ровныя...» становится практически народной песней.

Мерзляков обратился к переводам греческой трагедии в начале своей университетской деятельности, примерно в то же время, когда он занял кафедру «красноречия, стихотворства и языка русского». Как уже было сказано, первым был перевод из «Семерых против Фив» Эсхила. Отрывок длиной порядка сотни строк представляет собой перевод финального коммоса, приблизительно со строки 875. Приблизительно — потому что перевод крайне вольный: лирические размеры передаются шестистопными ямбами, т. е. размером, соответствующим не лирическим, а драматическим частям. Чаще всего эти ямбы имеют форму александрийских стихов — то есть сдвоенную рифму, но местами используется рифма перекрестная (например, в самом начале отрывка) и вкрапления четырех- и трехстопных ямбов. Лишь отдельные фразы являются

⁹ Его жизнеописание было представлено С. Шевыревым в биографической статье 1855 г. [Шевырев 1855] и в очерке Н. Мизко к столетию со дня рождения [Мизко 1879]; роль в литературе начала XIX в. в целом обрисована Ю.М. Лотманом [Лотман 1958]; литературная и культурная деятельность — в книге Ф.А. Виноградова [Виноградов 1908] и нескольких диссертациях [Мильман 1984; Косякова 1995; Дзячко 2009]; перевод «Освобожденного Иерусалима» Тассо проанализирован Е. Эткиндо [Эткиндо 1973: 171–174]; деятельность в «Вестнике Европы» — Г.В. Зыковой [Зыкова 1998]; лекторская деятельность — А.И. Любжиным [Любжин 2004].

переводами строк Эсхила¹⁰, а разделение на реплики между полухориями не соответствует оригиналу. Таким образом, мы имеем дело скорее с подражанием. Причину выбора именно этого фрагмента Мерзляков приводит в «Подражаниях и переводах» (где, кстати, видна существенная редакция текста): «эта сцена помещена здесь для того более, что она служит введением к следующему отрывку, взятому из Софокла» [Мерзляков 1825: 126]. Очевидно, что это объяснение не подходит для публикации отрывка в «Вестнике Европы» 1806 г. Тут обнаруживается объяснение совсем иного толка — влияние «Лицея» Лагарпа. Книга Лагарпа¹¹ была главным источником сведений об античной литературе для русских любителей словесности того времени [Кочеткова 2009: 132].

В «Лицее» в качестве отрывка из «Семерых» приводится частично совпадающий с текстом Мерзлякова фрагмент: он начинается со схожих сетований в адрес братьев (у Мерзлякова они «ослеплены», у Лагарпа — «глухи к советам дружбы») (*sourds aux conseils de l'amitié* [Laharpe 1817: 226]); совпадают соответствующие оригиналу фразы, но в переводе Мерзлякова они все же похожи более на Лагарпа, чем на Эсхила, например эсхилосское «они примирены железом» (885) у Лагарпа звучит как *le fer seul a pu vous accorder*, у Мерзлякова — «железо лишь одно могло вас примирить!». Само название «Седьмь вождей» напоминает версию Лагарпа *Sept Chefs* (в греческом названии Ἑπτὰ ἐπί Θῆβας существительного при числительном нет, и этот принцип сохраняет современная традиция передачи этого названия, как русская, так и французская). Имена братьев, выкликаемые сестрами, также есть у Лагарпа, но отсутствуют у Эсхила. Таким образом, перевод Мерзлякова в данном случае — скорее перевод фрагмента из «Лицея», хотя и не буквальный и несколько расширенный (например, Лагарп останавливается на реплике Антигоны, а Мерзляков все же завершает свой фрагмент репликой хора, хотя и сокращенной по сравнению с оригиналом).

В 1808 г. в 4-м номере того же «Вестника Европы» выходит текст под названием «Смерть Поликсены» и подзаголовком «Отрывок из Эврипидовой Трагедии: Гекуба». Во введении он назван подражанием, однако в конце текста мы видим *Съ Греческаго А. Мрзлкв* (при

¹⁰ 885, 900, 926, 928, 933, 907-910, 955. Нумерация по изданию: Aeschylus. With an English translation by Herbert Weir Smyth, Ph. D. in two volumes. 1. Seven Against Thebes. Cambridge. Cambridge, Mass., Harvard University Press; London, William Heinemann, Ltd. 1926.

¹¹ Lycée, ou cours de littérature ancienne et moderne / par J.F. Laharpe; vol. 1-9, 1799-1805. В 1810-14 гг. были изданы 5 томов перевода: Ликей, или Круг словесности древней и новой: [в 5 ч.] / сочинение Ж. Ф. Лагарпа. СПб.: Типография В. Плавильщикова, 1810-1814.

«Семи вождах» упоминания греческого не было). Сходство с Лагарпом уже не так сильно: в «Лицее» приводится монолог Гекубы, напоминающей Улиссу о помощи, которую она оказала, и умоляющей пощадить Поликсену [Laharpe 1817: 324–325]; монолог Поликсены; короткие диалоги Гекубы и Одиссея и Гекубы и Поликсены, и отдельно — монолог вестника, рассказывающего о жертвоприношении. У Мерзлякова фабула та же, но диалогическая часть значительно расширена, а перед рассказом о жертвоприношении вставляется хоровая песнь «троянских девиц», связывающая два фрагмента в единое целое. Однако и это не буквальный перевод «Гекубы»: начало отрывка не соответствует тексту Еврипида, хотя потом сходство появляется — в диалоге о пребывании Одиссея в Трое и помощи ему Гекубы (с 238-й строки оригинала и далее), в аргументации Гекубы (265–266 и 280–281 греческого текста); в прощании Гекубы и Поликсены. Отличается образ Одиссея (Улисса), представленного у Мерзлякова гораздо более склонным к милосердию, чем в оригинале. Но в целом речь может идти именно о переводе, местами даже довольно точном. В версии, включенной в «Подражания и переводы», вольность перевода возрастает: Мерзляков добавляет в начале эпизод с Талфибием, который заимствует, хотя и не буквально, из «Троянок»¹², и он служит для создания цельной драмы, соответствующей делению на 5 актов.

В «Отрывке из Альцесты, Эврипидовой трагедии» текст начинается с диалога хора (корифея) и служанки (Θεράλαινα, именуемая у Мерзлякова Наперсница), т. е. со строки 140 текста Еврипида. Пропустив лирическое оплакивание Алкесты хором, Мерзляков начинает следующий эпизод с диалога Алкесты и Адмета. В оригинале плач Алкесты передается лирическими размерами, реплики Адмета — ямбическим триметрами, но у Мерзлякова и там и там — александрийский стих. Речь Алкесты, соответствующая строкам 280–325 оригинала, приводится и у Лагарпа [Laharpe 1817: 337–338], но Мерзляков переводит с опорой на греческий оригинал, а не на французскую версию. Например, он передает, хотя и не совсем точно, фразу героини *я хочу сказать тебе перед смертью, чего желаю* (281), пропущенную Лагарпом: *Приблизься и внемли последний мой завет*. При этом пропускает сохраненное Лагарпом рассуждение *Я бы могла сохранить жизнь и снова выйти замуж* (284–285); опускает и рассуждение о родителях Адмета, не пожелавших умереть вместо сына

¹² Подобное комбинирование эпизодов из драм греческих трагиков было свойственно и Расину, которого Мерзляков не раз вспоминает в предисловии к «Подражаниям и переводам», и — хотя и в скрытой форме — Шиллеру, чья «Мессинская невеста» обнаруживает сходство и с «Персами» Эсхила, и с еврипидовскими «Финикиянками».

(290–294), также сохраненное Лагарпом. Ориентацией на греческий текст можно объяснить странный комментарий об Адмете: *О сколь несчастлив он! еще он сам не знает, / Какой удар ему Судьба приготовляет!* Адмет не может не знать о предстоящем несчастье, но Мерзляков пытается этой репликой передать греческое *он не узнает (что потерял), пока не претерпит страдание* (145). В «Подражаниях и переводах» 1825 года эта фраза исправлена, а также более точно передана начальная реплика Наперсницы 141 καὶ ζῶσαν... καὶ θανοῦσαν — *жива и не жива* (сначала Мерзляков перевел ее как *хотя жива еще*, не передав антитезу ζῶσαν/θανοῦσαν). Также в издании 1825 года добавляется парод хора, где чередуются четырехстопные и шестистопные ямбы с перекрестной рифмой. В целом перевод Мерзлякова следует тексту оригинала, но с усилением эмоциональности на уровне синтаксиса (обилие восклицательных знаков, многоточий и тире).

«Сцены из трагедии Софокловой “Эдип Колонейский”», опубликованные в 1815 г. во втором номере «Амфиона», а затем открывающие «Подражания и переводы», представляют собой практически законченную драму. Основным размером являются александрины; хоры передаются более короткими размерами с рифмами. Здесь уже не получится объяснить выбор Мерзлякова влиянием Лагарпа — в «Лицее» приводится речь Эдипа, обращенная к Полинику, а у Мерзлякова она отсутствует. Перевод начинается со второй строфы финального коммоса (строка 1453 оригинала и до конца трагедии) и обнаруживает, скажем так, тенденцию к эквилинеарности — и александрийские стихи, и строфы хора следуют за строками оригинала.

В седьмом номере «Амфиона» за 1815 г. вновь появляется Эсхил: «Кассандра в чертогах Агамемнона» из первой части «Орестеи». Это — перевод диалога хора и Кассандры, коммоса (как и в «Алкесте»), где лирические строфы, исполняемые Кассандрой, чередуются с ямбическими триметрами корифея хора (в оригинале строки 1072–1130). Начинает Мерзляков с шестистопных ямбов с перекрестной рифмой, затем переходит на александрийские стихи. Само пророчество несколько сокращается, но остается ключевой для Эсхила образ судьбы как «сети» (δίκτυον). Любопытная замена происходит в следующих строках: бык и корова, с которыми сравниваются Агамемнон и Клитемнестра (1125 ἄλεγε τῆς βοῦς τὸν ταῦρον *уберите быка от коровы*), заменяются на льва и львицу (*влеките льва от ярой львицы вспячь*), видимо, по эстетическим соображениям. Влияния Лагарпа здесь нет: в «Лицее» сказано лишь, что пророчества Кассандры — прекрасная деталь, но не показывающая характер, а в ка-

честве цитаты приводится речь Клитемнестры в прозаическом переводе [Laharpe 1817: 215–216], у Мерзлякова отсутствующая.

В «Подражаниях и переводах» публикуются с некоторыми изменениями перечисленные выше фрагменты с добавлением эпизода из Эсхиловых «Хоэфор» («Электра и Орест при гробе Агамемнона»), сцен из «Ифигении в Тавриде» Еврипида и «Антигоны» Софокла. Перевод из «Хоэфор», по мысли автора дополняющий предыдущий фрагмент Эсхила — пророчества Кассандры [Мерзляков 1825: 74], начинается с первых строк трагедии и доходит до 584-й строки. Пролог, произносимый Орестом в ямбических триметрах, Мерзляков передает чередованием шестистопных ямбов с четырех- и трехстопными и перекрестной рифмой — то есть формой, которую он использует для лирических частей. Строфы парода хора, отданные переводчиком Электре, переводятся в той же манере, а вот строфы самого хора — четырехстопными хорейми. Вольность формы способствует и вольности в передаче содержания: начиная свой перевод довольно близко к тексту в речи Ореста и первых строфах парода, Мерзляков все дальше уходит от точности в сторону чрезмерной эмоциональности. Начало первого эпизода, диалог Электры и корифея, вновь передается довольно точно. Заметим, что эта сцена есть и в «Лицее» [Laharpe 1817: 231–235], однако прямого влияния Лагарпа на Мерзлякова не наблюдается: например, в заключительной реплике речи Электры греческое *судьба влечет и свободного, и покорного чужой руке* (103–104) у Лагарпа становится *L'esclave et le tyran sont égaux dans la mort* (*раб и тиран равны перед смертью*) [Laharpe 1817:232]), а у Мерзлякова превращается в несколько туманное *Мы страждем, мы рабы; наш долг соединиться*. Впрочем, отступления от греческого текста тоже имеются — Мерзляков опускает весь диалог корифея и Электры о пряди волос, подводящий к появлению Ореста (эпизод, критикуемый уже в «Электре» Еврипида и получивший неодобрение у того же Лагарпа [Laharpe 1817: 230]).

Следом в «Подражаниях и переводах» идет отрывок из «Ифигении в Тавриде», рассказывающий о дальнейшей судьбе Ореста. Это — один из самых объемных по количеству строк фрагментов: Мерзляков начинает свой перевод с 393-й строки оригинала, переводит 1 стасим хора и следующий за ним эпизод «узнавания» [Мерзляков 1825: 99–124]. Важной новацией является использование для хоровой лирики нерифмованного дактилического стиха, в результате чего возникает контраст лирики хора и драматических диалогов, в целом свойственный и оригиналу. В русских переводах трагедии после Мерзлякова этот контраст долго будет передаваться за счет противопоставления белого пятистопного ямба в диалогах и рифм

в хорах, а в «Ифигении» Мерзлякова картина получается обратная: белый стих в хорах и александрийский стих в диалогах.

Еще один фрагмент, столь же объемный, — это эпизоды из «Антигоны» Софокла (441–800 и 1182–1229): диалог Креонта и Антигоны, Креонта и Гемона, рассказ вестника и соответствующие стасимы хора, а также Мерзляков вкладывает в уста Креонта монолог о тягостях царской власти, позаимствованный из «Эдипа Царя» [Ярхо 1990: 514]. Для хоровых песен выбран белый стих в форме логаязда — хотя он не соответствует буквально логаяздам оригинала, в целом он передает их звучание больше, чем формы русского силлабо-тонического стиха с рифмами.

Уже этого обзорного описания переводов достаточно для некоторых выводов. Да, это только фрагменты, но фрагменты довольно объемные (от одной до нескольких сотен строк), и Мерзляков воспринимает их в контексте единого целого. Это отчетливо видно в композиционном решении «Подражаний и переводов», где фрагменты из трагедий Еврипида и Эсхила последовательно раскрывают миф о Троянской войне и судьбе Атридов (от «Гекубы» через «Агамемнона и «Хоэфор» к «Ифигении в Тавриде»), а затем финал «Семерых против Фив» Эсхила перетекает в события «Антигоны» Софокла. Некоторое недоумение может вызвать вынесение вперед фрагментов «Эдипа Колонейского» и «Алкесты», но здесь объяснением может служить успех постановки «Эдипа» В. Озерова¹³. Мерзляков написал о драмах Озерова цикл статей, «почтительный по тону, но критический по существу» [Зыкова 1998: 21] и, видимо, пытался противопоставить озеровскому сочинению свои переводы, основанные на оригинальных текстах (заметим, что и перевод «Гекубы» Мерзлякова вышел в один год с «Поликсеной» Озерова).

Практически каждый отрывок в версии Мерзлякова представляет собой небольшую, но законченную драму. Он отбирает фрагменты, отбрасывая все, что кажется ему избыточным, добавляя иногда эпизоды из других драм, но явно придерживаясь принципа единства действия. Логическую рассудительность греческого текста Мерзляков, как и многие переводчики после него, подменяет «рваным синтаксисом», разбивая строгие александрины многоточиями, тире и восклицательными знаками, отсутствующими в оригинале. Знаменитую реплику Антигоны *я рождена любить, а не ненавидеть* (523) Мерзляков передает так: *Я чужда их вражды! — любовь — в душе, в устах!* [Мерзляков 1825: 128]. В сцене из «Хоэфор» реплика Электры

¹³ В драме Озерова видели влияние не только «Эдипа в Колоне», но и трагедии Дюси «Эдип у Адмета» (1778, *Oedipe chez Admète*), представлявшей собой контаминацию драмы Софокла с «Алкестой» Еврипида [Забудская 2018].

мне не хватает храбрости, и нечего сказать (91) превращается в: *Ах, нет!.. Не возмogu!.. Мой голос замирает* и т. д. В греческом тексте Мерзляков ищет не рассудительности, а эмоциональности — не случайно его выбор чаще всего падает на коммосы, и в сцене из «Хоэфор» он переводит как лирический фрагмент даже драматическую реплику хора (264–268 оригинала, с. 88–89 «Подражаний и переводов»).

Как и у многих других переводчиков, у Мерзлякова можно найти неточности, обусловленные эстетическими установками переводчика. Он довольно последователен в употреблении латинизированных форм имен: не Гестия, но Веста, не Аид, но Плутон, не Арес, но Марс, вместо Тартара — Орк, вместо Эриний — Фурии, вместо Гермеса — Меркурий (а когда в начале отрывка из «Хоэфор» Эрмий (Гермес) все же появляется, он получает сноску «Меркурий»). О превращении в речи Кассандры быка и коровы во льва и львицу сказано выше; в «Антигоне» грубый ответ Креонта о браке героини и Гемона (*Для посева есть и другие пашни*, 569) превращается в эксплицитное выражение классицистического противопоставления долга и чувства: *Рассудок над страстьми быть должен властелин* [Мерзляков 1825: 141].

Перевод Мерзлякова, как считается, быстро устарел [Гитин 2003: 14]. Отчасти впечатление архаичности создается отдельными устаревшими словами и формами (*одеян* вместо *одет*, *сретать*, *паки*), но нельзя сказать, что они наполняют каждую строку. Местами архаичным и громоздким кажется синтаксис (*Я зрю смущенных вас, о граждана почтенны!*). Но во многом архаичность звучания переводов Мерзлякова обусловлена выбранной им стихотворной формой — александрийским стихом. Хотя 6-стопный ямб александрийского стиха формально близок ямбическому триметру, парная рифма и постоянная цезура уничтожали в нем то, что так важно было в оригинальном ямбическом триметре трагедии: живость звучания, близкую разговорной речи, как утверждал Аристотель (Arist. Poet. 1449 a24–28). У Мерзлякова цезура подвижна, но рифма остается неизменной и лишь иногда становится перекрестной: как правило, в начале и конце переводимого отрывка или для имитации песен хора. В хоровых песнях Мерзляков постепенно уступает тенденции обращения к белому стиху в поисках формы, подходящей для передачи логоэдов, но в передаче ямбических триметров он сохраняет верность главному размеру классицизма. И если в начале века эта форма была практически неизбежной для драмы¹⁴, то в се-

¹⁴ Этот размер использует и Н. Кошанский, включивший в «Цветы русской поэзии» (1811) фрагмент из приписываемой Софоклу трагедии «Клитемнестра».

редине 20-х, когда выходят «Подражания и переводы», уже написаны белым пятистопным ямбом «Аргивяне» Кюхельбекера, в том же 1825 году Пушкин создает «Бориса Годунова», а Кюхельбекер переводит «Агамемнона» Эсхила «размером подлинника — сенариями».

Хотя формально, с точки зрения метра, александрийский стих близок оригиналу, рифма оказывается фактором, от оригинала удаляющим. «Возмущающее влияние рифмы»¹⁵ отчетливо проступает в александринах Мерзлякова. Вот один наглядный пример: диалог Креонта и Антигоны из трех строк (446–448: *Ты ответь мне, не лукавя, коротко: ты знала, что было приказано этого не делать? — я знала, как не знать? Ведь это было объявлено*) растягивается на четыре: *Ты кратко, точно мне, как пред самой судьбою, / ответствуй. — Волю всем, объявленную мною / Ты знала, или нет?* Антигона. *Я ведала твой срам; В известность он по всем был оглашен местам.* Почему Антигона должна отвечать перед Креонтом, «как перед судьбою», иначе кроме как рифмой «мною» объяснить трудно; «срам» в качестве оценки Антигоной приказа Креонта в оригинале отсутствует, как и оглашение приказа «по всем местам». Эту особенность поэтического перевода сам Мерзляков прекрасно осознавал: «Смело могу сказать, что почти все представляемые здесь отрывки весьма близко переложены, но не переводы в теснейшем смысле сего слова; ибо я, переводя в стихах, и не мог и не хотел этого сделать» [Мерзляков 1825: XXXIX]. В традиционном противопоставлении «духа» и «буквы» он не колеблясь выбирает дух [Мерзляков 1825: XXXIV]. В конце концов, пытаясь найти баланс между «занимательностью» и «близостью к греческому подлиннику», Мерзляков присоединяется к парадоксальному выводу: «драмы не переводятся» [Мерзляков 1825: XXXV].

Таким образом, в переводах Мерзлякова «из трагедии» очень ярко проявилась причудливость его литературных взглядов. С одной стороны, его приверженность классицизму проявляется и в верности александрийским стихам, и в попытках воспроизвести единство действия даже в отрывках. С другой стороны, в его переводах постепенно проявляется стремление найти новые пути в передаче античных логоэдов (показательно, что классицизму хоры не интересны, это хорошо видно и по выборкам в «Лицее» Лагарпа) — новаторство, начало которому положил А.Х. Востоков. Далек от классицизма и акцент на эмоциональную выразительность, и добавленные в результате редактуры в издание 1825 года выражения вроде «томительное мученье» и «мучительное томленье». Исследователи уже не раз показывали, как под влиянием процессов

¹⁵ Формулировка, предложенная М.Л. Гаспаровым [Гаспаров 1988: 35].

развития современной ему литературы Мерзляков корректировал свои взгляды в духе сентиментализма и романтизма [Косякова 1995] и пытался примирить противоречия смены культурных эпох [Дзядко 2009]. Его переводы из греческих трагиков являются наглядной тому иллюстрацией. Особенность переводов Мерзлякова еще и в попытке объединения двух стратегий заимствования античного материала — подражаний, т. е. собственных произведений на античный сюжет, соперничающих с образцом, и переводов, воспроизводящих этот образец с разной степенью точности. Попытка соединить манеру Лагарпа, Шиллера и Озерова, возможно, и неудачна, но в истории литературы ее роль по-своему ценна. Интересна она и с точки зрения просветительской — Мерзляков признается, что переводил изначально для слушателей Университета. Оценка Мерзлякова Рачичем — «сотворил большую часть стихотворцев нового поколения» — возможно, и завышена [Зыкова 1998: 105], но именно его переводы определяли поэтическое звучание греческой трагедии для русских читателей первой половины XIX в.¹⁶

И если «Седьм вождей» можно считать результатом влияния Лагарпа¹⁷, то далее Мерзляков пытается преодолеть интенцию, заданную «Лицеем». «Альцеста» и «Гекуба» («Смерть Поликсены») стали первыми попытками перевода больших фрагментов трагедии на русский язык с опорой на греческий оригинал, а «Эдип Колонейский», сцены из «Хозфор» и «Антигоны» — попыткой закрепить сложившуюся поэтику перевода. Внимательное их изучение помогает внести уточнения в картину становления русской драматургии с одной стороны и перевода греческой трагедии в России — с другой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бочкарев В.А. Стихотворная трагедия конца XVIII — начала XIX в. // Стихотворная трагедия конца XVIII — начала XIX в. М.; Л., 1964. С. 6–60.
2. Виноградов Ф.А. Алексей Феодорович Мерзляков. Опыт литературной характеристики // Отчет о состоянии 6-й С.-Петербургской гимназии за 1907–1908 учебный год. СПб., 1908.
3. Гаспаров М.Л. Брюсов и буквализм // Поэтика перевода. М., 1988. С. 29–62.
4. Гитин В.Е. Иннокентий Федорович Анненский и его лекции по античной драме // Анненский И. История античной драмы. СПб., 2003. С. 3–20.
5. Дзядко Ф.В. Культурная программа А.Ф. Мерзлякова в контексте литературного движения 1800 — 1810-х гг. Дисс. канд. филол. наук. М., 2009.
6. Дмитриев М.А. Главы из воспоминаний моей жизни. М., 1998.

¹⁶ В русском издании Лагарпа перевод был прозаическим, как и выходившие в 1823–1825 гг. отдельными книжками переводы Софокла, осуществленные И. Маргыновым.

¹⁷ Ничего исключительного и тем более постыдного в этом нет — у истоков английских переводов трагедии XVIII в. стоит *Théâtre des Grecs* P. Brumoy, переведенный Шарлоттой Леннокс [Walton 2006: 38–40].

7. *Забудская Я.Л.* Синтез сюжетов и жанров в драме Дюси «Эдип у Адмета» // XVIII век: смех и слезы в литературе и искусстве эпохи Просвещения: коллективная монография, СПб, 2018. С. 518–528.
8. *Зыкова Г.В.* Журнал Московского университета «Вестник Европы» (1805–1830 гг.): Разночинцы в эпоху дворянской культуры. М., 1998.
9. *Косьякова С.А. А.Ф. Мерзляков* — исследователь литературы и поэт. Автореф. дисс. канд. филол. наук. Тамбов, 1995.
10. *Кочеткова Н.Д.* Перевод книги Ж.-Ф. Лагарпа «Лицей, или Круг словесности древней и новой», осуществленный Российской академией // Российская академия (1783–1841): язык и литература в России на рубеже XVIII — XIX веков: ред. А.А. Костин и др. СПб., 2009. С. 132–140.
11. *Кюхельбекер В.К.* Обзорение российской словесности 1824 года. Литературные портфели. I. Время Пушкина. Пгр., 1923. С. 72–79.
12. *Лотман Ю.М.* А.Ф. Мерзляков как поэт // Мерзляков А.Ф. Стихотворения / Вступ. статья, подг. текста и примеч. Ю.М. Лотмана. Серия «Библиотека поэта». Л., 1958. С. 5–54.
13. *Любжин А.И.* Алексей Федорович Мерзляков. «Im Werden Verlag». Некоммерческое электронное издание. Мюнхен, 2004. [Электронный ресурс]. URL: https://imwerden.de/pdf/o_merzljakove_ljubzhin_biografia.pdf?ysclid=md2vfg25cd546972377/ дата обращения: 27.06.2025.
14. *Мерзляков А.Ф.* Подражания и переводы. Из греческих и латинских стихотворцев. Ч.1. М., 1825.
15. *Мизко Н.* А.Ф. Мерзляков. Биографически-критический очерк// Русская старина. 1879. №1. С. 113–140.
16. *Мильман В.Г. А.Ф. Мерзляков как литературный критик.* Дисс. канд. филол. наук. Самарканд, 1984.
17. *Погодин М.П.* Автобиография в «Биографич. словаре профессоров и преподавателей Московского университета», изд. ко дню его столетнего юбилея. М. 1855 г., ч. II, стр. 230–274.
18. *Шевырев С.П.* Мерзляков А.Ф. // Биографический словарь профессоров и преподавателей Московского университета. М., 1855. 4.2. С. 52–100.
19. *Эткинд Е. Г.* Русские поэты-переводчики от Тредиаковского до Пушкина. Л., 1973.
20. *Ярхо В.Н. Ф.Ф. Зелинский* — переводчик Софокла. В кн.: Софокл. Драмы. под ред. М.Л. Гаспарова и В.Н. Ярхо. М., 1990. С. 509–541.
21. *Laharpe J.F.* Lycée, ou cours de littérature ancienne et moderne / par J.F. Laharpe; vol. 1. Nouvelle edition. Paris, 1817.
22. *Walton J. M.* Found in Translation: Greek Drama in English. Cambridge, 2006.

REFERENCES

1. Bochkarev V.A. Stikhotvornaya tragediya konca XVIII — nachala XIX v. [A poetic tragedy of the late 18th — early 19th century.]. In: Stikhotvornaya tragediya konca XVIII — nachala XIX v. [A poetic tragedy of the late 18th — early 19th century.] Moscow, Leningrad, Sovetskij pisatel' Publ. 1964, pp. 6–60. (In Russ.)
2. Vinogradov F.A. Aleksej Feodorovich Merzlyakov. Opyt literaturnoj kharakteristiki [Alexey Feodorovich Merzlyakov. An attempt of literary characterization]. In: Otchet o sostoyanii 6-j S.-Peterburgskoj gimnazii za 1907–1908 uchebnyj god [Report on the state of the 6th St. Petersburg gymnasium for the 1907–1908 academic year]. St. Petersburg, V.D. Smirnov Publ. 1908. 44 p. (In Russ.)

3. Gasparov M.L. Bryusov i bukvalizm [Bryusov and literalism]. In: Poetika perevoda [Poetics of translation]. Moscow, Raduga Publ., 1988, pp. 29–62. (In Russ.)
4. Gitin V.E. I.F. Annenskij i ego lekcii po antichnoj drame. [I.F. Annensky and his lectures on ancient drama]. In: I. Annenskij. Istoriya antichnoj dramy. [I. Annensky. History of ancient drama]. St. Petersburg, Hyperion Publ., 2003, pp. 3–20. (In Russ.)
5. Dzyadko F.V. Kul'turnaya programma A.F. Merzlyakova v kontekste literaturnogo dvizheniya 1800–1810-kh gg. [The cultural program of A.F. Merzlyakov in the context of the literary movement of the 1800–1810]. Diss. Moscow, 2009. 195 p. (In Russ.)
6. Dmitriev M.A. Glavy iz vospominanij moej zhizni [Chapters from the memories of my life]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 1998. 770 p. (In Russ.)
7. Zabudskaya Ya.L. Sintez syuzhetov i zhanrov v drame Dyusi «Èhdip u Admeta» [Synthesis of plots and genres in Ducie's drama "Oedipus at Admetus"]. In: XVIII vek: smekh i slezy v literature i iskusstve ehpokhi Prosveshcheniya [The 18th century: Laughter and Tears in the Literature and Art of the Age of Enlightenment]. St. Petersburg, Aletheia Publ., 2018, pp. 518–528. (in Russ.)
8. Zykova G.V. Zhurnal Moskovskogo universiteta "Vestnik Evropy" (1805–1830 gg.) [The journal of the Moscow University Bulletin of Europe (1805–1830)]. Moscow, Dialog-MGU, 1998, 129 p. (in Russ.)
9. Kosyakova S.A. A.F. Merzlyakov — issledovatel' literatury i poeht. [A.F. Merzlyakov — literary researcher and poet]. Abstract diss. Tambov, 1995. 20 p. (In Russ.)
10. Kochetkova N.D. Perevod knigi Zh.-F. Lagarpa "Likej, ili Krug slovesnosti drevnej i novoj", osushchestvlenyj Rossijskoj akademiej [Translation of the book by J.-F. Laharpe "Lycée, or the Circle of Ancient and Modern Literature", carried out by the Russian Academy]. In: Rossijskaya akademiya (1783–1841): yazyk i literatura v Rossii na rubezhe XVIII–XIX vekov [Russian Academy (1783–1841): language and literature in Russia at the turn of the 18th–19th centuries]. Saint-Petersburg, Russian Academy of Sciences Publ., 2009, pp. 132–140. (In Russ.)
11. Kyukhel'beker V.K. Obozrenie rossijskoj slovesnosti 1824 goda [Review of Russian Literature of 1824] In: Literaturnye portfeli. I. Vremya Pushkina. [Literary Portfolios. I. Pushkin's Time.] Petrograd, Atenej Publ. 1923, pp. 72–79. (In Russ.)
12. Lotman Yu.M. A.F. Merzlyakov kak poeht [A.F. Merzlyakov as a Poet]. In: Merzlyakov A.F. Stikhotvoreniya [Poems]. Leningrad, Sovetskij pisatel' Publ., 1958, pp 5–54. (In Russ.)
13. Lyubzhin A.I. A.F. Merzlyakov. München, Im Werden Verlag. 2004 URL: https://imwerden.de/pdf/o_merzljakove_ljubzhin_biografia.pdf?ysclid=md2vfg25cd546972377/ (accessed: 27.06.2025) (In Russ.)
14. Merzlyakov A.F. Podrazhaniya i perevody. Iz grecheskikh i latinskikh stikhotvorcev [Imitations and translations. From Greek and Latin poets. Part 1] Moscow, University Publ. 1825. 232 p. (In Russ.)
15. Mizko N. A.F. Merzlyakov. Biograficheski-kriticheskij ocherk [Biographical and critical essay] Russkaya starina. 1879. №1, pp. 113–140 (In Russ.)
16. Mil'man V.G. A.F. Merzlyakov kak literaturnyj kritik [A.F. Merzlyakov as a literary critic] Diss. Samarkand, 1984. 191 p. (In Russ.)
17. Pogodin M.P. Avtobiografiya [Autobiography] Biograficheskij slovar' professorov i prepodavatelej Moskovskogo universiteta [Biographical Dictionary of Professors and Lecturers of Moscow University]. Part II. Moscow, University Publ., 1855, pp. 230–274. (In Russ.)
18. Shevyrev S.P. Merzlyakov A.F. In: Biograficheskij slovar' professorov i prepodavatelej Moskovskogo universiteta [Biographical Dictionary of Professors and Lecturers of Moscow University]. Moscow, University Publ., 1855, pp. 52–100. (In Russ.)

19. Ehtkind E. G. Russkie poeity-perevodchiki ot Trediakovskogo do Pushkina [Russian Poets-Translators from Trediakovsky to Pushkin] Leningrad, Nauka Publ., 1973. 248 p. (In Russ.)
20. Yarkho V.N. F.F. Zelinskij — perevodchik Sofokla [F.F. Zelinsky is a translator of Sophocles] In: Sophocles. Dramy [Sophocles. Dramas]. Moscow, Nauka Publ., 1990, pp. 509–541. (In Russ.)
21. Laharpe J.F. Lycée, ou cours de littérature ancienne et modern. Vol. 1. Nouvelle édition. Paris, Chez Ledoux et Tenré, 1817. 354 p.
22. Walton J.M. Found in Translation: Greek Drama in English. Cambridge, Cambridge University Press, 2006. 320 p.

Поступила в редакцию 20.07.2025

Отредактирована 11.10.2025

Принята к публикации 21.04.2026

Received 20.07.2025

Revised 11.10.2026

Accepted 21.04.2026

ОБ АВТОРЕ

Яна Леонидовна Забудская — к.ф.н., доцент кафедры классической филологии филологического факультета МГУ; доцент Совместного университета МГУ-ППИ в г. Шэньчжэнь (КНР); yanazabud@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Yana L. Zabudskaya — PhD, Associate Professor, Department of Classics, Lomonosov Moscow State University; MSU-BIT University in Shenzhen (China); yanazabud@mail.ru

РУССКИЕ ОТГОЛОСКИ В ЛИТЕРАТУРНЫХ ПОРТРЕТАХ ВЕРЛЕНА 1880-х ГОДОВ

Е.Д. Гальцова

Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Москва, Россия; newlen2006@mail.ru

Аннотация: В статье рассматривается неисследованный случай литературных взаимодействий между творчеством Верлена и Достоевского, возникший в книге французского поэта Шарля Мориса о Верлене. Будучи в течение недолгого времени одним из первых переводчиков творчества Достоевского, молодой бунтарь Морис проникается идеями русской классики в интерпретации Э.-М. де Вогюэ, автора знаменитой книги «Русский роман», и проецирует их на творчество Верлена. Это происходит на фоне стремительной эволюции творческих отношений между Морисом и Верленом, а также драматической истории перевода русских классиков Морисом совместно с И. Гальпериным-Каминским. В книге Мориса «Поль Верлен» (1888) ассоциации с произведениями Достоевского представляют собой некий фон, на котором вырисовывается портрет Верлена, ассоциирующийся с «силой земли» и Россией. «Русская» ассоциация, возникшая у Мориса, не вступала в противоречие с творчеством Верлена: в статье выявляются случаи использования русской темы, восприятия творчества Верлена на фоне русской моды и, наконец, прямые высказывания Верлена о желании прочесть что-нибудь из Достоевского. «Русские отголоски» в творчестве Верлена и в рецептивных контекстах в 1880-е годы, когда формируется своеобразный «культ Верлена», вписываются в сложный процесс поиска новых моральных и духовных ценностей, характерных для французской культуры конца XIX в., переживавшей итог политических и религиозных кризисов, как минимум, со времен революции конца XVIII в. Восприятие современной русской литературы (особенно творчества Тургенева, Толстого и Достоевского) помогало некоторой части французских писателей осмыслить свою собственную современность.

Ключевые слова: Поль Верлен; Шарль Морис; Достоевский; декаданс; французская литература; русская классика; межкультурные взаимодействия; перевод; компаративистика

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2026-49-03-11

Для цитирования: Гальцова Е.Д. Русские отголоски в литературных портретах Верлена 1880-х годов // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2026. № 3. С. 138–151.

RUSSIAN ECHOES IN VERLAINE'S LITERARY PORTRAITS OF THE 1880s

Elena D. Galtsova

A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; newlen2006@mail.ru

Abstract: The article examines an unexplored case of literary interactions between the works of Paul Verlaine and F.M. Dostoevsky, which arose in the book by the French poet Charles Morice about Verlaine. Eugène-Melchior de Vogüé, the author of the famous book *The Russian Novel*, was briefly one of the first translators of Dostoevsky's work, and Morice, a young rebel, became imbued with the ideas of the Russian classics as interpreted by Vogüé, and projected them onto the work of Verlaine. This is happening against the background of the rapid evolution of the creative relationship between Morice and Verlaine, as well as the dramatic history of Morice's translation of Russian classics together with Ilya Halperine-Kaminsky. In Morice's book *Paul Verlaine* (1888), associations with Dostoevsky's works form a kind of background against which a portrait of Verlaine emerges, associated with the "power of the earth" and Russia. Russian association, which arose in Morice, did not conflict with Verlaine's work: the article reveals cases of using a Russian theme, perception of Verlaine's work against the background of Russian fashion, and, finally, Verlaine's direct statements about his desire to read something from Dostoevsky's books. The "Russian echoes" in Verlaine's work and in receptive contexts in the 1880s, when a kind of "cult of Verlaine" was formed, fit into the complex process of searching for new moral and spiritual values characteristic of French culture at the end of the 19th century, which was experiencing the result of political and religious crises, at least since the revolution of the end of the 18th century. The perception of modern Russian literature (especially the works of Turgenev, Tolstoy and Dostoevsky) helped some French writers to comprehend their own modernity.

Keywords: Paul Verlaine; Charles Morice; Dostoevsky; decadence; French literature; Russian classics; intercultural interactions; translation; comparative studies

For citation: Galtsova E.D. (2026) Russian Echoes in Verlaine's Literary Portraits of the 1880s. *Lomonosov Philology Journal*, no. 3, pp. 138–151.

В 1888 г. французский поэт и критик Шарль Морис опубликовал первую в мире монографию, посвященную творчеству Поля Верлена [Morice 1888]. Отметим сразу, эта книга занимает довольно маргинальное место в научных исследованиях творчества знаменитого поэта¹, что объясняется ее несоответствием большинству читателей-

¹ С 1888 г. книга не переиздавалась и лишь в 1997 г. была включена в научный сборник отзывов современников о Верлене [Verlaine 1997], составленный О. Бивором. На это забвение повлияла и специфическая репутация Мориса, который выпустил в 1911 г. пятитомное собрание сочинений, а также двухтомник посмертных произведений Верлена, где было не только много неточностей, но и текстов, принадлежность которых перу Верлена была впоследствии опровергнута.

ских ожиданий. Она написана другом Верлена, но в ней содержится не так уже много фактов и свидетельств, и современники также могли быть разочарованы умолчаниями о многих фактах: да и, собственно, Морис не намеревался писать «биографию» поэта. Книга создана уже очень опытным, тонким и умным литературным критиком, и ее можно отнести к категории «исследования», однако в ней мало сколько-нибудь глубокого анализа литературной жизни описываемой эпохи, как, впрочем, и произведений Верлена. Она содержит немало нравственных оценок, и, кажется, в ней доминирует «католическая» тенденция, однако при ближайшем рассмотрении все далеко не однозначно. Младший современник Верлена (Верлен называл себя «ветераном»), Морис (Верлен называл его юным Неоптолемом²) стал к тому времени уже сложившимся критиком, теоретиком и практиком литературы, и может показаться, что это лишь небольшое ангажированное поэтическое эссе, которое не стоит принимать «всерьез» и ценность которого заключается в том, что оно было написано при жизни Верлена. Верлен же не просто знал о публикации книги, он даже с нетерпением ждал ее, начиная с января 1888 г., о чем неоднократно упоминал в письмах.

Невозможно не признать большую роль, какую сыграл Морис, ставший не только верным другом и коллегой Верлена начиная с 1883 г., но одним из самых активных создателей «культы Верлена», или «верленовской легенды»³, в 1880-е годы, когда Верлен плодотворно продолжал творить, хотя и на фоне существенной физической и финансовой деградации.

Эссе Мориса содержит в себе черты жанра «литературного портрета», созданного и прославленного Сент-Бёвом⁴. К 1880-м годам этот жанр существенно переосмыслиется в связи и с эстетикой Тэна, и с трудами Ломброзо⁵, и с разнообразными размышлениями о «синтезе искусств» (в духе Р. Вагнера, но не только), то есть, в данном случае, о взаимодействиях между словесным и изобразительными искусствами. Можно отметить особую предрасположенность Мориса к написанию «портретов». Возможно, повлияли на это эссе и критические произведения самого Верлена, написанные в духе

² Неоптолемом звали сына Ахилла, и это не только «сыновья» ассоциация, часто встречающаяся у Верлена, но и ассоциация с литературной полемикой (или, буквально, борьбой), постоянным участником которой был Морис.

³ См. комментарий О. Бивора: «Поэт начал выковывать элементы своей собственной легенды» [Vrelaine I 2025: 1484], а также изданную им книгу [Vrelaine 1997].

⁴ Об эволюции этого жанра в XIX в. см., напр.: [Трыков 1999].

⁵ М.-Ж. Стейзер также напоминает о возможном влиянии швейцарского классика И.К. Лаватера, автора «Эссе о физиогномике» [Steiser 1969: 3].

литературного портрета других творцов и себя самого. По всей вероятности, жанр «литературного портрета» должен коррелировать с идеей «жизнетворчества», характерной для символизма, и в данном случае описание чисто «физической» или «реальной» сферы может оказаться способом выразить некую мистическую трансцендентность.

Итак, в начале книги Морис создает буквально словесный портрет Верлена, и в нем присутствуют... русские черты. Приведем это описание:

«Никогда прежде человеческое лицо не выражало с такой силой страсть ко всевозможным и несовместимым между собой наслаждениям. Невозможность примирить их между собой <...> продиктована противоречивым строением этой необычной головы, в которой инструменты материальной деятельности и инструменты духовной деятельности получают максимальное развитие: очень высокий, очень широкий лоб, доминирующий, подобно куполу, над всем лицом, опирающимся на широкие челюсти, — это лоб мечтательного монаха-кенобита, лоб, предназначенный для обширного богословия, — и эти челюсти варвара, предназначенные для удовлетворения самых диких разновидностей голода. — Этот антогонизм духа и плоти <...> объясняет всю его человеческую сущность» [Morice 1888: 9–10].

Используя выражение самого Верлена (о чем речь пойдет ниже), Морис называет его «двойным человеком» («*Homme duplex*»), и в очень большой степени все его эссе и будет посвящено различным аспектам этой двойственности. Однако Морис использует и другую категорию, которая если не полностью, то хотя бы частично обозначает некое единство этих непримиримых противоречий — речь идет о прекрасном, причем именно о «современной» («*moderne*») красоте:

«То, что Верлен необыкновенно красив, могут постичь те, кто знают, что человеческая Красота, или по крайней мере современная Красота (“*la moderne beauté*”) человека состоит в некоторой гармонии черт с их выражением, что не существует типа Красоты, но что современная Красота — это облик, а не отдельные черты. Те, кто понимает это, поймут, что мы говорим о страшной красоте лица без изящества, и с отчетливо неправильными чертами. В этом лице есть физическая гордыня, бессознательная гордость своей силой, “силой почвы”⁶ (“*force de la terre*”), как говорят русские. А напряженность выражения жестокости, нежности, надежды, отречения! В этом и заключается синтез человечности, но это человечность мужчины,

⁶ Другой вариант перевода — «силой земли».

оставшегося, несмотря на всю свою мужественность, ребенком, который противится призывам вступить на возвышенный путь чистой духовности (“spiritualité”) и стремится к чувственным ребяческим радостям, несмотря на мистические склонности другой части его существа» [Morice 1888: 11–12].

Отметим сразу, что этот портрет был ответом на как минимум два автопортрета Верлена. Причем, в отличие от верленовских описаний, переполненных иронией и игрой, Морис, как кажется, пишет очень серьезно, если не сказать слишком серьезно. Первый автопортрет Верлена был опубликован в серии «Современные люди» («Les Hommes d’aujourd’hui») в ноябре 1885 г. за подписью «Пьер и Поль»⁷. Верлен в легкой иронической форме описывает от третьего лица свой жизненный и творческий путь, динамику которых он передает в следующих словах, подчеркивая принципиальные различия между публикуемыми им книгами: «Публикуя непосредственно друг за другом “Sagesse” и “Jadis et naguère”, он уже начал демонстрировать систему, основанную на знаменитом принципе homo duplex» [Verlaine I 2025: 736]. Выражение *homo duplex* исследователи ассоциируют с выражением Бюффона из его «Речи о природе животных» («Всеобщая и частная естественная история», т. IV, 1859), переосмысленным в свою очередь Бодлером в статье «“Двойная жизнь” — книга Шарля Асселино», 1859)⁸. И если в своей шутиливой автобиографии Верлен обещает выпустить в следующий раз еще и совсем «греховные» тома, то Морис воспринимает эту «двойственность» совершенно всерьез, стремясь углубить размышление о католицизме Верлена.

В качестве продолжения размышлений о *homo duplex* Верлен обращается к карикатуре Эмиля Коля, изобразившего поэта в виде дьявола с надписью «Декаданс» на хвосте и лирой, похожей на тюремную стену с решетками. Верлен шутиливо спорит с Колем. А затем, сетуя на «жестокость» художника, приводит свое просветленное стихотворение «Le petit coin, le petit nid» (сборник «Amour», 1888) в качестве доказательства своей приверженности Богу. Что касается «декаданса», то Верлен деликатно, но решительно отвергает свою причастность к изобретению этого слова (и тем более литературной школы), которое некоторые из его современников, например анар-

⁷ Эта подпись часто использовалась разными писателями в данной серии, и ее можно воспринимать как стремление к полной анонимности.

⁸ Бодлер писал: «Кто из нас не является homo duplex? Я имею в виду тех, чей дух с самого детства touched with pensiveness [окрашен задумчивостью — англ.]. Всегда двойственность действие и намерение, мечта и реальность; всегда одно вредит другому, узурпирует часть другого» [Baudelaire 2024: 885].

хист А. Бажю, считали основой нового направления. Напомним, что Бажю любил ссылаться на стихотворение «Томление» («Langueur», 1883), которое начинается со слов «Я римский мир периода упадка» (пер. Б.Л. Пастернака).

Иронический автопортрет Верлен начинается с упоминания о своей родной земле — о Меце, потерянном Францией после войны с Пруссией в 1870 г. Казалось бы, насквозь пародийный и легкомысленный текст начинается с упоминания о моральной травме, об утрате национальной принадлежности: «Поль Верлен родился в городе Мец 30 марта 1844 г., а в 1873 г. избрал французскую национальность» [Verlaine I 2025: 733]. В этой фразе, возможно, содержится неточность: в недавно опубликованном научном издании сочинений Верлена утверждается, что он сразу после того, как в сентябре 1872 г. Лотарингия была аннексирована Германией, обратился, находясь тогда в Лондоне, в консульство для получения французского гражданства. Путаница в датах может быть объяснена тем, что именно в 1873 г. в Брюсселе происходит трагическая ссора Верлена и Рембо, приведшая к ранению Рембо и тюремному заключению Верлена. Эта первая фраза звучит тем более трагично, что Верлен вернется во Францию лишь после окончания тюремного срока, в 1875 г.; она заставляет также более внимательно присмотреться к политическому смыслу уже упомянутого стихотворения «Томление».

Если публикация литературного портрета, полемизировавшего с портретом, в серии «Современные люди» была иронична, то первая публикация литературного портрета «Бедный Лелиан»⁹, вошедшего впоследствии во второе издание «Проклятых поэтов», представляла собой уже литературную игру, напоминающую игру в прятки. Псевдоним-анаграмма «Бедный Лелиан», по замыслу Верлена, не должен был полностью скрывать автора, но он позволял расставить множество точек зрения, с которых раскрывался бы смысл его собственной «проклятости», как в экзистенциальном, так и в литературном смысле. Верлен создает даже не двойственный, а множественный «литературный портрет/автопортрет», не называя ни одного своего произведения (но давая им пародийные имена), и ни одного своего текста, но представив два текста своего друга Рембо. Акцентируя католическую тему, Верлен усиливает элементы буквального религиозного смысла книжной публикации «Проклятых поэтов» в 1888 г., и некоторые современники видели в образе Бедного Лелиана и наивную детскость, и стремление к самоуничтожению. Невозможно однозначно судить о степени иронической, паро-

⁹ В журнале, в 1886 г. [Verlaine I 2025: 483].

дийной и даже юмористической и игровой дистанции, очень ошутимой именно в этом литературном автопортрете.

Оба автопортрета Верлена на долгие годы станут основой «культы» поэта, его «легендой», и Морис довольно очевидно следует этой логике.

Истоки возникновения интересующей нас «русской» ассоциации несложно объяснить. Именно в это время Морис оказывается одним из активных создателей так называемой «русской моды» во Франции, участвуя в переводах русских писателей на французский язык. Напомним, что в 1880-е годы во Франции возникает огромный интерес к русской литературе, что было и итогом многочисленных усилий разнообразных культурных посредников, среди которых были Мери́мэ и Тургенев, и результатом издательской политики, ориентированной на культурное сближение с Россией. Этим объясняется огромный успех в 1886 г. «Русского романа» Вогиюэ (материалы, вошедшие в книгу, публиковались автором с 1883 г.). Вогиюэ вдохновил множество переводов на французский язык и был особенно активен во французском издательстве «Плон Нурри», где публиковал и свои книги. Католик и традиционалист, Вогиюэ видел в русской литературе те моральные и, возможно, даже духовные ценности¹⁰, которые утратила, по его мнению, литература французская, погрязшая в натурализме и декадансе. Эти духовные ценности, по его мнению, были бы полезны для возрождения французской культуры, о чем прямо свидетельствуют его слова о русских писателях: «Так давайте же подражать им!» [Вогиюэ 2010: 533–534]. Одним из сподвижников Вогиюэ стал И.Д. Гальперин-Каминский, переехавший во Францию в 1880 г.¹¹: сначала он писал статьи о русской культуре, а затем стал переводить произведения русских писателей на французский язык. Впоследствии Гальперин-Каминский станет одним из знаменитейших культурных посредников и переводчиков русской литературы, однако в 1880-е годы для окончательной обработки текстов ему нужны были помощники — носители языка. Такие коллективные переводы были довольно распространенной практикой. Молодой Морис, блестяще проявивший себя на страницах новейших парижских литературных журналов начиная с 1882 г., однако испытывавший постоянно недостаток в средствах, взялся за относительно хорошо оплачиваемую работу по редактуре подстрочников Гальперина-Каминского. Изданные ими вместе книги пользовались боль-

¹⁰ Несмотря на его разногласия с православием, которое он мог подвергать критике.

¹¹ Подробнее о Гальперине-Каминском см.: [«Записки из подполья»... 2021; Полонский 2019; Строев 2023].

шим успехом, будучи весьма далекими от оригинала. Причем эта «отдаленность» была не столько результатом каких-либо ошибок (хотя и ошибки были тоже), сколько принципиальной позицией: считалось, что для французского читателя, не привыкшего к стилю русской литературы, нужно делать «адаптации», поэтому тексты подвергались сокращениям, в них встречались подмены одних образов другими, могли также добавляться для «связки» некоторые эпизоды, разные произведения могли объединяться в один «роман», и т. д. Именно в таком виде вышли «Хозяйка» и «Записки из подполья» (компиляция этих двух повестей была названа «Подпольный дух», *L'Esprit souterrain* [Dostoïevsky 1886]¹²), «Братья Карамазовы» (существенно сокращенные, приблизительно на треть, в 2-х томах [Dostoïevsky 1888b]), сборник рассказов и повестей Достоевского под общим названием «Чужая жена» [Dostoïevsky 1888a] и сборник избранных стихотворений и поэм Некрасова [Nekrassov 1888]. По крайней мере два «адаптированных» таким образом произведения — «Подпольный дух» и «Братья Карамазовы» — были очень популярны даже после публикации впоследствии более точных переводов, именно на основе этих адаптаций были написаны театральные пьесы в начале 1910-х годов, а также сделаны переводы на другие европейские языки (с французского!). Возможно, стилистическая обработка, сделанная Морисом, сыграла в этом некоторую роль.

Несмотря на непростые отношения с Гальпериным-Каминским, Морис стал большим поклонником русской литературы (см.: [Гальцова 2023]). Ассоциация с «русскими» в портрете Верлена не удивляет уже потому, что собственно знакомство и дружба между поэтами возникает почти параллельно с переводческой деятельностью Мориса. Морис явно заинтересовывается в особенности творчеством Достоевского и Толстого, о которых он упоминает как об актуальных явлениях для современной французской¹³ культуры [Morice 1889: 264]. Можно было бы предположить, что Морис что-то рассказывал Верлену о своей переводческой работе, однако ни в последнем собрании сочинений Верлена, выпущенном в 2025 г., ни в его переписке 1880-х гг. мы не обнаружили прямых свидетельств.

Поколению Верлена русская культура была известна и в связи с наполеоновскими войнами, и как часть парижской жизни. Например, в 1867 г. Верлен пишет вместе с Ф. Коппэ и Э. Лепеллетье иро-

¹² Подробнее о французской и европейской рецепции «Записок из подполья» см.: [«Записки из подполья»... 2021].

¹³ Именно французской — до такой степени Морис считает так называемую «русскую моду» необходимой для его родной культуры.

нические куплеты «Жалобная песнь о Березовском», на «мотив Фюальдеса»¹⁴. Речь идет о неудачном покушении деятеля польского национально-освободительного движения А.И. Березовского на Александра II, предпринятом 25 мая / 6 июня 1867 г. в Булонском лесу. Куплеты, заканчивающиеся ироническим славословием в честь Наполеона III, были опубликованы в газете «Ля Франс Артистик» 21 июня 1867 г. под псевдонимом, который недавно был расшифрован М. Пэкхемом [Verlaine I 2025: 1224–1225]. Участие Верлена в создании этой «песни», как и саму «песнь», не стоит воспринимать слишком всерьез, русские ассоциации были в духе времени, а Вторая империя сравнивалась многими французами с империей Наполеона I (в том числе и в негативном ключе, как, например, это делал еще Гюго, написав книгу «Наполеон малый» (1852), и русская тема возникла как бы сама собой.

Вероятно, не случайно Верлен выбрал для одной из своих возлюбленных (Марии Гамбье, с которой он познакомился с 1886 г.) «русское» имя «Princesse Roukhine», под которым она будет прославлена в поэтической книге «Параллельно» (1889).

Россия упоминается и в патриотическом стихотворении, опубликованном в сборнике «Счастье» под номером XXX (*L'amour de la Partie est le premier amour*, 1889), где речь идет о Наполеоне I. В 1868 г. Верлен пишет стихотворение «Un Grognard» — «Старый ворчун»: так называли солдат наполеоновской армии¹⁵: здесь упоминаются места, связанные с войнами Наполеона, и в том числе Москва и Смоленск. Эти факты, как и многие другие, свидетельствуют, что Верлен был не чужд политическим размышлениям о Второй империи, и упомянутое уже нами стихотворение «Томление», понятое современниками как осмысление падения государства и возникновения особого термина в культуре («декаданс») «совпали» с развитием еще одного важного элемента русского культурного фона конца 1860–1880-х гг., связанного с понятиями и явлениями «нигилизма», «анархизма» и т. д., отголоски которых можно встретить в творчестве поэта. Например, отвечая в ноябре 1893 г. на вопрос журнала «Эрмитаж» об общественной свободе и принуждении, Верлен иронически отдает предпочтение «дисциплинированной и методической

¹⁴ Антуан Бернарден Фюальдес (1761–1817) был знаменитым французским прокурором, жестокое убийство которого потрясло французское общество. После этого трагического события возникла народная «Жалобная песнь по Фюальдесу», мотив которой был у всех на слуху. В рассматриваемом нами случае эта ассоциация, разумеется, носит иронический характер.

¹⁵ Воспроизведенное впоследствии под названием «Le Soldat Laboureur» в сборнике *Jadis et Naguère*.

организации» общества: «В сфере политики я придерживаюсь мнения Жозефа де Местра, а мечта Бакунина кажется мне еще не осуществимой» [Verlaine II 2025: 1189]. Возможно, Верлен был знаком и с размышлениями П. Бурже о Тургеневе («Очерки современной психологии», 1883): последний (невольно) оказался у истоков культурного стереотипа «русский нигилист», очень распространенного в Европе и утратившего в конечном счете свою непосредственную связь с героем «Отцов и детей». Кстати сказать, в 1885 г. и сам Бурже, которого познакомил с Верленом все тот же Морис, говорил о возможном восприятии творчества Верлена в духе Достоевского: «...Поль Верлен популярен в определенных кругах, что является одним из самых исключительных знаков нашей эпохи. Он любим теми же молодыми людьми, которые с самых первых дней тут же узнали себя в переводных романах этого страдающего Достоевского, о котором г-н де Воюэ написал столь красноречивые страницы, — теми молодыми людьми, которые увлекаются живописью Гюстава Моро, рисунками Одилона Редона, всем, что содержит в себе суггестию, полутона, поиски потустороннего, светотени души» [Verlaine 1997: 110]. Бурже интерпретирует фигуру Достоевского как проявление жизнотворчества, характерного вообще для рубежа XIX–XX вв.

Несколькими годами позднее, в 1890, А. Франс сравнивал лежащего в больнице Верлена с героем рассказа Толстого «Альберт», переведенного в 1889 г. [Verlaine 1997: 307]. И в том же 1890 г. сам Верлен просит как минимум троих из своих друзей и корреспондентов принести ему почитать Достоевского. 21 сентября он пишет Л. Дешану: «Приходите скорее ко мне и принесите что-нибудь Достоевского, если у Вас есть» [Verlaine 1976: 107]. В октябре Э. Рейно: «Принесите мне... если у Вас есть, какую-нибудь книгу Достоевского. Я никогда ничего не читал этого романиста, представьте себе» [Verlaine 1929: 307]. 17 октября Г. Викеру: «Принесите несколько книг, пожалуйста, когда придете. Если возможно, Достоевского. Я никогда ничего не читал из этой бочки, представьте себе» [Verlaine 1929: 354]. Мы буквально перевели игру слов Верлена “Jamais rien lu de ce tonneau”, однако здесь форма глагола «читать» (lu) рифмуется с формой глагола «пить» (bu), то есть Верлен хочет буквально «выпить залпом» Достоевского, и, возможно, в этом выражении есть предвкушение некоей творческой или жизненной близости с русским писателем. Интересна та настойчивость, с какой Верлен просит своих друзей и коллег, однако нам точно неизвестно, прочитал ли он в результате что-то Достоевского или нет.

«Русская» ассоциация, возникшая у Мориса, не вступала в противоречие с творчеством Верлена, хотя упоминаний о России в нем довольно мало. Нам представляется, что эта ассоциация скорее вписывается в сложный процесс поиска новых моральных и духовных ценностей, характерных для французской культуры конца XIX в., переживавшей итог политических и религиозных кризисов как минимум со времен революции конца XVIII в. Восприятие современной русской литературы (особенно творчества Тургенева, Толстого и Достоевского) помогало некоторой части французских писателей осмыслить свою собственную современность.

Упомянутая ассоциация «русскости» и «земли» («почвы») возникла у Мориса не случайно. Специфическое «почвенничество» было характерно для тех, кто активно участвовал в развитии «русской моды» во Франции, особенно для Вогюэ. Так, в некрологе Тургеневу (1883), а затем и в книге «Русский роман» (1886) Вогюэ ассоциирует русского писателя не только с русскими пейзажами, но и с самой «землей» [Гальцова 2019]. У Достоевского же, по мнению Вогюэ, было «лицо русского крестьянина, настоящего мужика из Москвы» [Vogüé 1886: 268]. Более того, само понятие «реализма» как отличительной черты русской литературы Вогюэ ассоциирует с сакрализированным пониманием земли как библейского «праха земного»:

«Чтобы представить вкратце наши мысли относительно того, чем должен был бы быть реализм, мне хотелось бы подыскать формулировку, способную определить одновременно и его метод, и его творческий потенциал. Единственная, которую я нашел, далеко не нова; но я не знаю ничего лучшего, ничего более научного, ничего, что точнее определяло бы тайну любого творения: «Создал Господь Бог человека из праха земного». Посмотрите, как верно это выражение — «прах земной», сколько в нем смысла! Ничего не предвещающая и ничему не противоречащая, оно заключает в себе все знание о происхождении жизни, знание, о котором мы лишь догадываемся» [Вогюэ 2010: 516].

И совершенно в таком же духе делаются переводы Гальперина-Каминского и Мориса, где слово «почва» переводится как глина, из которой был создан человек: «l'argile humaine» [Записки... 2021: 28–31].

Разумеется, не стоит абсолютизировать рассуждения Мориса о «русскости» и «почве», однако в книге о Верлене именно традиционные ценности оказываются мерилем нового современного (moderne) искусства, созданного Верленом, которое как будто возвыша-

ется над слишком спорными для того времени понятиями символизма и декаданса.

Итак, можно предположить, что «русскость» в литературном портрете Верлена, написанном Морисом, соответствовала не только литературным и культурным пристрастиям автора эссе. Русская тема была в духе времени и до, и особенно после франко-прусской войны, и в некоторой степени она отразилась в творчестве Верлена. При этом, разумеется, дружба с Морисом должна была, как нам кажется, хотя бы подспудно повлиять на Верлена, о чем свидетельствуют его просьбы принести ему в больницу, во время очередной госпитализации, книги Достоевского. В 1880-е годы, когда складывается так называемый «культ Верлена», русская тема чрезвычайно важна, потому что французы черпали в ней тогда возможности осмысления собственных национальных корней, преодоления упаднических настроений, что позволяет обратить особое внимание на рассуждения как Мориса, так и Верлена о «земле»: в случае с Морисом речь идет об отсылке именно к русской культуре, в случае с Верленом — о рефлексии по поводу своей утраченной (в результате поражения Франции в войне с Пруссией) родной почвы (Мец, Лотарингия). И таким образом, полуиронические, полусерьезные страдания Бедного Лелиана оказываются не так уж и далеки от «религии страдания», о которой писал Вогюэ в книге «Русский роман».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Вогюэ Э.-М. де.* Русский роман. Предисловие / Пер. С.Ю. Васильевой под ред. П.Р. Заборова // К истории идей на Западе.: «Русская идея» / Ред. В.Е. Багно и М.Э. Маликова. СПб, 2010. С. 499–503.
2. *Гальцова Е.Д.* П. Верлен и Ф.М. Достоевский в творчестве Шарля Мориса 1880-х годов: пересечения и параллели // Новый филологический вестник. 2025. № 4 (75). С. 307–316.
3. *Гальцова Е.Д.* «Русская душа» И.С. Тургенева в интерпретации Э.-М. де Вогюэ: истоки, смысловые поля и границы культурного мифа // «Сложная целостность» литературы. Исследования и публикации. К юбилею В.А. Келдыша. М., 2019. С. 32–53.
4. *Гальцова Е.Д.* Русские контексты творчества Шарля Мориса // Вестн. Моск. Ун-та. Серия 9 Филология, 2023, № 5. С. 103–114.
5. «Записки из подполья» Ф.М. Достоевского в культуре Европы и Америки / Отв. ред. Е.Д. Гальцова. М., 2021.
6. *Полонский В.В.* Gallo-Rossica: Из истории русско-французских литературных связей конца XVIII – начала XX века. М., 2019.
7. *Строев А.Ф.* Литературные судьбы русских писателей во Франции. М., 2023.
8. *Трыков В.П.* Французский литературный портрет XIX века. М., 1999.

9. *Baudelaire Ch. Oeuvres complètes*, vol. 1. Paris: Gallimard, 2024.
10. *Dostoïevsky Th. Celle d'un autre / Trad. du russe par E. Halpérine-Kaminsky et Ch. Morice*. Paris, 1888a.
11. *Dostoïevsky Th. L'esprit souterrain / Trad. et adapté par E. Halpérine et Ch. Morice*. Paris, 1886.
12. *Dostoïevsky Th. Les frères Karamazov / Trad. et adapté par E. Halpérine-Kaminsky et Ch. Morice*. 2 vol. Paris, 1888b.
13. *Morice Ch. La littérature tout à l'heure*. Paris, 1889.
14. *Morice Ch. Paul Verlaine*. Paris, 1888.
15. *Nekrassov N. Poésies populaires / Trad. E. Halpérine-Kaminsky et Ch. Morice*, et précédées d'une étude sur Nekrassov par le Vte E.-M. de Vogüé. Paris, 1888.
16. *Steiser M.-G. Verlaine re-visité par son premier critique : extraits inédits de Charles Morice*. Les Lettres Françaises, 9 avril 1969, p. 3-4.
17. *Verlaine P. Correspondance / Préface et notes par Ad. Van Bever*. Vol. 3. Paris, 1929.
18. *Verlaine P. Lettres inédites à Charles Morice / Publiées et annotées par G. Zayed*. Genève, Paris, 1964.
19. *Verlaine P. Lettres inédites à divers correspondants / Publiées et annotées par G. Zayed*. Genève, Paris, 1976.
20. *Verlaine P. Œuvres complètes*. Dir. Olivier Bivort. V. I. Paris, 2025 [Verlaine I 2025].
21. *Verlaine P. Œuvres complètes*. Dir. Olivier Bivort. V. II. Paris, 2025 [Verlaine II 2025].
22. *Verlaine P. Textes choisis et préparés par Olivier Bivort*. Paris, 1997.
23. *Vogüé E.-M. Le roman russe*. Paris, 1886.

REFERENCES

1. Delsemme, Paul. *Un théoricien du Symbolisme, Charles Morice*. Paris, Nizet, 1958. 276 p. (In French)
2. Gal'cova E.D. *Russkiye konteksty tvorchestva Sharlyya Morisa* [Russian contexts of the works of Charles Morice]. Moscow State University Bulletin. Series 9. Philology, 2023, no 5, pp. 103–114 (In Russ.)
3. Lefebvre L. *Une grande figure du Symbolisme: Charles Morice*. Paris, Perrin, 1926. 254 p. (In French)
4. Morice Ch. *La littérature tout à l'heure*. Paris, Perrin, 1889. 389 p. (In French)
5. Morice Ch. *Paul Verlaine*. Paris, L. Vanier, 1888. 87 p. (In French)
6. Polonskij V.V. *Gallo-Rossica: Iz istorii russko-francuzskih literaturnyh svyazey konca XVIII — nachala XX veka*. [From the history of Russian-French literary relations from the late 18th to early 20th centuries]. Moscow, IWL RAS Publ., 2019 (In Russ.)
7. Stroev A.F. *Literaturnye sud'by russkikh pisatelej vo Francii* [The literary fates of Russian writers in France]. Moscow, Litfakt, 2023 (In Russ.)
8. Vogüé E.-M. *Les Livres russes en France // Revue des Deux Mondes*. 1886. 3e pér. T. 78, pp. 823–841 (In French)
9. Vogyue E.-M. de. *Russkij roman. Predislovie* [Russian Novel. Preface]. // *K istorii idej na Zapade: «Russkaya ideya»* / Ed. V.E. Bagno and M.E. Malikova. Saint Petersburg, Pushkin House edition, Petropolis, 2010, pp. 499–503. (In Russ.)
10. «*Zapiski iz podpol'ya*» F.M. *Dostoevskogo v kul'ture Evropy i Ameriki* [Notes from Underground" by F.M. Dostoevsky in the Culture of Europe and America] / Ed. E.D. Gal'cova (Galtsova E.D.). Moscow: IWL RAS, 2021 (In Russ.)

Поступила в редакцию 15.12.2025
Отредактирована 11.10.2025
Принята к публикации 21.04.2026

Received 15.12.2025
Revised 11.10.2026
Accepted 21.04.2026

ОБ АВТОРЕ

Елена Дмитриевна Гальцова — д.ф.н., главный научный сотрудник, заведующая научной лабораторией Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН; newlen2006@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Elena D. Galtsova — Prof.Dr., Director of Research, Head of the Laboratory of A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences; newlen2006@mail.ru

К ВОПРОСУ О ЧИСТОТЕ РИФМЫ: ОСОБЕННОСТИ ФРАНЦУЗСКОЙ ВЕРСИФИКАЦИИ

Е.М. Белавина

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; kat-belavina@yandex.ru*

Аннотация: Рифма во французской поэзии считалась предметом национальной гордости, поскольку появилась в связи с ослаблением латинской просодии. На этапе становления верлибра во Франции (vers libre standard 1886–1920) дискуссии о поэтической форме и законах гармонии зачастую приобретали ироническую окраску, поскольку правила классического стиха перестали быть понятны многим участникам литературного процесса. Одно из таких формальных ограничений, «правило чистоты рифмы» (совпадения не только звучания, но и написания финальных непроеизносимых графем в клаузулах), получило название «рифма для глаза» (rime pour l'oeil), в котором с антропологической точки зрения зафиксирована опора на письменный материальный носитель и визуальное восприятие текста. Вследствие отставания правил версификации от изменений произносительной нормы появились термины, обозначающие «рифменные аномалии»: так называемые рифмы-андрогины и нормандские рифмы. В настоящей статье данные истории фонетических изменений соотнесены с фактами намеренных или ненамеренных рифменных аномалий. В определении «рифмы для глаза» спрятана предшествующая устная норма (необходимо знать не только орфографию, но и правила связывания). В андрогинной рифме предпочтение отдается слуховым соответствиям. Демократизация и индустриализация литературы, активные миграционные процессы конца XIX в. усиливали непонимание правил французской версификации участниками литературного процесса, что завершилось отказом от регулярного рифмованного стиха. Тем не менее, в XX в. авторы, ориентированные на поддержание и сохранение традиции, делали выбор в пользу академической силлабики (например, Пеги, Валери).

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2026-49-03-12

Ключевые слова: рифма; Верлен; верлибр; французская поэзия; воображение

Для цитирования: Белавина Е.М. К вопросу о чистоте рифмы: особенности французской версификации // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2026. №3. С. 152–164.

ON THE PURITY OF RHYME: FEATURES OF FRENCH VERSE

Ekaterina M. Belavina

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; kat-belavina@yandex.ru

Abstract: Rhyme in French poetry was considered a matter of national pride, as it appeared in connection with the weakening of Latin prosody. During the development of free verse in France (vers libre standard 1886–1920), discussions about poetic form and the laws of harmony often took on an ironic tone, as the rules of classical verse became unclear to many participants in the literary process. One of these formal restrictions, the “rule of purity of rhyme” (matching not only the sound, but also the spelling of final unpronounceable graphemes in rhymes), is called “a rhyme for the eye” (*rime pour l’oeil*), which, from an anthropological point of view, fixes the support of written material media and visual perception of the text.

Due to the lag between the rules of versification and the changes in the pronunciation norm, terms were coined to describe “rhyming anomalies”: the so-called androgynous rhymes and Norman rhymes. In this article, the history of phonetic changes is correlated with the facts of intentional or unintentional rhyming anomalies. The definition of “rhyming for the eye” conceals the previous oral norm (it is necessary to know not only the spelling but also the rules of linking). In androgynous rhymes, auditory correspondences are preferred. The democratization and industrialization of the literary process, as well as the active migration processes of the late 19th century, contributed to a lack of understanding of the rules of French versification among participants in the literary process, leading to the abandonment of regular rhymed verse. However, in the 20th century, authors who focused on maintaining and preserving the tradition opted for academic syllabics (e.g., Ch. Péguy and P. Valéry).

Keywords: rhyme; Verlaine; free verse; French poetry; imagination

For citation: Belavina E.M. (2026) On the purity of rhyme: features of french verse. *Lomonosov Philology Journal*, no. 3, pp. 152–164.

Поэзия как «высшая форма бытия национального языка» [Эткинд 2018: 12] предоставляет ценные свидетельства его эволюции. В частности, история рифменных пар может служить свидетельством изменений произношения: «Точность созвучия, требуемого рифмой, определяется исторически меняющейся условностью» [Литературная энциклопедия 2003: 879]. Во французском языке, в котором зазор между произносительной нормой и правилами традиционной версификации особенно заметен, понятие «чистоты рифмы» (*pureté de la rime*) ясно показывает архаические ограничения, вступавшие в конфликт с ощущением живого звучания речи.

Кратко поясняя существовавший запрет («Если у классиков дозволялось рифмовать только *vide — humide, chant — méchant*, то

поэты XX в. свободно рифмуют *vides — humide, chant — champ* [...]» [Гаспаров 2003: 223]) и связанное с ним желание обновления рифмы у символистов и постсимволистов, М.Л. Гаспаров приходит к констатации: «Традиция точной рифмы во французской поэзии оказалась слишком сильна: поэтам было легче совсем отказаться от рифмы, чем деформировать ее» [Там же]. Эта *точность* во французском понимании не позволяла рифмовать “*mère*” и “*mer*” (оба произносятся [мев]), но видела рифму между “*aimer*” [эме] и “*amer*” [амев], что не кажется логичным для современных студентов, изучающих французский язык. Вот почему стоит проанализировать отношение французов к рифме в соотношении с фонетическими изменениями и социальными процессами.

I. Рифма как национальное достояние

Слово «рифма» (фр. *rime*) в современном понимании (для обозначения маркера конца сегмента) распространилось во Франции с XIV века¹ [Aquièn, Molinié 1999: 644]. Система рифм наблюдалась во французской поэзии с большей или меньшей регулярностью еще в XIII в.² Само появление рифм вызвано ослаблением латинской просодии, исчезновением различия долгих и кратких гласных, вот почему рифма считается столь существенной для французского языка (“*essentielle au français*”) [Morier 1981: 959]. Даже появление рифмы в английской поэзии французам приятно связывать с французским влиянием³.

II. Правило чистоты рифмы

Понятие о «чистоте рифмы» (*pureté*) [Aquièn, Molinié 1999: 651], существующее во французском стиховедении, не следует путать с «богатством» и «глубиной». Вопрос о чистоте рифмы, получивший образное название “*rime pour l’oeil*” (рифма для глаза), связан с модальностями восприятия (визуальной и аудиальной), а также с медиумом (материальным носителем) и практиками распространения поэтических произведений (глазное считывание), что видно из

¹ До этого момента звуковым маркером конца сегмента мог выступать ассонанс, с этим связаны этимологические дублеты *rime* и *rythme*, восходящие к *rim* (*série, nombre*, в значении «число слогов»). Указывая что в старофранцузском роль рифмы играл ассонанс, классический учебник Л.В. Щербы отмечает сходство со звуковыми повторами периода становления верлибра и цитирует поэта-символиста Ш. Ван Лерберга (1861–1907): *Ma soeur la Pluie, // La belle et tiède pluie d’été, // Doucement vole, doucement fuit // A travers les airs mouillés* [Щерба 1941: 166].

² М.Л. Гаспаров приводит пример из «Действа о св. Николае» Ж. Боделя (XIII в.) [Гаспаров 2003: 107].

³ “dans la poésie anglaise elle [rime] est due à l’influence française” [Aquièn, Molinié 1999: 645].

словарного определения: «Чистота — это требование, связанное с классическим желанием, чтобы рифма удовлетворяла как слух, так и зрение. Правила, связанные с *чистотой*, касаются как произношения, так и орфографии. Правило связывания предполагает запрет (ошибочно называемый «рифмой для глаза») на рифмовку двух слов, если одно из них заканчивается на гласную, а другое — на согласную, даже немую [непроизносимую], или если оба слова заканчиваются на согласные, которые не образуют одинакового звука при связывании»⁴. Это правило, восходящее к XVI в., к периоду становления национального письменно-литературного языка, сохранено рифмами Великих риториков, увековечено Клеманом Маро, а также сформулировано тулузским поэтом Грасьеном дю Поном в виде советов по рифмовке (1539) [Du Pont 2012].

Правило чистоты рифмы требует знания не только орфографии, но и законов связывания (*liaison*). Так, например, в строках Андре Шенье рифма *flanc/sang* при различии произносимых графем (*c/g*) удовлетворяет правилу чистоты, поскольку обе согласные при реализации связывания дадут звук [k]:

Quel remords agite le flanc,
Tourmente le sommeil du tribunal impie
Qui mange, boit, rote du sang?⁵

В русскоязычной традиции так называемые «рифмы для глаза» (требующие не только созвучия, но и совпадения написания слов), иногда назывались зрительными. Представление об этих сложностях и собственное понимание свойств французских рифм высказывает свидетель реформы французского стиха Николай Гумилев, формулируя свои девять заповедей поэтического переводчика: «Вопрос о рифмах много занимал поэтов: Вольтер требовал слуховых рифм. Теодор де Банвиль — зрительных» [Принципы художественного перевода 1919: 29].

Однако при совпадении не всех произносимых графем Вольтер в сатирическом, антиклерикальном и бунтарском «катехизисе остроумия» (Пушкин) — в «Орлеанской девственнице» [Яснов 2017: 11], написанной как пародия на эпическую поэму Ж. Шаплена «Дев-

⁴ «La pureté est une exigence liée au désir classique de rimes qui satisfassent aussi bien l'oreille que l'œil. Les règles liées à la pureté concernent donc bien la prononciation que l'orthographe. La règle de la liaison suppose (appelé aussi à tort rime pour l'œil interdit de faire rimer entre eux deux mots, soit terminées l'un par une voyelle l'autre par une consonne même muette, soit terminés par des consonnes qui ne feraient pas leur liaison éventuelle par le même son». [Aquiен, Molinié 1999: 651].

⁵ Цит. по *Aquiен M., Molinié G. Dictionnaire de rhétorique et de poétique*. Paris: Librairie Générale Française, 1999. P. 651.

стенница, или Освобожденная Франция» (1659), — расширяет круг рифмующихся слов за счет разных непроизносимых букв, не нарушающих правило связывания:

Пример № 1 (saints//divins: ts/s):

Vous m'ordonnez de célébrer des saints:
Ma voix est faible, et même un peu profane.
Il faut pourtant vous chanter cette Jeanne
Qui fit, dit-on, des prodiges divins.
[Voltaire 1877: 25]

Пример № 2 (apprêts//auprès: ts/s):

Tout fut sans faste, et non pas sans apprêts.
Festins des dieux, vous n'êtes rien auprès!
[Voltaire 1877: 28]

У Шаплена смежные рифмы построены на точном звуковом и графическом совпадении в соответствии с правилами альтернанса (ffmm, f — женская рифма, m — мужская):

Te chante la PUCELLE, la sainte Vaillance,
Qui dans le point fatal, où perissoit la France,
Ranimant de son Roy la mourante vertu
Reletta son Estat, sous l'Angois, abbatu. [Chapelain 1656: 3]

Для французской поэзии вопрос о возможности рифмовать слова с разными непроизносимыми графемами обострялся тем, что «во французском языке мало слов, орфография которых точно и экономично воспроизводит произношение (одна буква на один звук, например, *ami, rug, macaroni*)» [Grevisse 1993: 95].

Эволюция языка и изменение произношения фиксируется в рифмованных текстах⁶, несомненно, эти процессы протекают по-разному в литературной традиции (письменный язык, которым владеет интеллектуальная элита) и в устной (фольклор, народная песня). Для письменного языка существенно мнение авторитетных ученых: «Естественным фонетическим изменениям с XV века все более активно начинает противостоять реакция грамматистов, которые заметили опасность утраты как для конечных флексий, так

⁶ «Согласный звук *s* в позиции перед согласным начал исчезать из произношения довольно рано. В XI веке он перестал произноситься перед плавными и носовыми. К XIV веку он исчезает и перед другими согласными, хотя на письме продолжает сохраняться, например, непроизносимый *-s* можно увидеть в рифмах мистерий XV: *mettre: ancestre, beste: faite*. Знак *accent circonflexe*, обозначающий открытость гласной на месте замолкшего *s*, появится только в XVIII в.». [Школьникова 2023: 189].

и для слов в целом, и пытались удержать прежнее произношение и реставрировать утраченные формы: немое *e* в конце и в середине слова, конечные согласные, необходимые для борьбы с омонимией, согласные в консонантных группах» [Школьникова 2023: 190].

Литературная поэзия является одним из «бастионов», защищающих традиции, способствующих передаче знаний, сохранению памяти о состоянии национального языка. Одним из следствий расхождения произносительной и поэтической нормы французского языка является спор о «рифме для глаза» и о разновидностях рифменных «аномалий»: о так называемых «нормандских рифмах» и «рифмах-андрогинах» [Monferran 1999].

III. Нормандские рифмы

Нормандские рифмы (“*rime normande*”) ставят современного неподготовленного читателя в тупик: следует ли читать согласно правилам чтения или отказаться от рифмы.

Одним из самых известных примеров нормандской рифмы в XIX в. считаются строки Бодлера:

Elle était donc couchée et se laissait aimer,
Et du haut du divan elle souriait d’aise
À mon amour profond et doux comme la mer,
Qui vers elle montait comme vers sa falaise.
Les Bijoux [Baudelaire 2025: 800]

Для Бодлера *aimer/mer* не было новаторским отказом от рифмы, напротив, нормандская рифма считалась архаичной, изысканной, «ученой» (*savante*). Хотя в XVI и XVII веках конечное [-в] в народной речи замолчало, оно долго сохранялось при чтении стихов. Название рифмы восходит к нормандскому произношению, которое позволяло произносить -*r* в финальном слоге (амѣв / емѣв) [Cornulier B. (de) 1995: 221]. Французские стиховеды Бенуа де Корнюлье и Доминик Билли подчеркивают, что кажущиеся отсутствие созвучия было для Расина просто рифмой⁷:

Attaquons dans leurs murs ces conquérants si fiers;
Qu’ils tremblent à leur tour pour leurs propres foyers.
(Цит. по: [Billy 2013])

В XVIII в. считалось, что это была чисто оптическая, графическая рифма, что еще раз доказывает, что ментальное представление зву-

⁷ “Ce qui nous apparaît comme une rime pour l’œil, savante, une rime ‘normande’, était pour Racine sans doute une rime, simplement”. [Cornulier B. (de) 1995: 221].

кового образа на основе графики затруднялось при изменении произносительной нормы.

Хотя название связано с северной провинцией Франции, нормандские рифмы могли использоваться поэтами других регионов [Billy 2013].

Нормандская рифма представляет собой рифменную аномалию, которая создает иллюзию предпочтения принципа визуального восприятия сходства, но на самом деле отсылает к другой «устности» текста, к устаревшей норме произношения.

IV. Андрогинные рифмы

Другая рифменная аномалия, получившая название андрогинной рифмы, представляет собой нарушение принципа визуального соответствия в финальных созвучиях стихотворных строк. Название связано с метафорикой терминов версификации: речь идет о нарушении разделения на мужские и женские рифмы. Во французском языке, казалось бы, эта оппозиция должна была бы быстро исчезнуть, и все рифмы, по логике читателя, привыкшего, например, к силлабо-тонике, должны бы считаться мужскими, поскольку ударение падает на последний слог. Но этого не произошло, а женской рифмой по сей день считаются слова с финальным немым — *e*.

Самым известным примером нарушения правила альтернанса (чередования мужских и женских рифм) считается стихотворение Верлена, целиком построенное на андрогинных рифмах:

C'est le chien de Jean de Nivelles
Qui mord sous l'œil même du guet
Le chat de la mère Michel;
François-les-bas-bleus s'en égaie [...] (VI, RSP, 1873)
[Verlaine 1962 : 194]

В XX в. Луи Арагон, высоко ценивший новаторство Верлена и высказывавший желание расширить возможности французской рифмы, указывает на народную песню как на общий источник рифм, нарушающих принцип визуального соответствия: «В более поздних жалобных песнях, таких как “Le Retour du Soldat” (“Возвращение солдата”), музыка заставляет произносить неправильно ради рифмы *Mon brave, je le voudrais bien — Vous faire entrer dans ma demeure — Hélas, nous n'avons presque rien — Cependant vous blessez mon cœur (e)* и здесь прибавляется немое “e” и произносится, как в песнях и стихах папаши Убю»⁸ [Aragon 2007: 729].

⁸ Если не указано другое — перевод мой. Е.М.Б.

Правила, касающиеся мужских и женских рифм, с иронией объяснены на некоторых современных французских сайтах, обращенных к тем, кто собирается создавать тексты песен: статус немого *-e*, реализуемого в песнях, в конце строки предполагает удивление, как и сопутствующее ему появление неожиданного гостя (“*invité-surprise*”) — ударения не на финальный слог (*accent tonique*), причем подчеркивается роль звучания: «музыка будет инстинктивно диктовать тип рифмы»⁹.

V. От непонимания правил к нарушению правил

Статус немого финального *-e*, не учитывающегося при подсчете слогов в силлабической строке, беспокоил еще современников Верлена. Так, в «Малом трактате о французской поэзии», разбирая форму односложного стиха:

Fort
Belle
Elle

Dort (досл. «Очень Красивая, Она Спит. »), —

поэт-парнасец Теодор де Банвиль обращает внимание на слова *belle* и *elle*, в которых *-e* не произносится, но их воспринимает как двусложные: «Однако очевидно, что и слово BEL-LE и слово EL-LE содержат не по одному, а два слога»¹⁰.

Выступая и против Банвиля, и против верлибра, Верлен опубликовал эссе «Слово о рифме» (“*Un mot sur la rime*”), где настаивал на необходимости рифмы или ассонанса для французского стиха (журнал «Декадент», «*le Décadent*», 1888).

⁹ “A quoi ça sert? Bon, à ce stade de l'article, déjà vous êtes sauvés: vous ne ferez plus «mauvais genre» dans les soirées mondaines [...] Je répète: à quoi ça sert? Oui, oui, voilà, j'y viens! En poésie classique, on faisait volontiers alterner rimes masculines et rimes féminines. Cela favorisait le flow! Oui mais: la poésie, c'est de la langue orale! Et nous, on fait de la chanson! Et en chanson, — d'une part on pratique la langue parlée — d'autre part c'est souvent la musique qui va nous dicter instinctivement le type de rime”. RIMES MASCULINES / RIMES FEMININES — Académie de la Chanson URL: [<https://academiedelachanson.fr/rimes-masculines-rimes-feminines/>] (дата обращения: 05.05.2025).

¹⁰ “Fort Belle Elle Dort. Cependant il est évident que le mot BEL-LE et le mot EL-LE contiennent chacun, non pas une, mais deux syllabes [Banville 1872: 18]. Далее “A quoi tient cette apparente anomalie?” P. 19. Даже в современном языке на артикуляторном микроуровне телесного переживания устности женская рифма с, казалось бы, непроизносимым [ə] производит эффект, отличный от мужской: если произнести по-русски слово *дом* или *ком*, в конце слова губы сомкнуты, при произнесении по-французски *romme* [rɔm] или *comme* [kɔm] — губы в конце слова размыкаются.

Верлен писал в эпиграмме, опубликованной в журнале *La Plume* 1 октября 1894 г.:

J'admire l'ambition du Vers Libre,
— Et moi-même que fais-je en ce moment
Que d'essayer d'émouvoir l'équilibre
D'un nombre ayant deux rythmes seulement?
Il est vrai que je reste dans ce nombre
Et dans la rime, un abus que je sais
Combien il pèse et combien il encombre,
Mais indispensable à notre art français [...]
[Verlaine 1962: 854]

Верлен еще раз высказывается за использование рифмы в *национальном* варианте стиха, поскольку французский язык «глух к ударению», и подчеркивает, что именно рифма необходима для «нашего французского искусства» (*indispensable à notre art français / Autrement muet dans la poésie // Puisque ce langage est sourd à l'accent*).

Оставаясь внутри силлабической системы, Верлен сознательно нарушает запреты традиционной версификации, примером подспудного бунта против требования *rime pour l'oeil* служит стихотворение “*Vers sans rimes*” (“Стихи без рифм”) из сборника “*Chair*” (Плоть, 1896):

Le bruit de ton aiguille et celui de ma plume
Sont le silence d'or dont on parla d'argent.
Ah! cessons de nous plaindre, insensés que nous fûmes
Et travaillons tranquillement au nez des gens!
[Verlaine 1962: 892]

В строфах с перекрестной рифмовкой при точном совпадении произносимых графем в произносимые согласные *-s*, *-t* нарушают принцип чистоты (*pureté*) традиционной версификации: *plume/fûmes* [ym]; *d'argent/des gens* [zã]; *affaires/sévère* [εв]; *tac/trac* [ak] и т. д.

Предыдущее стихотворение того же сборника, “*Vers en assonances*” [Verlaine 1962: 891] (Стихи с ассонансами), сочетает нарушения принципа рифмы для глаза (*normales / mal*) [-mal] и *monde [mõd]/rond [kõ]*, расширяя возможности маркирования окончания сегмента. В обоих случаях названия произведения, включающие семантический компонент теории стиха (*vers, rime, assonance*), свидетельствуют о работе творческого воображения, удерживающего в фокусе внимания аудиальность.

Возвращаясь к цитате Гаспарова, приведенной в начале статьи, следует заметить, что в XX веке наряду с теми, кто расширял возможности допустимых рифм, и теми, кто полностью отказался от

рифмовки, существовали авторы, сознательно выбиравшие поддержание академической силлабики с соблюдением «чистоты рифмы» (например, Ш. Пеги, П. Валери).

* * *

Поэтические системы нередко сохраняют следы произносительной нормы, которая с течением времени начинает восприниматься как архаичность. Совпадение непроносимых графем требует уважения к традиции и этимологии, к произношению в исторической перспективе.

В динамике фонетических изменений отражается развитие социума, так, например, победа буржуазии во Франции после 1830 г. оказала косвенное влияние на правила версификации: «В процессе демократизации французского общества разговорный язык оказывает все большее внимание на литературный. Сдвиги в общественных отношениях идут на фоне становления капитализма, развития промышленности и техники, путей сообщения, активизации колониальной политики» [Школьникова 2023: 246].

На примерах двух контрастных рифменных аномалий было показано: 1) (псевдо)предпочтение *визуального* совпадения в ученых «нормандских рифмах», в действительности отсылающего к другой «устности», к утраченному произношению слова, и 2) предпочтение *аудиального* совпадения при нарушении чередования мужских и женских рифм (“rimes androgynes”), отражающих современное произношение. Непонимание правил традиционной силлабики многими участниками литературного процесса стало одной из причин реформы поэтического языка. Катализаторами этого процесса было ускорение ритма жизни больших городов и темпа речи, активизация культурного трансфера, индустриализация литературы, демократизация литературного процесса (рост количества авторов и публикаций), диверсификация практик распространения поэзии. Непонимание правил традиционной силлабики многими участниками литературного процесса стало одной из причин реформы поэтического языка. Катализаторами этого процесса было ускорение ритма жизни больших городов и темпа речи, активизация культурного трансфера, индустриализация литературы, демократизация литературного процесса (рост количества авторов и публикаций), диверсификация практик распространения поэзии.

В понятии «рифма для глаза», как в матрешке, спрятана прежняя «устность», которая к концу XIX века во Франции для большинства поэтов потеряла опору на чувственное переживание радости соответствий визуального, аудиального, телесного (субвокализация). Удовольствие от текста связано не только с образами и точностью

выражающих их слов, с соединением при когнитивных процессах письма/чтения трех модальностей восприятия. Кроме того, поскольку при глазном считывании формируется аудиальный ментальный образ на основе артикуляторного опыта читателя, поэтический текст всегда стремится пробудить мультисенсорное воображение.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Гаспаров М.Л.* Очерк истории европейского стиха. М., 2003.
2. Литературная энциклопедия терминов и понятий / Рос. акад. наук, Ин-т науч. информ. по обществ. наукам; гл. ред. и сост. А. Н. Николюкин. М.: Интелвак, 2003. 1600 стб. 1596 стр.
3. Принципы художественного перевода. Статьи К. Чуковского и Н. Гумилева. Пг, 1919.
4. *Школьникова О.Ю.* История французского языка. М., 2023.
5. *Щерба Л.В.* Фонетика французского языка. М., 1941.
6. *Эткинд Е.* Исследования по истории и теории художественного перевода. Книга 1. Поэзия и перевод. СПб., 2018.
7. *Яснoв М.Д.* О французских поэтах и русских переводчиках. М., 2017.
8. *Aquien M., Molinié G.* Dictionnaire de rhétorique et de poétique. P., 1999.
9. *Aragon L.* Œuvres poétiques complètes, éd. Olivier Barbarant, Gallimard, Bibliothèque de la Pléiade, 2007, 2 vol.
10. *Banville Th. de.* Petit traité de la poésie française, P., 1872.
11. *Baudelaire Ch.* Œuvres complètes II/ Préface d'Antoine Compagnon, Ed. Publie sous la direction d'André Guyaux et d'Andrea Schellino, d'Aurelia Cervoni, Antoine Compagnon, Romain Jalabert, Bertand Marchal, Henri Scapi, Jean-Luc Steinmetz, Matthieu Vernet, Julien Zanetta. P., 2025.
12. *Billy D.* Des rimes normandes usurpées. Des rimes normandes usurpées: de l'aperture de E tonique devant R final au XVIIe siècle, 2013, Nancy, France. URL: [<https://web-data.atilf.fr/ressources/cilpr2013/actes/section-3/CILPR-2013-3-Billy.pdf>] Дата обращения: 15.05.2022.
13. *Chapelain* La Pucelle ou La France délivrée. P., 1656.
14. *Cornulier B. (de).* Art Poétique. Notions et problèmes de métrique. Lyon, 1995.
15. *Cornulier B. (de)* Fiction graphique, ou Langue des vers? Rimes «pour l'œil» et «normandes». P. 220–222.
16. *Du Pont Gr.* Art et science de rhetoricque metrifiée / Ed. Véronique Montagne. P., 2012. Art et science de rhétoricque métrifiée ([Reproduction en fac-similé]) / Gratien Du Pont | Gallica Дата обращения: 21.06.2025.
17. *Grevisse M.* Le Bon usage. Grammaire française. Refondue par A. Goosse. Duculot. 1993.
18. *Morier H.* Dictionnaire de poétique et de rhétorique, PUF, 1981.
19. *Monferran, J.-Ch.* «Rime pour l'œil, rime pour l'oreille: réalité, mythe ou idéal?». *Par la vue et par l'ouïe*, édité par Michèle Gally et Michel Jourde, ENS Éditions, 1999, <https://doi.org/10.4000/books.enseditions.22590>.
20. RIMES MASCULINES / RIMES FEMININES — Académie de la Chanson URL: <https://academiedelachanson.fr/rimes-masculines-rimes-feminines/> (дата обращения: 14.07.2025).

21. *Verlaine P. Œuvres poétiques complètes, texte établi et annoté par Y.-G. Dantec, édition révisée par Jacques Borel. P., 1962. P. 194.*
22. *Voltaire. La Pucelle d'Orléans. Œuvres complètes. P., 1877, tome 9, p. 25–338.*

REFERENCES

1. Gasparov M.L. *Oчерk istorii evropejskogo stikha* (Essay on the History of European Verse). Moscow: *Fortuna Limited*, 2003. — 272 p. (In Russ.)
2. Literaturnaia entsiklopediia terminov i poniatii / Ros. akad. nauk, In-t nauch. inform. po obshchestv. naukam; gl. red. i sost. A.N. Nikoliukin [Literary Encyclopedia of Terms and Concepts]. Moscow, 2003. 1600 stb. 1596 str. (In Russ.)
3. *Printsipy khudozhestvennogo perevoda*. Stat'i K. Chukovskogo i N. Gumileva (Principles of Literary Translation. Articles by K. Chukovsky and N. Gumilyov.). Petrograd: *Vsemirnaya literatura*, 1919. (In Russ.)
4. Shkol'nikova O.Yu. *Istoriya frantsuzskogo yazyka* (History of the French Language). Moscow, 2023. (In Russ.)
5. Shcherba L.V. *Fonetika frantsuzskogo yazyka* (Phonetics of the French Language). Moscow: *Izd. literatury na inostrannykh yazykakh*, 1941. (In Russ.)
6. Etkind E. *Issledovaniya po istorii i teorii khudozhestvennogo perevoda*. Kniga 1. Poeziya i perevod. (Research on the History and Theory of Literary Translation. Book 1. Poetry and Translation.) St.Petersburg: *Petropolis*, 2018. 423 p. (In Russ.)
7. Yasnov M.D. *O frantsuzskikh poetakh i russkikh perevodchikakh* (On French Poets and Russian Translators). Moscow: *Tsentr kn. Rudomino*. 2017. (In Russ.)
8. Aquien M., Molinié G. *Dictionnaire de rhétorique et de poétique*. Paris: *Librairie Générale Française*, 1999.
9. Aragon L. *Œuvres poétiques complètes*, éd. Olivier Barbarant, *Gallimard, Bibliothèque de la Pléiade*, 2007, 2 vol.
10. Banville Th. de. *Petit traité de la poésie française*, Paris: *Bibliothèque de l'écho de la Sorbonne*. 1872.
11. Baudelaire Ch. *Œuvres complètes II*, *Gallimard: Bibliothèque de la Pléiade*, 2025.
12. Billy D. *Des rimes normandes usurpées*. Des rimes normandes usurpées: de l'aperture de E tonique devant R final au XVIIe siècle, 2013, Nancy, France. URL: [<https://web-data.atilf.fr/ressources/cilpr2013/actes/section-3/CILPR-2013-3-Billy.pdf>] Дата обращения: 15.05.2022.
13. Chapelain J. *La Pucelle ou La France délivrée*. P.: *Augustin Curbé*. 1656.
14. Cornulier B. (de). *Art Poétique. Notions et problèmes de métrique*, Lyon, *Presses Universitaires de Lyon*, 1995.
15. Cornulier B. (de) Fiction graphique, ou Langue des vers? Rimes «pour l'œil» et «normandes», P. 220–222.
16. Du Pont Gr. *Art et science de rhétorique metrificée*. / Ed. Véronique Montagne. P.: *Classiques Garnier*, 2012.
17. Grevisse M. *Le Bon usage. Grammaire française*. Refondue par A. Goosse. Duculot. 1993.
18. Morier H. *Dictionnaire de poétique et de rhétorique*, PUF, 1981.
19. Monferran, J.-Ch. *Rime pour l'œil, rime pour l'oreille: réalité, mythe ou idéal?* in *Par la vue et par l'ouïe*, édité par Michèle Gally et Michel Jourde, *ENS Éditions*, 1999, <https://doi.org/10.4000/books.enseditions.22590>.

20. RIMES MASCULINES / RIMES FEMININES — Académie de la Chanson URL: <https://academiedelachanson.fr/rimes-masculines-rimes-feminines/> Дата обращения: 14.07.2025.
21. Verlaine P. *Œuvres poétiques complètes*, texte établi et annoté par Y.-G. Dantec, édition révisée par Jacques Borel. P.: Gallimard, Bibliothèque de la Pléiade, 1962.
22. Voltaire *La Pucelle d'Orléans*. In *Œuvres complètes*. P.: Garnier, 1877, tome 9, p. 25–338.

Поступила в редакцию 12.10.2025

Отредактирована 15.12.2025

Принята к публикации 21.04.2026

Received 12.10.2025

Revised 15.12.2025

Accepted 21.04.2026

ОБ АВТОРЕ

Екатерина Михайловна Белавина — к.ф.н., доцент кафедры французского языкознания; kat-belavina@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Ekaterina M. Belavina — PhD in Philology, Associate Professor, Department of French Linguistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; kat-belavina@yandex.ru

**«НЕЛЬЗЯ ЖИТЬ БЕЗ НАДЕЖДЫ»:
МИФ И ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ СТОЙКОСТЬ
В «РАКОВИНЕ АНАТАЯ» КАРЛО СГОРЛОНА**

А. Лорети

РУДН имени Патриса Лумумбы, Москва, Россия; loreti_a@yahoo.it

Э. Меттини

РНИМУ им. Н.И. Пирогова, Москва, Россия; mettini_e@rsmu.ru

Е.А. Нотина

РУДН имени Патриса Лумумбы, Москва, Россия; notina-ea@rudn.ru

И.А. Быкова

РУДН имени Патриса Лумумбы, Москва, Россия; bykova-ia@rudn.ru

Аннотация: Статья посвящена анализу романа Карло Сгорлона «Раковина Анатая», исследующего опыт фриульских рабочих-мигрантов, участвовавших в строительстве Транссибирской магистрали в Забайкалье. Основное внимание уделяется экзистенциальным аспектам жизни в изгнании, психологическим стратегиям преодоления отчуждения и тоски по родине, а также символическим отношениям, складывающимся между мигрантами и местными жителями — такими же перемещенными лицами. Через детализированную типологию персонажей Сгорлон раскрывает многогранность человеческой стойкости. Центральным объединяющим символом выступает мифопоэтическое пространство дома Анатая и Айдым, которое становится духовным якорем для мигрантов, и загадочная раковина — артефакт, олицетворяющий надежду и связь с метафизическим измерением сибирской тайги. Делается вывод о том, что роман представляет собой не только историческое свидетельство, но и универсальное размышление о цене прогресса, смысле труда и необходимости надежды в условиях крайней изоляции.

Ключевые слова: Карло Сгорлон; мифопоэтика; ностальгия; изгнание; Сибирь в литературе; Транссибирская магистраль; человеческая стойкость; экзистенциальная проза; фриульская эмиграция

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2026-49-03-13

Для цитирования: Лорети А., Меттини Э., Нотина Е.А., Быкова И.А. «Нельзя жить без надежды»: миф и человеческая стойкость в «Раковине Анатая» Карло Сгорлона // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2026. № 3. С. 165–176.

“YOU CAN’T LIVE WITHOUT HOPE”: MYTH AND HUMAN RESILIENCE IN CARLO SGORLON’S *LA CONCHIGLIA DI ANATAJ*

Angelo Loreti

Patrice Lumumba Peoples’ Friendship University of Russia, Moscow, Russia;
loreti_a@yahoo.it

Emiliano Mettini

Pirogov Russian National Research Medical University, Moscow, Russia;
mettini_e@rsmu.ru

Elena A. Notina

Patrice Lumumba Peoples’ Friendship University of Russia, Moscow, Russia;
notina-ea@rudn.ru

Irina A. Bykova

Patrice Lumumba Peoples’ Friendship University of Russia, Moscow, Russia;
bykova-ia@rudn.ru

Abstract: The article is devoted to the analysis of Carlo Sgorlon’s novel *La conchiglia di Anataj* (“The Shell of Anataj”), which explores the experience of Friulian migrant workers involved in the construction of the Trans-Siberian Railway in Transbaikalia. The main focus is on the existential aspects of life in exile, the psychological strategies for overcoming alienation and homesickness, and the symbolic relationships that develop between the migrants and the local inhabitants — themselves displaced persons. Through a detailed typology of characters, Sgorlon reveals the multifaceted nature of human resilience. The central unifying symbol is the mythopoetic space of the house of Anataj and Aydym, which becomes a spiritual anchor for the migrants, and the mysterious shell — an artifact embodying hope and a connection to the metaphysical dimension of the Siberian taiga. It is concluded that the novel is not only a historical testimony but also a universal reflection on the price of progress, the meaning of labor, and the necessity of hope in conditions of extreme isolation.

Keywords: Carlo Sgorlon; mythopoetics; nostalgia; banishment; Siberia in literature; Trans-Siberian Railway; human resilience; existential prose; Friulian emigration

For citation: Loreti A., Mettini E., Notina E.A., Bykova I.A. (2026) “You Can’t Live Without Hope”: Myth and Human Resilience in Carlo Sgorlon’s *La conchiglia di Anataj*. *Lomonosov Philology Journal*. no. 3, pp. 165–176.

Творчество итальянского писателя Карло Сгорлона (1933–2009) — значительное явление в литературе XX века. В центре его произведений находятся историческая память, миф и судьба «маленького

человека» в водовороте глобальных событий. Его роман «Раковина Анатая» («La conchiglia di Anataj»), опубликованный в 1983 г., посвященный участию фриульских рабочих в строительстве Транссибирской магистрали, выходит за рамки исторической хроники, превращаясь в глубокое экзистенциальное и антропологическое исследование. Сам Сгорлон осознавал себя преемником древней традиции сказителей, считая, что, записывая устно переданные истории, писатель, в том числе в современную эпоху, отвечает «неискоренимой потребности человека в устном повествовании» [Sgorlon 2008]¹. Основная цель его творчества заключается в стремлении «заново мифологизировать мир» («rimitizzare il mondo») [Sgorlon 1973: 195], чтобы вернуть современному человеку способность воспринимать жизнь через призму фантазии и поэзии.

По собственному признанию Карло Сгорлона, центральной темой его романов является ощущение чуждости в мире, которое испытывают его персонажи. Они чувствуют себя чужаками и на родине, будучи «людьми границы» [Sgorlon 2008: 101] — не только в географическом, но и в философском, этическом и экзистенциальном смысле. Эта концепция глубоко созвучна положению современного человека, который, по словам Алиберти, подобен «аполиду-пилигриму» [Aliberti 2003: 71], вырванному из почвы памяти и уверенности и оказавшемуся на краю духовной пустоты, лишенной надежды на возвращение к прежним ценностям и спасение. Согласно концепции Сгорлона, человеческое существование — это вечное странствие в изменчивом мире, где настоящее практически неуловимо, а главными движущими силами выступают «тоска по прошлому и надежда на будущее» [Damiani 1979: 16]. По мнению Д. Фазоли, единственный способ вновь обрести жизненные ориентиры — это обращение к мифам и архетипам как к «компасам бессознательного» [Fasoli 2006]. Именно этот путь, определяемый Бенусси как «путь эпического крестьянского типа» [Benussi 2010], и избирает Сгорлон, ориентируясь на простоту крестьянской модели мира.

Цель статьи — проанализировать художественные стратегии осмысления опыта миграции и человеческой стойкости в экстремальных условиях сибирской тайги в романе «Раковина Анатая». Через призму типологии персонажей, анализа ключевых мифопоэтических образов (раковины, дома, железной дороги) и исследования взаимодействия между мигрантами и местным сообществом мы проследим, как автор создает универсальное повествование. Это

¹ Далее роман цитируется по этому изданию, номера страниц указываются в круглых скобках после цитаты.

повествование пронизано лейтмотивом надежды (слово «надежда» встречается в тексте почти 50 раз) и обращается к фундаментальным темам смысла труда и поиска идентичности в ситуации экзистенциального отчуждения и изгнания.

Актуальность работы заключается в обращении к вечным вопросам человеческого бытия, которые остаются ключевыми в контексте современных дискуссий о миграции, культурной памяти и цене технологического прогресса. Тема истории фриульских эмигрантов в Сибири получила освещение в российской науке, в частности в монографии Э. Каменщиковой «Итальянцы на берегах Байкала», изданной в Иркутске в 2003 г. В Италии С. Минокки опубликовал в 1933 г. письма и документы об итальянцах, участвовавших в строительстве Забайкальского участка железной дороги, а А. Контардо написала свою дипломную работу в 2015 г. под названием «Un Episodio Poco Noto Dell'Emigrazione Friulana Di Fine Ottocento: La Costruzione Della Ferrovia Transiberiana».

Сюжет и исторический контекст

«Раковина Анатая» повествует о судьбе группы фриульских рабочих, принявших решение отправиться в сибирскую глубинку — село Кирковск. Целью их переезда стало участие в масштабном инфраструктурном проекте — строительстве моста для Забайкальского участка железной дороги. Основной движущей силой сюжета является фигура главного героя, Валериано. Именно он, под влиянием разговоров о грандиозных замыслах императора Александра III, проникся идеей соединить железнодорожным полотном самые отдаленные уголки Сибири и, движимый жаждой открытий, инициировал эту трудную эмиграцию.

Повествование акцентирует внимание на экстремальных условиях труда на восточном берегу озера Байкал. Строительство велось в условиях географического вакуума, «с чистого листа» — на территориях, лишенных даже элементарной сети грунтовых дорог, что символизировало собой поступательное освоение и «приручение» дикой сибирской природы. Интерес Сгорлона к Сибири и фриульской эмиграции был обусловлен как архаическими, почти генетическими связями Фриули со славянским миром, так и историческим фактом участия примерно четырехсот фриульских рабочих в строительстве Транссиба — грандиозного проекта, для реализации которого Российской империи пришлось привлечь иностранных рабочих и инженеров из-за нехватки собственных квалифицированных кадров.

Экзистенциальное измерение труда и изгнания

Повседневная жизнь и душевное состояние фриульских рабочих в Сибири всецело зависели от хода строительства железной дороги. Их надежды напрямую связывались с успехами или задержками проекта. Остановка работ и противоречивые приказы начальства порождали глубокую тревогу, выбивая из колеи людей с техническим складом ума и вызывая чувство полного бесправия. Автор метафорически описывает их состояние: «их бросали туда-сюда, словно они не люди, а кусты или сухие листья» [Sgorlon 1983: 219]². Коллективное сознание характеризовалось чувством унижения от отношения к ним как к «вьючным животным» со стороны анонимных проектировщиков.

Однако Сгорлон показывает не только бесчеловечные условия, но и человеческое достоинство рабочих. Часто повторяющаяся формула — «фриульцы, карнийцы и кадорцы, но также киргизы, монголы и татары» — подчеркивает, что всех этих разных людей объединяла тоска по родине и мечта о возвращении. Это общее чувство подобно тихой похоронной песне, незримо звучащей над их трудом, — «песне Сибири и тягот» (115), в основе которой лежала заветная мечта каждого вернуться на свою землю.

Именно в совместном труде эти люди, работая бок о бок, открывали для себя общую судьбу и причастность к чему-то великому, что объединяло их вне культурных различий. Опираясь на оценку Ф. Ламендолы, можем сказать, что труд у Сгорлона — это не просто сила, покоряющая препятствия, но и «искупительное начало», очищающее душу и возвращающее человека к его подлинной, благородной сущности, «точно так же, как у Вергилия (“*Labor omnia vincit / improbus*”))» [Lamendola 2015]. В отличие от марксистского понимания труда как эксплуатации, а также в отличие от античной традиции, где физический труд считался уделом рабов, у Сгорлона труд обретает библейское измерение — он становится средством искупления и очищения. Как отмечается в романе, герои ощущают «какую-то темную потребность» в труде, словно стремятся искупить неведомую вину и «восстановить исходное состояние» (58). Таким образом, труд осмысливается не как проклятие, а как путь к моральному возрождению. Эта концепция контрастирует с изображением труда в повести К. Кассолы «Рубка леса» («*Il taglio del bosco*»), где работа предстает средством отупения и бегства от боли, а не духовного очищения.

² Далее роман цитируется по этому изданию, номера страниц указываются в круглых скобках после цитаты.

Типология персонажей: стратегии выживания

Психологические портреты героев раскрывают различные грани человеческой стойкости, показывая, что выживание в Сибири возможно лишь через солидарность, надежду и смысл, обретаемый в труде. Каждый из персонажей романа демонстрирует уникальную экзистенциальную и поведенческую модель, определяемую отношением к труду и переживанием состояния изгнанничества. Одна из ключевых задач Сгорлона заключается в том, чтобы предложить читателю множественные интерпретационные ключи к пониманию того, каким образом его персонажи осмысляют свою жизнь вдали от родины. Все они предстают «оторванными от корней, вдали от всего, что могло бы смягчить или отдалить чувство быть чужеземцами и странниками на земле» (104).

Фигура Арриго, профессионального лесоруба, выстроена вокруг идеи труда как экзистенциального фундамента. Через его практические действия — организацию лесопилки и производство шпал — абстрактный проект железной дороги обретает плоть и кровь. Можно сказать, что именно труд Арриго позволяет дороге «родиться».

Сильвестро, в отличие от других рабочих, выступает в роли разочарованного скептика. Он не только отрицает преобразующую силу железной дороги, считая, что она пройдет через «жалкие деревни», но и видит в этом проекте внутреннее противоречие России, с недоумением вопрошая, какое безумие заставило страну «проснуться от векового сна» (172) для такой грандиозной работы.

Бастьяно представляет собой тип мигранта, разорванного между новой жизнью и тоской по дому и по жене. Его недоверчивость и молчаливость — симптомы глубокой внутренней боли, которую усугубляет мучительное чувство вины за измену. На работе эта боль трансформируется в слепую покорность, уходящую корнями в армейскую закалку.

Марко, самый молодой член группы, олицетворяет архетип юноши, полного энтузиазма. Его имя — отсылка к евангелисту Марку, покровителю Венеции, «врат на Восток», а также к Марко Поло, легендарному путешественнику, связавшему Европу и Азию. Это имя символизирует стремление к диалогу культур. Однако трагический инцидент, сделавший Марко хромым, знаменует крушение этой идеалистической мечты. Травма приводит героя к радикальному переосмыслению: он понимает, что не следовало поддаваться очарованию эмиграции и «покидать родной дом» (345). Таким образом, судьба Марко становится предзнаменованием трудной и болезненной судьбы самого проекта соединения России и Запада.

Валериано выступает в роли мудрого старца, становясь духовным стержнем коллектива. Будучи самым зрелым среди фриульских эмигрантов, «рабочим-философом», он вносит порядок и ясность в рациональную жизнь своих земляков, подобно тому, как материнская фигура Айдым наводит порядок в эмоциональной жизни чужаков, принимая их в своем доме и выслушивая их истории. Его стремление защищать своих уязвимых спутников-«странников» рождает «неожиданную экзистенциальную связь с киргизкой Айдым» [Contardo, 2015: 19], чья судьба оказывается созвучна его миссии.

В романе на него возложена роль рассказчика. Однако Валериано — не всезнающий нарратор. Он стал рассказчиком, потому что прежде всего научился слушать других: он узнаёт истории Айдым, Анатая, Кати, Фалалея из уст жителей деревни. Через их воспоминания он доносит до читателя слова отца Никанора, легенды о тайге. Он выслушивает всех и собирает в своем повествовании все элементы мозаики, никогда не занимая позиции мнимого морального или интеллектуального превосходства.

Этот подход делает его образ глубоко человеческим и подчеркивает одну из ключевых мыслей романа: понимание и единство рождаются не из доминирования, а из умения слышать и принимать Другого.

Мифопоэтическое пространство дома и роль местных жителей

Сгорлон выстраивает сложную социальную структуру, где важное место занимают связи между эмигрантами и местными. Но, что существенно, эти «местные» — киргизы и русская переселенка — сами чужды сибирской земле. Этот прием позволяет автору ярче высветить главную мысль: в изгнании фриульцы обретают опору в таких же, как они, странниках, сплываясь в сообщество «на основе схожести судеб» [Contardo 2015: 20]. Центральным объединяющим символом выступает мифопоэтическое пространство дома Анатая и Айдым, которое становится духовным якорем для мигрантов. Когда строительство железной дороги замирает в долгие зимние месяцы, именно этот дом превращается в спасительную гавань, удерживающую на грани безумия, напоминая об утраченной родине и обеспечивая жизненно важное ощущение собственной полезности и принадлежности.

Таким образом, дом становится не просто физическим укрытием, а сакральным центром, где стираются границы между «своими» и «чужими», а переселенцы из разных культур обретают новую форму духовного родства.

Ключевую роль в этом процессе также играет слепой мальчик Фалалей — архетипическая фигура сказителя и хранителя фольклора, чья слепота символически возводит его к образам античных аэдов и провидцев. Он олицетворяет устную культуру мифа, сказки и эпоса, утратившую свое место в современной цивилизации, ориентированной на визуальное. Несмотря на то, что Фалалей, будучи слепым, чувствует себя ненужным и даже помышляет о самоубийстве, именно через его слово мигранты соединяются с мифопоэтическим пространством Сибири. Благодаря ему и усилиям Валериано, эмигранты, по выражению Дж. Гедины, создают на чужбине «новую общину» [Ghedina, 2006: 44], чей мифический образ сливается с грандиозной стройкой, позволяя им обрести подобие родины.

Данные персонажи скрашивают суровость существования фриульцев, помогая им наполнить теплыми красками картину своего изгнания и привнося в их эпопею оттенок магии и легендарности.

Символика раковины и завершение эпопеи

Два ключевых символа романа — железная дорога и раковина — дополняют друг друга. Рабочие, независимо от происхождения, отождествляют свою жизнь с железной дорогой, испытывая глубокую гордость по завершении грандиозного труда. Железная дорога в мировой литературе — это символ нового времени, прогресса и скорости, разрушающих крестьянский и традиционный уклад жизни. Ее строительство в романе сопровождается сомнениями и тревогой, что находит отражение в частом употреблении слов с корнем «тём-/смур-» (наряду с лейтмотивом «надежды»). Ярким примером служат предостережения отца Никанора, который пророчил, что дорога положит конец всякой рассудительности и мудрому обычаю в деревнях. Однако в конечном счете побеждает надежда: герои верят, что их труд сделает Сибирь гостеприимнее для новых поколений, а Транссиб станет мостом между культурами, сближающим народы. Эти мысли звучат в итоговом размышлении героя: «Наше одиночество и наша усталость будут для чего-то полезны. Однажды и Сибирь станет менее суровой» (233).

Раковина же символизирует «магическую красоту и тайну бытия» [Maier 1983: XVIII], представляя собой поэтическое измерение жизни. Этот загадочный артефакт, хранившийся в доме Анатая, служил для фриульских рабочих символом надежды и связи с метафизической сущностью тайги. Это находит прямое соответствие в поэтике романа, ориентированной на эпос и сказку: его синтаксис отличается простотой, плавностью и ритмичностью, повторяющимися формулами.

Завершение многолетнего строительства ознаменовано торжественным прибытием первого поезда. После этого для мигрантов начинается ожидание возвращения на родину, поскольку царь дарует им «бесплатный проезд до границ России» (1983). Однако герой Валериано отказывается от репатриации, предпочитая остаться с Айдым, которая ухаживала за ним. На Айдым и Фалалея он проецирует образ утраченной жены и сына, принимая их в свою семью. Таким образом, Валериано выступает в роли «анти-Ангуиллы» [Lamendola 2015] — героя Павезе из романа «Луна и костры». Если Ангуилла, вернувшись на родину, не находит своих корней и остается с ощущением невозможности обрести утраченную идентичность, то путь Валериано и других персонажей Сгорлона, несмотря на все трудности, приводит их к возвращению в «великий жизненный поток своего народа» [Maier 1983: XIX], тем самым преодолевая пессимизм павезианского сюжета. Согласно данной концепции, часть каждого из нас — наше прошлое, наша культура — останется неизблемой, ее не сметет ветер нового времени и скорость поезда. Меняются эпохи и правители, но земля, крестьянин и рабочий с их трудом и достоинством остаются. Ответом человека на катастрофу, хрупкость существования и боль является не громкий протест, а тихий труд: «Делать свое дело. Работать в тишине, ничего не ожидая взамен» (183). В этой фразе — характерная черта фриульского народа, способного переживать трагедии (вторжения, войны, землетрясения, отзвуки которых слышны и в этом романе) через молчаливую работу по восстановлению — как на своей земле, так и в любом уголке мира. В одном из финальных эпизодов романа главный герой приходит к выводу, что «Сибирь повсюду, что вся жизнь — это Сибирь» (281). Таким образом, Сибирь предстает не просто географическим местом или историко-политическим контекстом, а метафорой отчуждения и потерянности современного человека. Где бы он ни находился, человек чувствует себя одиноким, «чужим» — это состояние передается ключевым словосочетанием романа «*tal forest*», которое на фриульском диалекте в разных контекстах означает «чужбина», «заграница», «чужак». В романе Сгорлон намечает два пути преодоления состояния «*tal forest*». С одной стороны, это техническое решение: скорость поезда и тысячи километров железной дороги, которые соединяют народы и способствуют материальному процветанию. С другой стороны, это «медлительность» мудреца и дароносца, подобного царю-волхву из русской легенды, который странствовал по пустыням и горам, неся людям «добрую весть, сказку или диковинный рассказ» (119), скрашивающие суровую жизнь человека. Это путь поэта и самого автора «Раквины Анатая», понимающего, по замечанию Альберто Негри,

литературу «как акт любви и милосердия к людям, а не как способ борьбы с прошлым». [Negri 2010]. Это путь аэдов, сказителей, слепого Фалалея, чьи истории поддерживают жизнь в деревне и дарят детям мечты.

Роман Сгорлона представляет собой многогранное исследование человеческой стойкости в экстремальных условиях. Через противопоставление ключевых символов — железной дороги (коллективный долг, прогресс) и раковины (магическая красота бытия, надежда) — автор раскрывает диалектику внешнего действия и внутреннего смысла. Сгорлон создает не просто исторический нарратив, а глубокое философское высказывание. Мастерски показывая, как грандиозный инфраструктурный проект реализуется ценой колоссальных человеческих усилий и экзистенциальных сомнений, писатель, по замечанию Барбери Скварротти, придает повествованию эпическую торжественность. «Раковина Анатая» предстает размышлением о диалектике прогресса и человеческой цены» [Barberi, Squarotti 1995: 2], о встрече культур на почве общей судьбы. Ключевой мыслью романа становится идея о том, что даже в условиях крайней изоляции человек находит опору в надежде («нельзя жить без надежды» (288)), обретаемой через труд, солидарность и мифическую силу сказания, символически воплощенную в раковине, никогда не видевшей моря, но наделенной даром произносить загадочные пророчества, обращенные к сердцу каждого слушателя.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Каменищикова Э.* Итальянцы на берегах Байкала. Иркутск, 2003.
2. *Кассола К.* Рубка леса (Жена торговца) / Пер. с итал. Д. Розенталья, Л. Шаровой; ред. О. Плинка. М., 1958.
3. *Павезе Ч.* Прекрасное лето. Дьявол на холмах. Товарищ. Луна и костры / Пер. с итал. Н. Наумова, Л. Вершинина, Г. Брейтбурда. М., 1974.
4. *Aliberti C.* La narrativa di Carlo Sgorlon. Foggia, 2003.
5. *Barberi Squarotti G.* Il duca di Sgorlon idealista corrotto. 'Il costruttore': dal sud al nord per far fortuna // La Stampa — Tuttolibri. 1995. 9 dec. P. 2.
6. *Benussi C.* [Intervista] // Vita Nuova. 2010. 7 jan.
7. *Contardo A.* Un Episodio Poco Noto Dell'Emigrazione Friulana Di Fine Ottocento: La Costruzione Della Ferrovia Transiberiana. 2015.
8. *Damiani R.* Carlo Sgorlon narratore. Roma, 1979.
9. *Fasoli D.* Intervista a Carlo Sgorlon // Riflessioni.it. 2006. Feb.
10. *Ghedina J.I.* Mito, società e scrittura nell'universo romanzesco di Carlo Sgorlon. Udine, 2006.
11. *Lamendola F.* L'epos del lavoro e la vita come teleologia ne «La conchiglia di Anataj» di Carlo Sgorlon // Fides et Ratio. 2015. URL: <https://fides-et-ratio.it/2015/07/29/lepos-del-lavoro-e-la-vita-come-teleologia-nella-conchiglia-di-anataj-di-carlo-sgorlon/> (дата обращения: 15.09.2025).
12. *Maier B.* Introduzione // Sgorlon C. La conchiglia di Anataj. Milano, 1983. P. V–XX.
13. *Maier B.* Carlo Sgorlon. Firenze, 1984.

14. Minocchi S. *Gli italiani in Russia e in Siberia: lettere e documenti*. Firenze, 1933.
15. Negri L. Carlo Sgorlon, la fierezza e l'orgoglio di essere un conservatore // *Loccidentale*. 2010. URL: <https://loccidentale.it/carlo-sgorlon-la-fierezza-e-lorgoglio-di-essere-un-conservatore/> (дата обращения: 16.07.2025).
16. Sgorlon C. *Il trono di legno*. Milano, 1973.
17. Sgorlon C. *La conchiglia di Anataj*. Milano, 1983.
18. Sgorlon C. [Intervista] // *La Stampa*. 2008. 21 nov.
19. Sgorlon C. *La penna d'oro*. Asolo, 2008.

REFERENCES

1. Kamenshchikova E. *Ital'yantsy na beregakh Baykala* [Italians on Baykal Shores]. Irkutsk, 2003. (In Russ.)
2. Kassola K. *Rubka lesa (Zhena torgovtsa)* [Logging (The Merchant's Wife)] / Transl. by D. Rozentalya, L. Sharovoy; ed. by O. Plink. Moscow, 1958. (In Russ.)
3. Pavese C. *Prekrasnoye leto. D'yavol na kholmakh. Tovarishch. Luna i kostry* [A Beautiful Summer. The Devil on the Hills. The Moon and Bonfires] / Transl. by N. Nau-mova, L. Vershinina, G. Breytburda. Moscow, 1974. (In Russ.)
4. Aliberti C. *La narrativa di Carlo Sgorlon*. Foggia, 2003.
5. Barberi Squarotti G. Il duca di Sgorlon idealista corrotto. 'Il costruttore': dal sud al nord per far fortuna. *La Stampa — Tuttolibri*. 1995. 9 dec. P. 2.
6. Benussi C. [Intervista]. *Vita Nuova*. 2010. 7 jan.
7. Contardo A. *Un Episodio Poco Noto Dell'Emigrazione Friulana Di Fine Ottocento: La Costruzione Della Ferrovia Transiberiana*. 2015.
8. Damiani R. *Carlo Sgorlon narratore*. Roma, 1979.
9. Fasoli D. Intervista a Carlo Sgorlon. *Riflessioni.it*. 2006. Feb.
10. Ghedina J.I. *Mito, società e scrittura nell'universo romanzesco di Carlo Sgorlon*. Udine, 2006.
11. Lamendola F. L'epos del lavoro e la vita come teleologia ne «La conchiglia di Anataj» di Carlo Sgorlon. *Fides et Ratio*. 2015. URL: <https://fides-et-ratio.it/2015/07/29/le-pos-del-lavoro-e-la-vita-come-teleologia-nella-conchiglia-di-anataj-di-carlo-sgorlon/> (дата обращения: 15.09.2025).
12. Maier B. Introduzione. In: Sgorlon C. *La conchiglia di Anataj*. Milano, 1983. P. V–XX.
13. Maier B. *Carlo Sgorlon*. Firenze, 1984.
14. Minocchi S. *Gli italiani in Russia e in Siberia: lettere e documenti*. Firenze, 1933.
15. Negri L. Carlo Sgorlon, la fierezza e l'orgoglio di essere un conservatore. *Loccidentale*. 2010. URL: <https://loccidentale.it/carlo-sgorlon-la-fierezza-e-lorgoglio-di-essere-un-conservatore/> (дата обращения: 16.07.2025).
16. Sgorlon C. *Il trono di legno*. Milano, 1973.
17. Sgorlon C. *La conchiglia di Anataj*. Milano, 1983.
18. Sgorlon C. [Intervista]. *La Stampa*. 2008. 21 nov.
19. Sgorlon C. *La penna d'oro*. Asolo, 2008.

Поступила в редакцию 12.10.2025

Отредактирована 15.12.2025

Принята к публикации 21.04.2026

Received 12.10.2025

Revised 15.12.2025

Accepted 21.04.2026

ОБ АВТОРАХ

Анджело Лорети — кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры иностранных языков Аграрно-технологического института Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы; loreti_a@yahoo.it

Эмилиано Меттини — к.пед.н., доцент, заведующий кафедрой гуманитарных наук Института мировой медицины Российского национального исследовательского медицинского университета имени Н.И. Пирогова; mettini_e@rsmu.ru

Елена Александровна Нотина — к.ф.н., доцент, заведующая кафедрой иностранных языков Аграрно-технологического института Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы; notina-ea@rudn.ru

Ирина Александровна Быкова — к.ф.н., профессор кафедры иностранных языков Аграрно-технологического института Российского университета дружбы народов им. Патриса Лумумбы; bykova-ia@rudn.ru

ABOUT THE AUTHORS

Angelo Loreti — PhD in Philosophy, Senior Lecturer, Department of Foreign Languages, Agrarian and Technological Institute, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University); loreti_a@yahoo.it

Emiliano Mettini — PhD in Pedagogy, Associate Professor, Head of the Department of Humanities, Institute of World Medicine, N.I. Pirogov Russian National Research Medical University; mettini_e@rsmu.ru

Elena A. Notina — PhD in Philology, Associate Professor, Head of the Department of Foreign Languages, Agrarian and Technological Institute, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University); notina-ea@rudn.ru

Irina A. Bykova — PhD in Philology, Professor, Department of Foreign Languages, Agrarian and Technological Institute, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University); bykova-ia@rudn.ru

ПЕТРУШКА: К БЫТОВАНИЮ ИМЕНИ ПЕРСОНАЖА В ФОЛЬКЛОРНОМ ТЕАТРЕ

С.П. Сорокина

Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Москва, Россия; sorokinasp@mail.ru

Аннотация: Опираясь на мемуарные источники и данные средств массовой информации XIX в., автор статьи выясняет следующие моменты, связанные с историей бытования театра Петрушки в России. Документальные свидетельства о типе представлений, близких к тому, который позднее будет ассоциироваться с образом Петрушки, появляются в России в 1810-е гг. Эти представления напоминают петрушечные, прежде всего, содержательной направленностью (комические избиения/убийства в сочетании с музыкально-танцевальными номерами) и фигурой главного действующего лица. При этом имя *Петрушка* регулярно начинает встречаться в прессе с 1850-х гг., ранее черты образа, которые затем будут характерны для Петрушки, сосредоточены в герое, носящем иное наименование — как правило, имя комического персонажа европейских кукольных театров (Полишинель, Пульчинелла). Трансляторами данного типа зрелищ к середине 1840-х гг. являются в основном иностранцы. Попав в Россию, пьесы данного типа, неумело переведенные/пересказанные русскими помощниками европейских кукольников, в значительной степени утратили сюжетность и связь с семейной темой. Авторы свидетельств относят такие зрелища к театральным развлечениям наиболее низкого статуса — организуются в маленьких балаганах на ярмарках и гуляниях, на городских улицах мелкими «содержателями», демонстрируются за самую скромную плату, поэтому и их потребитель — самая простая публика, на которую они в первую очередь и рассчитаны. С ростом популярности данного типа кукольного театра прежде всего у простонародного зрителя связана замена наименований европейских масок русским аналогом.

Ключевые слова: фольклорный театр; Петрушка; Пульчинелла; Полишинель; кукольный театр; балаган

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2026-49-03-13

Для цитирования: Сорокина С.П. Петрушка: к бытованию имени персонажа в фольклорном театре // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2026. № 3. С. 177–188.

PETRUSHKA: THE ORIGIN OF THE FOLK THEATRE CHARACTER'S NAME

Svetlana P. Sorokina

A.M. Gorky Institute of World Literature of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; sorokinasp@mail.ru

Abstract: Drawing on memoir sources and 19th-century media reports, the author explores the following points regarding the history of the Petrushka theater in Russia. Documentary evidence of a type of performance similar to the one later associated with the image of Petrushka appears in Russia in the 1810s. These performances resemble Petrushka primarily in their content (comic beatings/murders combined with musical and dance numbers) and the figure of the main character. The name *Petrushka* begins to appear regularly in the press beginning in the 1850s; previously, the image traits that would later become characteristic of Petrushka were concentrated in a character bearing a different name—usually, the name of a comic character from European puppet theaters (Polinchinelle, Pulcinella). By the mid-1840s, the transmitters of this type of spectacles were primarily foreigners. Having arrived in Russia, plays of this type, ineptly translated and retold by Russian assistants to European puppeteers, largely lost their plot and connection to family themes. Authors of accounts classify such performances as theatrical entertainments of the lowest status—organized in small booths at fairs and festivals, on city streets by small “keepers” and presented for the most modest fees. Therefore, their audience is the most common audience, for whom they are primarily intended. The growing popularity of this type of puppet theater, primarily among common audiences, is associated with the replacement of European mask names with Russian equivalents.

Keywords: folklore theater; Petrushka; Pulcinella; Polichinelle; puppet theater; booth

For citation: Sorokina S.P. (2026) Petrushka: The Origin of the Folk Theatre Character's Name. *Lomonosov Philology Journal*, no. 3, pp. 177–188.

Среди широкого спектра феноменов народной зрелищно-развлекательной культуры театр Петрушки относится к числу наиболее активно изучавшихся российскими фольклористами. Тем не менее на ряд вопросов документально подтвержденных ответов дать не удастся. Прежде всего, неизвестно, как эта театральная практика соотносится со скорее всего существовавшими на Руси кукольными представлениями скоморохов. Документальных данных о феномене того типа, за которым закрепилось название театр Петрушки, мы, по сути, не имеем до середины 1840-х гг. При этом к 1845 г., когда Д.В. Григоровичем [Григорович 1991] было дано первое довольно подробное описание данного явления, оно воспринималось как относительно новое для России и пришлое, занесенное сюда итальянцами и немцами.

Опираясь на мемуарные источники и данные средств массовой информации XIX в. (такая возможность в значительной степени открывается благодаря книге Анатолия Петровича Кулиша «Театр кукол в России XIX века. События и факты» [Кулиш 2007]), мы попытаемся уточнить некоторые моменты, связанные с историей бытования театра Петрушки в России, в том числе нас интересует вопрос, когда главный герой кукольного театра, получившего название «Петрушка», обрел свое имя.

А.Ф. Некрылова и В.Е. Гусев отметили, что имя *Петрушка* за персонажем кукольной комедии определенного типа утвердилось не сразу, как не сразу стал он и ее главным героем [Некрылова, Гусев 1983: 16–17]. В 1845 г., по наблюдениям Григоровича, основную роль в спектаклях, разыгрываемых бродячими артистами-итальянцами, играет Пучинелла (у Григоровича так — С.С.), а Петрушка, хотя без него «не обходится ни одно уличное представление», «лицо совершенно постороннее действию, ни с какой стороны, по-видимому, не нужное» [Григорович 1991: 58]. Григорович считал, что исполняемая странствующим кукольником комедия «не похожа на ту, которую вывез он из своего отечества», поскольку «переобразовал» ее со слов итальянца какой-нибудь его русский работник, обладающий «необыкновенную способностью врать не запинаясь и приправлять вранье свое прибаутками» [Григорович 1991: 58]. Автор очерка пересказывает содержание представления: служба Пучинеллы у Капитана-исправника, к которому он доставляет мамзель Катерину; намерение главного героя жениться на 99-летней Матрене Ивановне, вместо которой выскакивает собака и треплет жениха за нос; явление доктора, исцеляющего Пучинеллу и получающего за это оплеухи; отправка последнего за драку в солдаты, но «буян, сумасброд, безбожник» Пучинелла не хочет выполнять команды и душит Капитана-исправника; в результате «ад изрыгает черта, чтобы уничтожить преступника» [Григорович 1991: 68]. Тут-то и появляется Петрушка, о роли которого в спектакле Григорович пишет: это «лицо неразгаданное, мифическое, неуместным появлением своим не спасает Пучинелла от роковой развязки и только возбуждает в зрителях недоумение. Неунывающий Пучинелла садится верхом на черта <...> но черт не слушается; всадник зовет Петрушку на помощь, но уже поздно, приговор изречен и Пучинелла погибает образом, весьма достойным сожаления, т. е. исчезает за ширмами» [Григорович 1991: 68]. Как видим, в пересказе Григоровича Петрушка действительно эпизодическое и необязательное лицо спектакля, появившееся не без влияния кукольных пьес о Дон-Жуане, которые активно игрались в механических (марионеточных) кукольных театрах того времени [Кулиш 2007: 323] и где Дон-Жуана всегда сопровождал

его слуга, часто носивший имя традиционной европейской комической куклы (например, Пимперле [Кулиш 2007: 124–126]). Отметим, что представление, описанное Григоровичем, по-видимому, было перчаточным. Во всяком случае скорее таковым изобразил его иллюстратор очерка Е.И. Ковригин.

Попробуем, насколько это возможно, прояснить, какими были представления примерно такого плана, какое видел Григорович, в предшествующие десятилетия и встречалось ли в них имя «Петрушка».

Одно из первых хоть сколько-нибудь пространных описаний принадлежит князю И.М. Долгорукому [Кулиш 2007: 19]. Он посетил кукольную комедию на Нижегородской ярмарке в 1813 г., и, не вдаваясь в подробности, отметил, что подобные представления «всякий видал». То, что по своему характеру представление, на которое попал Долгорукий, было интересующего нас типа, можно предположить на основании двух отмеченных им моментов. Во-первых, Долгорукий пишет, что куклы во время игры «щелкают лбами». А удары головой о голову противника в театре Петрушки — излюбленный трюковый прием. Во-вторых, автор упоминает, что среди действующих лиц комедии есть «монах» («ряса»), из которого кукольник делает посмешище. Персонаж-священнослужитель действительно часто встречается в записях пьес театра Петрушки. При этом ни имен действующих лиц, ни перечня сцен, ни описания каких-либо технических сторон организации зрелища Долгорукий не приводит, отмечая лишь его примитивность.

Вплоть до середины 1840-х гг. сообщения о ярмарочном кукольном театре остаются очень краткими, однако некоторые интересные штрихи в них появляются. П.П. Свиньин, описывая пасхальные гуляния в «Достопамятностях Санктпетербурга и его окрестностей» (1817), упоминает драку кукол, в которой ревнивый муж, Полишинель, бьет жену. При этом кукольник явно иностранец, поскольку Свиньин характеризует речь персонажей следующим образом: «Баталия сия сопровождается презабавным разговором между супругами, забавным по существу материи, а более по выговору простонародных русских слов, исковерканных голосом немца или итальянца» [Цит. по: Кулиш 2007: 22]. Ф.В. Булгарин в 1825 г. в балагане на Царицыном лугу также видел представление с дракой кукол «топорной работы», которые «прыгают за растянутым полотном, и филиары испорченным русским наречием разговаривают между собою через гребешок и перышко» [Цит. по: Кулиш 2007: 34]. Здесь интересно упоминание гребешка и перышка — т. е. пищика, который использовали петрушечники на протяжении всего периода бытования театра. Рассказывая о московских пасхальных гуляниях

1841 г., журнал «Москвитянин» перечисляет имевшиеся там развлечения, иронически пересказывая тексты рекламных вывесок: «Кроме пяти балаганов под Новинским находились балаганчики и палатки, в которых публика занималась механическим театром и панорамой; смотрела на маскарад ученых английских собак с панорамой и театром превращений; заглядывала в кукольный театр с разными превращениями; любовалась *италианским порчинелем* <курсив мой — С.С.>, школою ученых собак и обезьян...» [Цит. по: Кулиш 2007: 74]. Упоминание итальянского «порчинеля» наряду с механическим театром, возможно, говорит о том, что первый был перчаточной куклой. Имени «Петрушка» ни в одном из описаний нет. До очерка Григоровича в прессе встречаются лишь наименования, часто искаженные, европейских комических кукол: например, в 1829 г. в представлениях Петра Феци участвовали *буритани, пурчинели, пригали и арликини* [Кулиш 2007: 39], в 1838 г. в балагане под Новинским итальянец Жан Мутте показывал кукольное представление с *Быратини* [Кулиш 2007: 64], в 1839 Марко Мутте демонстрировал спектакль с *Полишинелем* [Кулиш 2007: 66], Хан Фетце — с *Полишинелем и Транспарантом* [Кулиш 2007: 67], а у Жузебе Пеотели можно было увидеть итальянские *Буратины и Липорченеля* [Кулиш 2007: 67], в рекламе Надуева в 1841 г. кукла называется *принчанель* [Кулиш 2007: 75], в том же году француз Лемольт открыл театр, который позиционировал как детский, в представлениях участвовали куклы *Арлекин, Поличинелло, Пиерро* [Кулиш 2007: 72]. Отметим, что представления с этими куклами показывались не только на ярмарках и гуляньях, но и в специально снятых помещениях. Каковы были содержание перечисленных спектаклей и вид кукол, неизвестно.

Однако на существование, по крайней мере в 1840-е гг., представлений, близких к театру Петрушки, указывают, помимо очерка Григоровича, еще два интересных свидетельства. В 1844 г. зритель екатеринодарского приходского училища В.Ф. Золоторенко видел комедию со сценами, похожими на известные по театру Петрушки: «Наконец явился неопрятный вельми носатый великан; он сперва убил солдата, потом лекаря, наконец, самого черта. Дебоширил до тех пор, пока не схватила его за нос белая собака, которая утащила его вниз за кулисы» [Золоторенко 1991]. Облик персонажа («носатый великан») также может быть соотнесен с внешностью Петрушки.

Более развернутое изложение содержания кукольной пьесы, игравшейся на масленичных гуляниях в Москве, дает «Московский городской листок» в 1847 г.: «А вот немудреные балаганчики, сколоченные из лубка или чуть прикрытые парусиной. На их огромных

вывесках кит проглатывает слона, силач несет дворец за плечами, акробат свою самим им оторванную ногу продевает сквозь уши кошки. Народ осаждаёт едва приметные двери. Что ж тут такое? Это, по подписи, механические театры, а в самом деле — марионетки. Русский человек сохранял постоянно свою нежную привязанность к итальянскому выходцу времен двух Иоаннов, долгоносому мусье Полишинелю, и его чувствительной истории в лицах. В пяти балаганах под Новинским и трех на Лубянке повторяется эта драма — и балаганы всегда полны. Первые места гривенник, и чем дальше, тем дешевле, до 2-х к. серебром включительно. А сколько наслаждения! Занавес поднимается; театр представляет город, дома на боку в рост кукол, зеленое небо, вместо земли — ничего; разумеется ничего, потому что внизу сидит хозяин и дергает пружинки марионеток. Является Полишинель, поет, начинает разговор с публикой, потом приходит цыган, продает лошадь. Полишинель его бьет, отнимает лошадь, садится на нее, лошадь сшибает ездока. Полишинель охает, приходит доктор, плешивый непременно и в зеленых очках; Полишинель его бьет больно, а иногда до смерти; тут зачем-то является татарский мулла, Полишинель и его бьет и убивает (у итальянцев бывает жертвою такой лютой Полишинеля иезуит; там это имеет смысл). Затем выводится на сцену хожалый, муштрует Полишинеля, однако побит и убит в свою очередь. Каков же Полишинель — откатал и хожалого! Все кричит и рукоплещет. В минуты такого восторга часто заходит в комедию действительный хожалый, и кто шумит слишком, выпроваживает того за ворот вон. Увы! Такие несчастливцы лишаются удовольствия видеть, как прибегает собака и, схватив за нос непобедимого Полишинеля, повергает его в ничтожество, то есть проваливается с ним сквозь землю» [Цит. по: Кулиш 2007: 90–91]. Как видим, примерно в то же время, когда описал представление с Пучинелла в Петербурге Григорович, похожее можно было видеть и в Москве. Судя по рассказу московского корреспондента, в данном случае куклы были, по-видимому, марионетками, а не петрушками. Главный герой тут фигурирует под именем Полишинель, а о наличии персонажа по имени Петрушка не упоминается. Перечисленный корреспондентом набор сцен вполне соответствует тому, какой нам знаком по более поздним фиксациям пьес театра Петрушки.

Итак, документальные свидетельства о феномене того типа, за которым позже закрепилось название «театр Петрушки», появляются в середине 1840-х гг. В этот период, с одной стороны, явление воспринимается еще как относительно новое, а с другой стороны, как уже определенным образом укоренившееся в России. При этом более раннее свидетельство Долгорукого, хотя и весьма туманное,

говорит о том, что кукольный театр *какого-то сходного* с будущим Петрушкой плана был в России в начале XIX в. и ранее, поскольку Долгорукий характеризует его как вполне банальное, привычное явление простонародной культуры.

К середине 1840-х гг. складывается тип представлений, уже достаточно близких к тому, который далее будет ассоциироваться с образом Петрушки. Эти представления напоминают петрушечные прежде всего содержательной направленностью (комические избиения/убийства в сочетании с музыкально-танцевальными номерами) и фигурой главного действующего лица. При этом имя «Петрушка» еще почти отсутствует (встретилось только у Григоровича), черты же образа, которые затем будут характерны для Петрушки, в этот период сосредоточены в герое, носящем иное наименование — как правило, имя комического персонажа европейских кукольных театров (Полишинель, Пульчинелла), что вполне естественно, поскольку таковыми эти герои и были в своих национальных традициях. Трансляторами данного типа зрелищ к середине 1840-х гг. являются в основном иностранцы, что подчеркивается в большинстве свидетельств. Как можно заключить из имеющихся сообщений, представления могли показываться и при помощи перчаточных кукол, и при помощи марионеток. Авторы свидетельств относят такие зрелища к театральным развлечениям наиболее низкого статуса — организуются в маленьких балаганах на ярмарках и гуляниях мелкими «содержателями», демонстрируются за самую скромную плату, поэтому и их потребитель — самая простая публика, на которую они в первую очередь и рассчитаны.

Имя *Петрушка* для обозначения главного действующего лица кукольного театра начинает регулярно встречаться в прессе с 1850-х гг. Так, в № 5 журнала «Москвитянин» за 1851 г. сообщается о двух балаганах на новгородском масленичном гулянье, в одном из которых давал представления «при содействии турецкого барабана и, если не ошибаюсь, шарманки, *Петрушка* (не принимаем этого имени за собственное)» [Цит. по: Кулиш 2007: 101]. Это сообщение чрезвычайно любопытно. С одной стороны, слово *Петрушка* написано с большой буквы и курсивом. С другой стороны, приписка в скобках призывает не принимать это имя за собственное. Что имел в виду автор? Возможно, принадлежность персонажа к галерее популярных комических масок, к череде комических героев, которые появлялись в сходных зрелищах под именами *Полишинель*, *Пульчинелла* и др. Возможно (что представляется менее вероятным), вид куклы — перчаточная.

Обратим внимание на сообщение во «Владимирских губернских ведомостях» за 1854 г. В нем говорится об открытом на бульваре

города балагане, в котором даются представления с *Петрушкой* (слово выделено курсивом), причем персонаж получает следующую характеристику: «этот известный герой народных механических *тиатров*» [Цит. по: Кулиш 2007: 112]. Примечательным здесь является слово *известный*. По-видимому, оно говорит о том, что имя *Петрушка* для обозначения главного действующего лица представлений определенного характера уже вполне употребимо и привычно.

Таким образом, можно конкретизировать время закрепления имени *Петрушка* за героем определенного типа народной театрально-зрелищной практики — это произошло на рубеже 1840–1850-х гг. Очевидно также, что зрители того времени ясно ощущали преемственность такого рода представлений и их героя по отношению к комедиям с участием Пульчинеллы или Полишинеля.

Подтверждением последнего являются опубликованные в 1854 г. в «Москвитянине» записки представителя известного дворянского рода Матвея Павловича Бибикова (1812–1856) под названием «Уличные зрелища в Италии». Матвей Павлович прожил в Италии 8 лет (с 1841 по 1849 гг.) и оставил несколько очерков, посвященных народной городской культуре этой страны. В «Уличных зрелищах...» отдельную главку он отвел Пульчинелле («Пульчинелло», с. 94–96). На протяжении всего рассказа Бибиков постоянно сопоставляет итальянского комического персонажа с его российским собратом, почти отождествляя их: «Во всех городах Италии есть уличные кукольные театры; это складные будки, ни дать, ни взять, как те, которые мы видим в Петербурге и Москве, и которые служат сценою для русского пульчинелло, Иван Иванович Гуляки» [Бибиков 1854: 94–95]. Далее Бибиков дает характеристику главному действующему лицу итальянской кукольной комедии. Очевидно, ему была известна концепция Ш. Маньена¹, возводившего европейских комических кукол к Маккусу. При этом Матвей Павлович вновь включает российского персонажа в ряд европейских героев: «У нас итальянский пульчинелло назвался Иваном Ивановичем Гулякой, во Франции Полишинель, в Англии Пуншем, в Германии Гансвурст» [Бибиков 1854: 95]. Сопоставление русского персонажа с европейскими по является и в пересказе содержания комедии. Причем Бибиков пы-

¹ Статья Ш. Маньена «История марионеток у древних» была опубликована в России в 1850 г. в журнале «Пантеон и репертуар русской сцены» (Т. IV. С. 1–28; автор перевода не указан). Во Франции она вышла в 1842 г. в «Revue de Paris» (Nov. 1842, Mai 1843), а в 1852 г. в Париже Ш. Маньен опубликовал монографию «История марионеток в Европе». Бибиков мог познакомиться с работой Маньена в годы жизни в Европе, но скорее всего он знал русскую публикацию, поскольку сам печатался в «Пантеоне...».

тается усмотреть и некоторую особенность русского героя. Приведем это уникальное свидетельство русского путешественника: «Пульчинелло развратен, пульчинелло пьяница, пульчинелло безбожник, пульчинелло вор. Пульчинелло женат, разумеется, не по любви, а из расчета, и достояние жены прогуливает с красавицами. В доме ни гроша. Жена, выведенная из терпения, начинает упрекать пульчинелло в распутстве.

Этим начинается драма.

Пульчинелло раскаивается, плачет, бьет себя в грудь, приговаривая: “*mea culpa*”, клянется, что никогда больше не будет кутить, умоляет жену позволить ему в последний раз раскупорить фляжку вина с тем, чтобы чокнуться с нею, в знак примирения. Бедная жена соглашается, пульчинелло отравляет ее, и хохочет над трупом.

Заметьте, что итальянский пульчинелло отравляет свою жену, английский дает ей тумака — прямо в висок, немецкий закалывает ее шпагой, а Иван Иванович Гуляка хватается за святые волосы и таскает по сцене.

Ребенок просыпается в люльке и начинает кричать, — он просит есть. Пульчинелло угощает его собственной своею грудью; ребенок артачится и выводит его из терпения. Пульчинелло берет ребенка за голову и колотит головой об стену.

Соседи сбегаются на крик. Пульчинелло выгоняет их из дому метлой, по шеям; приходит доктор, щупает пульс жены и ребенка, качает головой и просит ланцет, чтобы пустить им кровь.

Пульчинелло берет со стола ножик, отрезывает голову доктору и хохочет, взявшись за живот.

Соседи бегут за полицейским чиновником и приводят его на сцену, пульчинелло дает ему взятку, чиновник уходит. Пульчинелло хохочет. Вдруг является генерал и приказывает схватить пульчинелло, — его ведут вешать; но он притворяется, что не знает, как это надо взяться, чтобы быть повешенным (а его вешают несколько раз в день)! Палач продевает голову в веревку, чтобы показать ему, как нужно употреблять ее; а пульчинелло дергает веревку, вешает, вместо себя, палача и засыпает сном праведника.

Но злодеяния его утомили небеса; во время сна пульчинелло, прилетает бабочка и вьется около него; вот она растет, растет и острыми когтями хватается его за нос. Пульчинелло просыпается, хочет смеяться, но смех замирает на устах: эта бабочка сам Вельзевул.

“Мера злодеяний твоих переполнилась, твой час настал”, — говорит голос из-за кулис, и Вельзевул, схватив пульчинелло за нос, проваливается с ним в тартарары.

Сцена, освещенная адским огнем, от которого повсюду распространяется запах серных спичек» [Бибиков 1854: 95–96].

В приведенном фрагменте обращают на себя внимание несколько моментов. Персонажа русской комедии Бибиков знает под именем Ивана Ивановича Гуляки. Видел ли Матвей Павлович представления в России до своего отъезда в Италию (т. е. до 1841 г.) или после возвращения (т. е. после 1849 г.), неизвестно. Возможно, и до и после, так как есть ощущение, что *не раз*. При этом сам герой и тип комедии с Иваном Ивановичем Гулякой, несомненно, тот же, что и с Петрушкой: главное действующее лицо избивает/убивает всех, кто встречается на его пути. При этом итальянская пьеса, пересказанная Бибиковым, гораздо более сюжетно связана², чем ее русские аналоги. Итальянская история — это семейная драма (а вернее — трагифарс). По известным к началу 1850-х гг. описаниям, русская пьеса предстает как слабо объединенная единой темой, связанная в основном общим героем. Напомним, в пересказе Золотаренко «носатый великан» убивает солдата, лекаря, черта и утаскивается собакой; по сведениям «Московского городского листка», жертвами главного действующего лица становятся цыган, доктор, мулла, хожалый, конец героя тот же, что и в спектакле, виденном Золотаренко; практически бессюжетное представление описал Григорович. Как видно, при определенном сходстве русской и итальянской версий отечественные пьесы отличались гораздо меньшей объединенностью сюжета «семейной» темой. В то же время в каких-то вариантах последняя встречалась и в России (см. выше свидетельство Свинына). Об этом упоминает и Бибиков, отмечая, что Иван Иванович Гуляка, в отличие от своих европейских собратьев, таскает жену за волосы по сцене, видимо, имея в виду большее «милосердие» русского персонажа, который свою супругу все-таки не убивает.

Интересно также, что слово *пульчинелло* как будто бы воспринимается Бибиковым не совсем в качестве имени. Напомним замечание в «Москвитянине» 1851 г. по поводу *Петрушки* — «не принимаем этого имени за собственное». То же восприятие слова *пульчинелло* находим у Бибикова. На протяжении всего очерка он пишет его с маленькой буквы (правда, трижды оно все же написано с большой; хотя имена *Полишинель*, *Пуни*, *Гансвурст* даны с прописной), как бы подчеркивая этим, что «пульчинелло» — это род (тип) куклы, а не уникальный персонаж.

Приведенные выше, к сожалению, весьма фрагментарные данные тем не менее позволяют более зримо представить себе ситуацию бытования будущего театра Петрушки в 1840-е — начале 1850-х гг. Пьеса (различные ее варианты), занесенная из Европы в Россию, как

² То же сообщает Маньен и об английских представлениях с участием Панча [Маньен 2017: 215–216].

справедливо подметил Григорович, была без большого усердия, на скорую руку переведена (скорее — пересказана) отечественным помощником европейского кукольника — отсюда утрата сюжетной ясности. Возможно, в ее состав были включены какие-то сцены из бытовавших к этому времени собственно русских кукольных представлений. Можно осторожно предположить, что к таковым относится сцена продажи лошади: она явно не к месту в итальянской «семейной драме»³, но упоминается уже в самых ранних русских версиях. Напомним, что на наличие такой сцены в русских кукольных представлениях «намекает» зарисовка, сделанная Олеарием в России еще в XVII в. [Олеарий 1996: 197]. При этом рост популярности кукольного театра с участием Пульчинеллы или Полишинеля к середине 1840-х гг. привел, по-видимому, к потребности в замене имени главного героя русским аналогом, на роль которого, естественно, «пробовались» разные наименования (упомянутое Бибиковым Иван Иванович Гуляка, по более поздним свидетельствам, известны еще и Петр Иванович Уксусов, и Ванька Рататуй), однако наиболее популярным оказалось все же имя Петрушка и его вариации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бибилов М.П. Уличные зрелища Италии // Москвитянин. 1854. Кн. 1-2. № 6. С. 63-96.
2. Григорович Д.В. Петербургские шарманщики // Физиология Петербурга. М., 1991. С. 51-70.
3. Золотаренко В.Ф. [Петрушка на Кубани] // Народный театр. М., 1991. С. 438.
4. Кулиш А.П. Театр кукол в России XIX века: События и факты. СПб., 2007.
5. Маньен Ш. История марионеток в Европе с древнейших времен до наших дней. М., 2017.
6. Некрылова А.Ф., Гусев В.Е. Русский народный кукольный театр: учебное пособие. Л., 1983.
7. Олеарий А. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. М., 1996.

REFERENCES

1. Bibikov M.P. *Ulichnye zrelissha Italii* [Street performances in Italy]. *Moskvitjanin*. 1854. Vol. 1-2. № 6. Pp. 63-96.
2. Grigorovich D.V. *Peterburgskie sharmanshiki* [St. Petersburg organ grinders]. *Fiziologija Peterburga*. Moscow: *Nauka Publ.*, 1991. Pp. 51-70.
3. Zolotareno V.F. [*Petrushka na Kubani*] [Petrushka in Kuban]. *Narodnyj teatr [Folk Theatre]*. Moscow: *Sovetskaja Rossija Publ.*, 1991. P. 438.
4. Kulish A.P. *Teatr kukol v Rossii XIX veka: Sobytiya i fakty*. [Puppet Theater in 19th-Century Russia: Events and Facts]. St.Petersburg: *SpbGATI Publ.*, 2007. 357 p.

³ То же можно сказать про английские и французские пьесы.

5. Man'en Sh. *Istorija marionetok v Evropie s drevnejshih vremen do nashih dnei*. [The history of puppets in Europe from ancient times to the present day]. Moscow: *Mezhdunarodnoe teatral'noe agentstvo «Play&Play»; Artist. Rezhisser. Teatr; Kanon+ Publ.*, 2017. 288 p.
6. Nekrylova A.F., Gusev V.E. *Russkij narodnyj kukol'nyj teatr: uchebnoe posobie*. [Russian Folk Puppet Theater: A Study Guide]. Leningrad: *LGITMIK Publ.*, 1983. 53 p.
7. Olearij A. *Opisanie puteshestvija v Moskoviju i cherez Moskoviju v Persiju i obratno*. [Description of a journey to Muscovy and through Muscovy to Persia and back]. Moscow: «Ros. Semena» Publ., 1996. 366 p.

Поступила в редакцию 14.12.2025

Отредактирована 15.01.2026

Принята к публикации 21.04.2026

Received 14.12.2025

Revised 15.01.2026

Accepted 21.04.2026

ОБ АВТОРЕ

Светлана Павловна Сорокина — д.ф.н., ведущий научный сотрудник отдела фольклора Института мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук; sorokinasp@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Svetlana P. Sorokina — Prof. Dr., Leading Research Fellow, A.M. Gorky Institute of World Literature of Russian Academy of Sciences; sorokinasp@mail.ru

«МОСКВА» Ф. ГЛИНКИ КАК ПРЕТЕКСТ СТИХОТВОРЕНИЯ М. КОРОСТОВЕЦ «ПЕКИН»

Ли Ли

*Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Москва,
Россия; lili.msu@mail.ru*

Аннотация: Статья посвящена исследованию образа Пекина в творчестве русских поэтов-эмигрантов первой волны в Китае. Анализируется уникальный пласт русской эмигрантской литературы «восточной ветви», сложившийся в результате встречи двух цивилизаций — русской и китайской. Мы рассматриваем Пекин как особый символический локус в эмигрантском художественном сознании, представляющий собой не просто географический объект, но метафизическое понятие, воплощающее встречу Востока и Запада. У русских эмигрантов древняя китайская столица вызывала попытки символического освоения чужого пространства через художественное слово. Такое отношение к Пекину можно наблюдать, например, в стихах В. Перелешина, М. Визи, О. Скопиченко; Вс. Ник. Иванов в очерке 1931 года прямо сравнивает Пекин и Москву. Особенно выразительный пример представляет стихотворение «Пекин» М. Коростовец, построенное по модели хрестоматийного стихотворения пушкинского современника Ф. Глинки «Москва»: в статье выявляются многочисленные формальные и содержательные параллели между текстами.

Ключевые слова: стихотворение «Москва»; стихотворение «Пекин»; М.П. Коростовец; Ф.Н. Глинка; поэзия русского Шанхая

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2026-49-03-15

Для цитирования: Ли Ли. «Москва» Ф. Глинки как претекст стихотворения М. Коростовец «Пекин» // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2026. № 3. С. 189–198.

F. GLINKA'S "MOSCOW" AS THE PRETEXT OF M. KOROSTOVETS' POEM "BEIJING"

Li Li

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; lili.msu@mail.ru

Abstract: The article is devoted to the study of the image of Beijing in the works of Russian emigrant poets of the first wave in China. "The eastern branch" of Russian emigrant literature is analyzed as a unique result of the meeting of two civilizations — Russian and Chinese. We consider Beijing as a special symbolic locus in the emigrant artistic consciousness, which is not just a geographical object, but a meta-

physical concept embodying the meeting of East and West. For Russian emigrants, the ancient Chinese capital has provoked the attempts to explore a foreign space through an artistic word. Such an attitude towards Beijing can be observed, for example, in the poems of V. Pereleshin, M. Vizi, O. Skopichenko; Vs. Ivanov in his 1931 essay directly compares Beijing and Moscow. A particularly expressive example is the poem “Beijing” by M. Korostovets, modelled on a textbook poem by Pushkin’s contemporary F. Glinka “Moscow”: the article reveals numerous formal and substantive parallels between the texts.

Keywords: poem “Moscow”; poem “Beijing”; M.P. Korostovets; F.N. Glinka; poetry of Russian Shanghai

For citation: Li Li. (2026) F. Glinka’s “Moscow” as the Pretext of M. Korostovets’ Poem “Beijing”. *Lomonosov Philology Journal*, no. 3, pp. 189–198.

Для литераторов «восточной ветви» русской эмиграции Китай, как известно, стал одной из важнейших тем творчества, — это, видимо, было неизбежно (из недавних работ, посвященных исследованию того, как изображались Китай и его культура, см., напр.: [Мяо Хуэй 2015; Капинос, Кулакова, Силантьев 2017; Богданова, Юньмэй Цзан 2023]). Писали о Китае, разумеется, неодинаково, и характер связей с Китаем и отношение к нему были разными: немногие (среди них, например, В. Перелешин) знали китайский так, что могли понимать, ценить и переводить сложные тексты; кто-то попал в Китай, вынужденный оставить родину, уже во взрослом возрасте, кто-то, как тот же Перелешин, был вывезен сюда ребенком и смог воспитать в себе отношение к Китаю как к новой родине (о Китае в поэзии Перелешина см., напр.: [Цзя Юннин 2019]).

Несмотря, однако, на то, что масштабы культурной дистанции были разными и переживалась она с разной степенью интенсивности, можно все же констатировать, что Китай изображается русскими авторами чаще всего как иной, экзотический мир, в этой своей экзотичности и привлекательный, и пугающий. Тем важнее попытки увидеть в заведомо чужом — свое.

Насколько нам удалось заметить, наиболее последовательные попытки такого типа осуществляются в текстах, посвященных Пекину.

Биографически эмигранты «восточной ветви» были связаны в большей степени с другими китайскими городами: самая крупная русская диаспора, сумевшая развить на чужой земле свои культурные институты, сложилась в Харбине, и даже, кажется, в Шанхае, где русским эмигрантам жить было гораздо труднее, все же присутствие диаспоры было заметнее, чем в Пекине (и, например, литературная деятельность русских в Шанхае обсуждается поздней-

шими историками гораздо активнее, чем пребывание русских в Пекине).

Несмотря на это, посвященных Пекину литературных текстов на русском языке много, в разных жанрах (очерки, воспоминания, стихи), и как *литературная тема* он не только успешно конкурирует с Харбином и Шанхаем, но в чем-то и превосходит их. Назовем здесь хотя бы многочисленные стихотворения Перелешина о Пекине, начиная с цикла, вошедшего в его четвертую книгу, «Жертва» (1944)¹ и воспевающего сады и городские стены старого города, и заканчивая стихами, написанными спустя десятилетия после расставания с Китаем, в 1972 году (оно заканчивается строками, свидетельствующими, что Пекин стал для поэта родным городом: «это свет из того окна, / что когда-то было твоим» ([Русская поэзия Китая 2001: 410])). О Пекине писали и поэты менее известные, например, Евгений Яшнов («Зажги, Пекин, вечерние огни...») [Яшнов 1947: 99]), Мария Визи, которая, как и Перелешин, вспоминала о Пекине уже в Новом Свете в 1970-е годы, изображая мир частной, скромной и милой жизни, разрушенной, как и мир старой России, катастрофическим движением истории («Открывали маленькие лавочки / под старинной городской стеной. / Продавали нитки и булабочки, / торговали чаем и ханой... // Вот и все. Позакрывались лавочки / под разбитой городской стеной, / где цветы цвели — повяли травочки / и гитар не слышно... ни одной») ([Русская поэзия Китая 2001: 115]; для Ольги Скопиченко («Высокая белая лестница к башне...», перв. пол. 1980-х? [Русская поэзия Китая 2001: 510] «забытая сказка большого Китая», как и старая Россия, — потерянный мир, но с ним связываются представления не о разрушенной мирной жизни, а о разрушенной империи; объединяя себя с иноплеменными современниками, Скопиченко говорит — «мы»: «В кровавом столетьи мы сказок не знаем, / И нет у нас сказочных снов».

Переходя от лирической поэзии к претендующему на большую фактическую точность изображению внешнего мира жанру очерка, заметим, что начинают эмигранты-очеркисты, конечно, с констатации очевидных различий между Пекином и Европой: так, «одновременно и чуждым, и очаровательным» называет этот город Николай Васильевич Устрялов в «Образах Пекина» (1925)². Но уже несколько лет спустя, в 1931 г., Всеволод Никаноровича Иванов пишет о Запретном Городе: «Красные стены окружают резиденции императора. И когда вы смотрите на эти цветистые, красные стены,

¹ Перелешин В.Ф. Жертва: Четвертая кн. Стихотворений. Харбин, 1944.

² Устрялов Н.В. Образы Пекина // Вестник Маньчжурии. 1925, № 1. Цит. по: https://cnbdvo.elpub.ru/file_viewer/925

цветные изразцы, что покрыли их, на золотые знаки на синем поле над кованными воротами, на позолоту шпилей — так и видите — Москва. В центре Пекина — Кремль. Не хватает лишь колокольни Ивана, чтобы иллюзия эта стала совершенной. Какими же узами связаны мы, русские, с Китаем? Кто был он, кто, побывав в Китае, вывез нам каменную сказку китайского Кремля, или, вернее, саму фантастику сказки, просветленную у нас и христианством наших церквей, и цветущими душистыми коврами лугов по холмам берегов Москва-реки? В Москве — Китай город»³.

Сближение Пекина и Москвы осуществляется при помощи обращения к русской традиции стихов о Москве в творчестве Марии Павловны Коростовец (1899–1975), одной из участниц русской литературной диаспоры в Пекине и Шанхае, члена шанхайского кружка «Пятница» и одного из авторов известного поэтического сборника «Остров».

С Китаем Коростовец была связана биографически очень тесно и, как можно думать, знала его хорошо, оказавшись здесь не случайно: дочь П. Попова, консула Российской империи в Монголии и специалиста по китайской лексикографии, она была к тому же невесткой И.Я. Коростовца, дипломата и востоковеда, автора многих работ о Китае, в частности, монографии «Китайцы и их цивилизация» (1896). Как указывает О.Ф. Кузнецова, Коростовец «большую часть жизни прожила в Пекине, хорошо знала китайский» (правда, нам пока не удалось найти подтверждающих это документальных данных). В. Перелешин упоминает ее «стихи о Китае» и отмечает, что «в ее творчестве тонкий лиризм соединялся с темами из китайской истории и мистики» [Кузнецова 2020: 444, 443]. Именно к таким произведениям относится стихотворение «Пекин»⁴. Хотя оно и не опубликовалось, приведем его здесь полностью:

Самый странный город в свете,
Город ярких крыш,
Над тобою цепь столетий
Пронеслась — ты спишь!

Величавые громады
Храмов и дворцов
Под немолчный звон цикады
Видят стаи снов.

³ Иванов Вс. Пекин // Багульник: литературно-художественный сборник. Харбин, 1931.

⁴ Подписанное «Мария К.», стихотворение было впервые опубликовано в харбинском журнале «Рубеж» в 1942 г. (№ 46, с. 10).

И задумчивые ивы
В зеркале озер
Наблюдают сиротливо
Лотосов ковер.

В парке — видела воочью —
Бродит Кубилай...
Или это сторож ночью
Обошел Бэйхай?

Город завтрашний — вчерашний
В зелени садов.
Под стеной у старой башни
Много верблюдов...

Желтый ветер крутит тонкий
Лёссовый туман —
Скачет в лесе копий звонко
Старый Тамерлан.

Нас влекут по глади четкой —
Тсс... не надо слов...
Ярко убранные лодки
Вглубь восьми веков.

[Русская поэзия Китая 2001: 253]

Представляется, что перед нами рассчитанный на узнавание «перепев» знаменитого стихотворения Ф. Глинки «Москва», которое стало популярным еще до публикации, расходясь в списках (см., напр.: [Чепелевская 1999: 237]). Впоследствии это риторически эффектное, звучное, патриотическое произведение стало хрестоматийным, включалось в антологии для гимназистов и школьников. Сомневаться в том, что оно было известно Коростовец и ее читателям, не приходится. Напомним его здесь:

Город чудный, город древний,
Ты вместил в свои концы
И посадки и деревни,
И палаты и дворцы!

Опоясан лентой пашен,
Весь пестреешь ты в садах:
Сколько храмов, сколько башен
На семи твоих холмах!..

Исполинскою рукою
Ты, как хартия, развит,
И над малою рекою
Стал велик и знаменит!

На твоих церквах старинных
Вырастают деревья;
Глаз не схватит улиц длинных...
Эта матушка Москва!

Кто, силач, возьмет в охапку
Холм Кремля-богатыря?
Кто собьет златую шапку
У Ивана-звонаря?..

Кто Царь-колокол подымет?
Кто Царь-пушку повернет?
Шляпы кто, гордец, не снимет
У святых в Кремле ворот?!

Ты не гнула крепкой выи
В бедовой своей судьбе:
Разве пасынки России
Не поклонятся тебе!..

Ты, как мученик, горела
Белокаменная!
И река в тебе кипела
Бурнопламенная!

И под пеплом ты лежала
Полоненною,
И из пепла ты восстала
Неизменною!..

Процветай же славой вечной,
Город храмов и палат!
Град срединный, град сердечный,
Коренной России град!

Формальное сходство стихотворений очевидно. Оба они начинаются с обращения к городу («ты»), оформленного как восклицание, эти обращения содержат характеристику города, которая выстраивается эпитетами (чудный, древний, странный), а также содержит утверждение о том, что сделал город или делает сейчас (ты вместил, ты спишь); в первой строфе каждого стихотворения слово «город» повторяется дважды.

Отметим также ритмическую сопоставимость (не тождество: у Глинки в основном, за исключением двух строф, четырехстопный хорей, у Коростовец чередуются строки четырехстопного и трехстопного хорая, возможно, не без влияния лермонтовского «Спора», — зато дополнительно сближает одинаковая перекрестная рифмовка с чередованием женских и мужских клаузул, как и то, что оба стихотворения состоят из катренов).

Есть и другие черты сходства. Так, например, перед финалом стихотворений говорится о неудачных попытках завоевания городов: Глинка вспоминает о пожаре 1812 года и о том, как Москва «из пепла... восстала», освободившись от плена; в предпоследней строфе «Пекина» Коростовец называет Тамерлана, планировавшего поход на Китай, но не осуществившего своих планов.

Есть совпадения (заимствования?) на уровне образности, лексики: оба поэта говорят о величественных размерах («Глаз не схватит улиц длинных», «Величавые громады»), оба города полны садов и парков («Весь пестреешь ты в садах», «Город... В зелени садов»); непременно упоминается вода («Над малою рекою», «В зеркале озер»). Современный исследователь пишет о Москве Глинки: «акцентируемая неотделимость исторического центра от живой природы, окружающей и пронизывающей весь город, лишь подчеркивает то, что он естественно, органично вырастает над малою рекой» [Чепелевская 1999: 238], и эти слова совершенно применимы к «Пекину». Заметим, что в стихах русского поэта о русском городе больше прямых указаний на конкретные локусы (Кремль-Богатырь, Иван-звонарь, Царь-колокол, Царь-пушка, святые Кремлевские ворота; у Коростовец только Бэйхай и «старая башня», видимо, вполне определенная).

Различия, разумеется, тоже есть. Москва у Глинки, конечно же, древняя, но о событиях прошлого говорится немного (только о пожаре 1812 года), финал стихотворения обращен в будущее, это призыв: «Процветай же славой вечной!..».

У Коростовец о прошлом Пекина сказано не просто больше: сказано иначе. В том мире, где живет лирическая героиня, присутствуют тени прошлого: «В парке — *видела воочью* — / Бродит Кубилай...» (курсив наш). (Напомним, что Кубилай (Хубилай, он же «Кубла-хан» у Кольриджа) — монгольский правитель Китая (XIII в.); современники, например Марко Поло, писали о садах и парках в построенных им городах как о чуде.) Говоря о еще одном правителе и завоевателе, поэтесса также употребляет глагол настоящего времени: «Скачет в лесе копий звонко / Старый Тамерлан». Возможно, здесь перед нами не литературная условность, а отражение особенностей мировоззрения Коростовец, склонной к мистицизму (сви-

детельства об этом есть у Перелешина). Финал «Пекина», в отличие от финала «Москвы», обращен в прошлое: «Нас влекут по глади четкой — / Тсс... не надо слов... / Ярко убранные лодки / Вглубь восьми веков».

Эмоциональное содержание стихотворений различно. «Москва» Глинки звучит оптимистично, тон автора исполнен уверенности. У Коростовец дан образ города культурно текучего, объединяющего разные культуры (фигура из прошлого, Кубилай, — не китаец), тон автора сдержанный, может быть, потому, что поэтесса, в отличие от Глинки, говорит о мире, который не был для нее вполне родным. Можно сказать, что у поэтов различные перспективы: Коростовец смотрит извне, поэтому первое, что она говорит о Пекине, — «самый странный город в свете» (для Глинки, пишущей о своей родине, Москва — «матушка»).

Зачем же Коростовец самой структурой своего стихотворения о Пекине напоминает читателю о знаменитом стихотворении Глинки? Единственного ответа на этот вопрос у нас нет. Поэты русского модерна (а черты модерна с некоторым запозданием проявлялись в творчестве поэтов-эмигрантов первой волны в Китае), как известно, вообще нередко «переписывали» классические тексты (в последнее время конкретные примеры такого «переписывания» активно исследует, например, Д.М. Магомедова (см., напр.: [Магомедова 2018])). Возможно предположить, что судьба и стихи Глинки у Коростовец образовали эмоциональный контраст к ее собственной судьбе эмигранта и ее стихов: Глинка писал о вполне своем, а Коростовец оказалась вынуждена увидеть свое в чужом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Богданова О.В., Юньмэй Цзан. «Восточная ветвь» русской поэтической эмиграции (1920–1940-е годы). СПб., 2023.
2. Иванов Вс. Пекин // Багульник: литературно-художественный сборник. Харбин, 1931. С. 154.
3. Капинос Е.В., Куликова Е.Ю., Силантьев И.В. Русский Китай как историческая летопись и как лирический сюжет (“Поэма без предмета” и “Два полустанка” В. Перелешина) // Сибирский филологический журнал. 2017. № 2. С. 87–109.
4. Кузнецова О.Ф. Архив Валерия Перелешина в Отделе рукописей ИМЛИ РАН. Литераторы русской диаспоры Китая 1930–1940-х годов. М., 2020.
5. Литература русских эмигрантов в Китае. Т. 2: Паровозы гудят у Цицикара / сост. Мяо Хой. Пекин, 2005.
6. Магомедова Д.М. Переписывание сюжета о «новых людях» в русской прозе конца XIX – начала XX века (В.В. Вересаев и З.Н. Гиппиус) // Новый филологический вестник. 2018. № 2. С. 118–127.

7. *Мяо Хуэй*. Изображение традиционной китайской культуры в русской эмигрантской литературе в Китае. Дисс. ... канд. филологич. наук. Владивосток, 2015.
8. *Русская поэзия Китая: Антология* / Сост. В. Крейд и О. Бакич. М., 2001.
9. *Цзя Юннин*. Образ Китая в поэзии Арсения Несмелова и Валерия Перелешина. Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2019.
10. *Чепелевская Т.И.* Образ Москвы в журнале «Москвитянин»: поэзия Ф.Н. Глинки // *Славянский альманах* 1998. М., 1999. С. 235–247.
11. *Яшнов Е.Е.* Стихи. Шанхай, 1947.

REFERENCES

1. Bogdanova O.V., Yun`me`j Czzan. «*Vostochnaya vetv`*» *russkoj poe`ticheskoj e` migracii (1920–1940-e gody)* [The “Eastern branch” of Russian Poetic Emigration (1920–1940s)]. St. Petersburg: Aletejya Publ., 2023. 208 p.
2. Ivanov Vs. Pekin [Beijing]. *Bagul`nik: literaturno-hudozhestvennyj sbornik* [Ledum: Literary and Artistic Collection]. Harbin, 1931, p. 154.
3. Kapinos E.V., Kulikova E.Yu., Silant`ev I.V. Russkij Kitaj kak istoricheskaya letopis` i kak liricheskij syuzhet (“Poe`ma bez predmeta” i “Dva polustanka” V. Pereleshina) [Russian China as a Historical Chronicle and as a Lyrical Plot (“A Poem without a Subject” and “Two Stops” by V. Pereleshin)]. *Sibirskij filologicheskij zhurnal* [Siberian Journal of Philology]. 2017. № 2. Pp. 87–109.
4. Kuznetsova O.F. *Arhiv Valeriya Pereleshina v Otdele rukopisej IMLI RAN. Literaturnyj diaspory Kitaya 1930–1940-h godov* [Archive of Valery Pereleshin in the Department of Manuscripts of the IMLI RAS. Russian Diaspora Writers in China of the 1930s and 1940s]. Moscow: IKAR Publ., 2020. 520 p.
5. *Literatura russkih emigrantov v Kitae. Vol. 2: Parovozy gudyat u Cicikara / sost. Myao Hoj.* [Literature of Russian Emigrants in China. Vol. 2: Steam Locomotives Are Humming at the Tsiqihar / Comp. by Miao Hoi]. 2005. Beijing, *Chinese Youth Publ.*, 706 p.
6. Magomedova D.M. Perepisy`vanie syuzheta o «novy`x lyudyax» v russkoj proze konca XIX — nachala XX veka (V.V. Veresaev i Z.N. Gippius) [Rewriting the Plot of the “New People” in Russian Prose of the Late 19th — Early 20th Century (V.V. Veresaev and Z.N. Gippius)]. *Novy`j filologicheskij vestnik* [The New Philological Bulletin]. 2018. № 2. P. 118–127.
7. Myao Xue`j. *Izobrazhenie tradicionnoj kitajskoj kul`tury` v russkoj e` migrantskoj literature v Kitae* [The Image of Traditional Chinese Culture in Russian Emigrant Literature in China]. Diss. ... kand. filologich. nauk [PhD in Philology Theses]. Vladivostok, 2015. 173 p.
8. *Russkaya poeziya Kitaya: Antologiya* [Russian Poetry of China: Anthology] / Comp. by V. Krejd & O. Bakich. Moscow: *Vremya Publ.*, 2001. 718 p.
9. Czzya Yunnin. *Obraz Kitaya v poe`zii Arseniya Nesmelova i Valeriya Pereleshina* [The Image of China in the Poetry of Arseny Nesmelov and Valery Pereleshin.]. Diss. ... kand. filol. nauk [PhD in Philology Theses]. Moscow, 2019. 165 p.
10. Chepelevskaya T.I. *Obraz Moskvy v zhurnale «Moskvityanin»: poeziya F.N. Glinki* [The Image of Moscow in the *Moskvityanin* Magazine: F.N. Glinka` Poetry]. *Slavyanskij al`manah* 1998. [Slavic Almanac 1998]. Moscow: *Indrik Publ.*, 1999, pp. 235–247.

11. Yashnov E.E. *Stixi* [Verses]. Shanghai: L.G. Bessonova-Yashnova Publ., 1947. 100 p.

Поступила в редакцию 11.01.2026

Отредактирована 15.02.2026

Принята к публикации 21.04.2026

Received 11.01.2026

Revised 15.02.2026

Accepted 21.04.2026

ОБ АВТОРЕ

Ли Ли — соискатель кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова; lili.msu@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Li Li — PhD Student, Department of the History of the Contemporary Russian Literature and Modern Literary Process, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; lili.msu@mail.ru

ЧЕГО ИМ НЕ ХВАТАЕТ У ЧЕХОВА?

В.Б. Катаев

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; kataev2003@yandex.ru

Аннотация: Информационным поводом для полемической реплики послужило выступление писателя Александра Мелихова (2020), который вслед за многими другими (в частности, вслед за Фадеевым, утверждавшим подобное еще в 1944 г.) видит некую ограниченность художественного мира Чехова в том, что у Чехова якобы нет «сильных» людей и изображения их действий. Такая оценка творчества Чехова представляется автору статьи следствием попытки применить к нему модели восприятия, сформированные культурой предшествующей эпохи, «героцентричной» литературой XIX века, приучившей судить о значимости писателя по масштабности его героев; по мнению автора статьи, героическое начало в мире Чехова присутствует, но предопределено не изображением подвигов персонажей, а личностью самого автора, и героическое здесь проявляется в авторском поведении (это и дерзость в нарушении ожиданий читателей и критики, и мужество в последовательном проведении своей линии, и сила художнического преодоления материала).

Ключевые слова: Чехов; Александр Мелихов; Александр Фадеев; героическое

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2026-49-03-16

Для цитирования: Катаев В.Б. Чего им не хватает у Чехова? // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2026. № 3. С. 199–204.

WHAT DO THEY LACK IN CHEKHOV?

Vladimir B. Kataev

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; kataev2003@yandex.ru

Abstract: This article presents a polemical answer the writer Alexander Melikhov, who, in 2020, like many others before him (in particular, Fadeev, who claimed this back in 1944), points at a certain “limitation” of Chekhov’s artistic world due to the fact that Chekhov allegedly does not depict “strong” people. This assessment of Chekhov’s work seems to the author of the article to be the result of attempts to apply models of perception formed by the culture of the previous era, the “hero-centric” literature of the 19th century, accustomed to judge the importance of the writer by the magnitude scale of his characters; according to the author of the article, the heroic element in Chekhov’s world is present, but it is by the personality of the author

himself, and the heroic here is manifested in the author's behaviour (this is audacity in violating the expectations of readers and critics, and courage in consistently pursuing his line, and the power of artistic overcoming of the material).

Keywords: Chekhov; Alexander Melikhov; Alexander Fadeev; heroic

For citation: Kataev V.B. (2026) What Do They Lack in Chekhov? *Lomonosov Philology Journal*, no. 3, pp. 199–204.

Писатель Александр Мелихов (главный редактор журнала «Нева») посетил в недавние годы несколько чеховских конференций — в Мелихове, Москве. Выступив на них, он опубликовал статью «Чем утешает Чехов. О красоте, вырастающей из обыденности, и эстетизации бессилия» («Литературная газета», 19–25 февраля 2020. С. 8). То понимание сути чеховского творчества, которое отразилось в этой статье, напомнило мне еще одно давнее выступление и вызывает у меня желание вступить в спор. Это давнее выступление — статья о Чехове Александра Фадеева, написанная в 1944 году.

Взгляд на Чехова Фадеева и, в наши дни и с иными конкретизирующими аргументами, Мелихова во многом сходен.

Разумеется, оба писателя признают высочайший уровень художественности чеховских произведений. Мелихов: он еще в студенческие годы, прочитав «Скучную историю», «обомлел от еще невиданного сдержанного благородства и непонятно как из такой обыденности берущейся красоты». В статье мелькает слово «гениальный», перечисляются отдельные ипостаси чеховского таланта: «тонкий лирик», «проницательный ироник», «безжалостный изобразитель тупости и зверства». Сказано об искренней любви к Чехову «громовержца» Льва Толстого, о мировом культе Чехова-драматурга.

В своем последнем романе «Испепеленный» Мелихов ставит читателей перед непростыми вопросами: как представители различных этнических и религиозных групп вписываются в понятие национального характера? И здесь, в этом вопросе, в русской художественной литературе герои Мелихова главным видят авторитет Чехова. «Ангел превыше всего ценил Чехова-поэта — “Счастье”, “Степь”...» Заселенная людьми разных религий «Степь» затрагивает и еврейский вопрос. Семья Моисея Моисеича поначалу кажется Егорушке чем-то чужеродным, странным. Но подаренный хозяйкой Егорушке на прощание пряник в виде сердца будет согревать и возвращать ему чувство дома. Таким, утверждает в романе Мелихов, видится Чехову национальный характер, терпимый к различным верованиям на своей земле.

Таким образом, и в целом и в частностях, и в поэтике и в жизни Чехов для Александра Мелихова стоит на недостижимой высоте. Казалось бы, приятие безусловное, безоговорочное. Но...

Обратимся еще раз к статье. Все-таки главными, итоговыми составляющими суть чеховского мира в ней названы две: «эстетизация бессилия» и «дискредитация силы». Названы и безусловно осуждены. Как поясняются эти определения? Вслед за Львом Шестовым Мелихов готов повторить: Чехов был певцом безнадежности, убивал всеми способами человеческие надежды. В глазах Мелихова Чехов не справлялся с защитой человека от ощущения собственной мизерности и мимолетности. Чехов изобразил всю Россию, но у него нет ни одного счастливого, захваченного своим делом человека, другими словами, нет у Чехова положительных героев. Иной раз, признается писатель, «мне хочется назвать мир Чехова гениальной клеветой на божий мир». Истинных героев русской жизни, например титанов «Народной воли», Чехов в «Рассказе неизвестного человека» представляет в пародийном изложении пошляков. А ведь сам он вел подвижническую жизнь и, откликаясь на смерть Пржевальского, умел видеть героев и восторгаться ими. Изображал же он людей, «которые достаточно возвышаются над средой <...> но не настолько, чтобы сделаться героями и вождями». «Устранив из своего мироздания могучих и целеустремленных», Чехов сосредоточился на изображении слабых и лишенных цели.

Так, признавая присутствие огромных достоинств и в то же время указывая на видимые ему отсутствия, воспринимает мир Чехова Александр Мелихов.

Такое же двоякое видение Чехова и отношение к нему можно встретить и в упомянутой давней статье Александра Фадеева (да и не только в ней: на самом деле это самая частотная и устойчивая парадигма упреков и даже обвинений Чехову).

Статья Фадеева открывается утверждением, что Чехов — «несомненно, один из самых чудесных писателей на земле», и перечислением самых выразительных и занимательных сторон чеховских рассказов. «Чехов необыкновенно чист, прозрачен, прост». Но — и далее следует череда упреков, перечисления того, чего недостает у Чехова. Мол, были же в России в чеховское время рядовые Мичурины, рядовые Горькие, наконец, рядовые Ленины — а он никого подобного не изобразил.

Откликаясь на книгу Владимира Ермилова, Фадеев напишет об ограниченности Чехова, называя ее «ограниченностью политической»: это отсутствие у него «положительных образов людей из народа». Сразу делая при этом оговорку, что это «не снимает величия

духовного — в том числе писательского — облика Чехова». Снова та же двойственность.

И приведенные мною примеры находятся, повторяю, в длинном ряду сходных суждений.

Ведь этот упрек — в том, что нет у Чехова положительных героев, воплотивших лучшие потенции русской жизни, — в разное время бросали то натуралист Боборыкин (он-то показал положительного купца в «Василии Теркине»), то монархист Солоневич (мол, слабые герои Чехова не могли бы создать могучей страны), то соц-реалист Александр Фадеев, то наш современник Александр Мелихов.

К этой ставшей стандартной схеме по сути прибегал и Александр Солженицын в своих заметках «Окунаясь в Чехова». При всей комплиментарности по отношению к отдельным рассказам и отдельным сторонам чеховского мастерства, солженицынское толкование включает то, «чего, по-моему, не хватает Чехову». И — «в чем слабости Чехова».

И первый упрек — отсутствие положительного героя, изображения положительных сил русской жизни. Чехов «не видит нигде в России людей деловых, умных, энергичных созидателей, которыми только стоит страна». Преобладание ноющих героев (в рассказах об интеллигенции)...

И тут не знаешь, чему удивляться: так не замечать черту, дистанцию, отделяющую автора от персонажей, хоть «ноющих», хоть «не ноющих», автора сильных, крепких повествований о слабых людях! Все приводившиеся выше сетования и упреки игнорируют то основное правило понимания создаваемых писателями творений, о котором говорил Лев Толстой:

«Цемент, который связывает всякое художественное произведение в одно целое и оттого производит иллюзию отражения жизни, есть не единство лиц и положений, а единство самобытного нравственного отношения автора к предмету. <...> Что бы ни изображал художник: святых, разбойников, царей, лакеев — мы ищем и видим только душу самого художника».

И вот тут надо сказать о том шаблоне читательского и критического восприятия и понимания художественного произведения, который воспитала у нас литература XIX века. Она сделала привычным осознавать себя, открывать смысл действительности через образы литературных героев. Считать критерием значительности произведения образ созданного в нем героя, судить о значимости писателя по масштабности и типичности его героев. По определению Толстого, этот подход свойствен «людям мало чутким к искусству», тому, может быть, большинству читателей, для которых первичная

действительность произведений — герои и сюжеты — заслоняет сложную систему ее отношений с глубинной структурой образа автора.

Популярные в чеховскую эпоху у читателей и критики писатели Потапенко, Вас. Немирович-Данченко, Станюкович, Боборыкин представляли те или иные формы «передовитости», формы деятельности своих положительных и идеальных героев. Читательский интерес к ним пришел и ушел вместе с определенным отрезком времени. Но сам пафос «героецентризма» остался.

А для Чехова важнее, чем создание типа, образа героя времени — иная литературная установка. Ее можно определить так: исследование природы человеческой ориентации в мире. При этом проверке на истинность и прочность подлжит любая претензия на героичность, «передовитость», на знание правды — и вообще любая из принятых форм определения человеческой сущности. В его художественном мире определенность «героя времени» или просто «героя» становится относительной, чаще всего не соответствующей критериям «настоящей правды», напоминать о которой Чехов никогда не устает. Иной концепции художественного мира соответствует иной художественный язык, выработывавшийся Чеховым. Так, тех, кто, казалось бы, напрашивается на звание «героя времени», «человека подвига», у Чехова непременно сопровождает ирония; небоязнь иронии в описании героического — знак высшей смелости творца.

И надо определенно ответить всем упрекавшим: герой в мире Чехова есть, это сам Чехов. Несомненные признаки героизма в образе автора (дерзость в нарушении ожиданий читателей и критики, мужество в последовательном проведении своей линии, сила художнического преодоления материала и т. д.) заслонялись для большинства очевидным отсутствием героичности в первичной реальности чеховских произведений.

«Чехов устранил из своего мироздания могучих и целеустремленных»? Он «не видит нигде в России людей деловых, умных, энергичных созидателей, которыми только стоит страна»? Да ведь русский писатель стал одним из духовных наставников человечества, разве созданное им художественное мироздание не стало одним из признанных вкладов России в мировую культуру?

Надо твердо признать присутствие героического начала в мире Чехова.

Поступила в редакцию 11.01.2026

Отредактирована 25.01.2026

Принята к публикации 21.04.2026

Received 11.01.2026
Revised 25.02.2026
Accepted 21.04.2026

ОБ АВТОРЕ

Владимир Борисович Катаев — д.ф.н., профессор кафедры истории русской литературы филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; kataev2003@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Vladimir B. Kataev — Prof.Dr., Professor, the Department of Russian Literature History, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; kataev2003@yandex.ru

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

ВСЕРОССИЙСКАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «КЛАССИЧЕСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ В КОНТЕКСТЕ МИРОВОЙ КУЛЬТУРЫ — XVIII. НАУЧНЫЕ ЧТЕНИЯ, ПОСВЯЩЕННЫЕ 90-ЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ МАРИНЫ НИКОЛАЕВНЫ СЛАВЯТИНСКОЙ»

А.И. Солопов, Е.В. Антонец

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; scatebr@mail.ru, evantonetz@yandex.ru*

Аннотация: Статья содержит аналитический обзор докладов, прозвучавших на Всероссийской научной конференции «Классическая филология в контексте мировой культуры — XVIII. Научные чтения, посвященные 90-летию юбилею Марины Николаевны Славятинской», которая состоялась 5–6 декабря 2025 г. на филологическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова. В конференции приняли участие 35 исследователей из Москвы, Санкт-Петербурга, Петрозаводска, Долгопрудного и Сергиева Посада. Тематика конференции охватила широкий круг проблем классической филологии, византиноведения, методики преподавания дисциплин античного цикла, а также вопросы лингвистики, античной философии, патрологии, рецепции античной литературы, методологии науки.

Ключевые слова: классическая филология; история античной литературы; греческий язык; латинский язык; методика преподавания классических языков; рецепция античности

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2026-49-03-17

Для цитирования: Солопов А.И., Антонец Е.В. Всероссийская научная конференция «Классическая филология в контексте мировой культуры — XVIII. Научные чтения, посвященные 90-летию юбилею Марины Николаевны Славятинской» // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2026. № 3. С. 205–212.

ALL-RUSSIAN SCIENTIFIC CONFERENCE “CLASSICS IN THE CONTEXT OF THE WORLD CULTURE — XVIII. DEDICATED TO THE 90th BIRTHDAY OF MARINA NIKOLAEVNA SLAVYATINSKAYA”

Alexei I. Solopov, Ekaterina V. Antonets

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; scatebr@mail.ru, evantonetz@yandex.ru

Abstract: This article provides an analytical review of the papers presented at the All-Russian Scientific Conference “Classics in the Context of World Culture — XVIII. Dedicated to the 90th Birthday of Marina Nikolaevna Slavyatinskaya” held on December 5–6, 2025, at the Faculty of Philology of Lomonosov Moscow State University. Thirty-five researchers from Moscow, St. Petersburg, Petrozavodsk, Dolgoprudny, and Sergiev Posad participated in the conference. The conference topics covered a wide range of issues in classical philology, Byzantine studies, and the methods of teaching classical subjects, as well as linguistics, ancient philosophy, patrology, the reception of ancient literature, and the methodology of scholarship.

Keywords: Classics; history of ancient literature; Greek language; Latin language; methods of teaching classical languages; reception of antiquity

For citation: Solopov A.I., Antonets E.V. (2026) All-Russian Scientific Conference “Classics in the Context of the World Culture — XVIII. Dedicated to the 90th Birthday of Marina Nikolaevna Slavyatinskaya.” *Lomonosov Philology Journal*, no. 3, pp. 205–212.

5–6 декабря 2025 г. на филологическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова состоялась Всероссийская научная конференция «Классическая филология в контексте мировой культуры — XVIII. Научные чтения, посвященные 90-летию юбилею Марины Николаевны Славятинской». Конференция в честь М.Н. Славятинской, известного филолога-классика, выдающегося организатора науки, бессменного руководителя учебно-методического объединения преподавателей классических языков, собрала 35 исследователей из различных вузов и научно-исследовательских учреждений Москвы, Петербурга, Петрозаводска, Долгопрудного и Сергиева Посада (МГУ, СПбГУ, ПетрГУ, ИВИ РАН, ИЛИ РАН, ИЯз РАН, ИМЛИ РАН, МГЮА, МГЛУ, ВШЭ, МГПУ, РАНХиГС, Литературного института им. А.М. Горького, МФТИ, ПСТГУ, 1-го МГМУ им. И.М. Сеченова), а также из Московской Духовной Академии (г. Сергиев Посад) и Сретенской Духовной Академии.

М.Н. Славятинская отдала Московскому университету более 60 лет плодотворной деятельности. Одной из основных сфер ее работы остается организация и проведение конференций учебно-методического объединения преподавателей классических языков

и других дисциплин античного цикла, на которые собираются учителя, преподаватели вузов, гимназий, лицеев, духовных семинарий из разных городов России и некоторых сопредельных стран. Конференция всегда служила мощным стимулом для поддержания классического образования в нашей стране. Другим важным направлением работы М.Н. Славятинской является издание научных и учебно-методических пособий, главнейшее из которых — ее учебник древнегреческого языка, выдержавший несколько изданий и остающийся одним из основных на филологическом факультете МГУ. Конференция, приуроченная к славному юбилею Марины Николаевны, отразила широкий круг научных и методических вопросов.

Конференцию открыл заведующий кафедрой классической филологии МГУ, профессор А.И. Солопов, выступивший с кратким обращением к участникам конференции, в котором рассказал о научной и преподавательской деятельности юбиляра.

Значительная часть выступлений касалась традиционных вопросов интерпретации текстов античных авторов. В докладе Э.В. Янзиной (МГУ) и О.В. Корнеева (МГПУ) «“Почти равен самому Гераклу”»: о роли спортивных достижений в возвеличивании правителя» представлено исследование ряда греческих текстов византийской эпохи, посвященных императору Василию I Македонянину (правил в 867–886 гг.) и его спортивным достижениям, и проведен их лексико-терминологический анализ. А.Е. Кузнецов (МГУ) в выступлении «Философ и влюбленный: интерпретация Plutarchus, Quomodo quis suos in uirtute paranda sentire possit profectus 81d» дал развернутый комментарий к этому месту малоизвестного трактата Плутарха. О.В. Алиева (НИУ ВШЭ) в докладе «“Беременный” или “фертильный”? О значении ἐγκύμων в “Теэтете” 148e» предложила собственную интерпретацию значения древнегреческого прилагательного ἐγκύμων в диалоге Платона «Теэтет». По ее мнению, прилагательное ἐγκύμων у Платона в майевтическом контексте означает не «беременный», а скорее «фертильный», указывая на состояние души, готовой к рождению истины под воздействием прекрасного. Этот смысл подтверждается контекстом «Пира», где Диотима сближает эротическое вожделение с родовыми муками, делая красоту необходимой для самого акта «разрешения» (τόκος). И.Р. Гимадеев (МГУ, МФТИ) выступил с докладом «К интерпретации Ног. с. I 11, 5», в котором рассмотрел сложный для понимания пассаж оды Горация «К Левконое» и предложил понимать глагол debilito не как «ослаблять», а как «ударять друг о друга, сталкивать друг с другом, сшибать», т. е. вернуться к тому пониманию, которое существовало в XVIII — начале XIX в. и отражено в словаре Форчеллини и в ком-

ментарии И.К. Орелли. В докладе *иеродиакона Григория (Трофимова)* (МДА, ПСТГУ) «Астрономическая терминология свт. Григория I Великого: библейские и античные источники» были проанализированы названия звезд и созвездий в сочинениях свт. Григория Великого. В частности, были отмечены пункты расхождения между понятийным аппаратом данного автора, античной и современной астрономической терминологией. По мнению докладчика, определенная шаткость терминологии св. Григория связана не с незнанием астрономии и естественных наук в целом, а с жанровыми особенностями его толкований, для которых характерны весьма спонтанные переходы от одних образов к другим. *И.С. Селиванов* (МФТИ) в докладе «Специфика метафоричности клинкового языка Цицерона» рассмотрел семантику и образность лексем, обозначающих кинжал и клинок, в сочинениях Цицерона.

Ряд сообщений был посвящен грамматике классических языков. Доклад *С.Г. Болотова* (МГУ) «“*Ἀρματ’ ἀνάκτων* [колесницы владык их]” — “*ἔρρον ἐτύχθη* [загорелся дело]”: битва за дигамму и экстраметрические слоги» был посвящен вопросам фонетики гомеровского языка. *А.А. Брайловская* (МГУ) в докладе «Особенности падежных значений флексии -φι в раннегреческом языке» проследила статистическое распределение трех основных значений флексии -φι — инструментального, локативного и дативного — от микенского до гомеровского греческого языка. В докладе *А.М. Белова* (МГУ) «О (возможных) безударных акутах и циркумфлексах в греческом» обсуждались акцентные соответствия между греческим и праславянскими языками, наблюдаемые на основании данных монофтонгизации. Высказано предположение, что сходство в реализации долгот разных типов обслуживало тональные различия не только в праславянском, но и в греческом, в том числе в относительно исторические времена. Доклады *Ф.Б. Альбрехта* (Литературный институт им. А. М. Горького, МГЛУ) «Конструкция *ablativus absolutus* в свете антинормы возможностей языковой системы и избирательности нормы (узуса)» и *А.О. Захарченко* (МГУ, МГЛУ) «Конструкция *ablativus absolutus* в прозе Цезаря: диахронический аспект» осветили употребление оборота *ablativus absolutus* в латинском языке. *А.А. Трофимов* (ИЯз РАН, МГЮА, РАНХиГС) в выступлении «Два возможных случая действия ассимиляции и диссимиляции в латинском языке: правило Вальде и переход смычных в **m*» рассмотрел два случая ассимилятивных и диссимилятивных процессов в латинском языке. Один из них — диссимиляция двух придыхательных согласных в праформе при наличии плавного по соседству, отмеченная А. Вальде в 1906 г. и действующая в нескольких латинских словах; другой процесс — ассимиляция звонких смычных в *m*

при соседстве с носовыми, ср. *femur, feminis* ~ праслав. **bedro*. Доклад *Н.А. Василенко* (МГУ) «Слогораздел в редакторской правке Сервата Лупа» был посвящен проблеме слогораздела в латинском языке и его отражению в писцовой и редакторской деятельности выдающегося каролингского ученого Сервата Лупа (ок. 805–862 гг.). *А.Ю. Кузьменко* (1-й МГМУ им. И.М. Сеченова, СДА) в сообщении «Реконструкция региональных вариантов латинского языка: проблемы, методы, перспективы» рассмотрела методические проблемы выделения региональных вариантов латинского языка.

На конференции было уделено внимание различным аспектам греко-римских древностей. *А.В. Подосинов* (МГУ, ИВИ РАН) выступил с докладом «Византийская карта мира из рукописи XIV в. MS Vat. Gr. 915», где рассмотрел пока малоизученный вопрос о степени распространенности в Византии географических карт. Доклад *Т.Л. Александровой* (ИМЛИ РАН) «Представления о разуме животных в античности» был посвящен взглядам античных авторов на проблему разума у животных и различным традициям, среди которых пифагорейская и платоническая признавали его наличие, а аристотелевская, и особенно стоическая — отрицали. *Е.В. Приходько* (МГУ) в докладе «Черепаша побеждает в беге ворона, или об истоках Δ-стиха алфавитного оракула из Тимбриад» рассмотрела каменный блок с вырезанным на нем алфавитным оракулом (II–III в. н. э.), который был найден в 1972 г. К. Бришем на территории святилища Матери богов Вегины и речного бога Эвримедонта, принадлежавшего городу Тимбриады. В докладе показано, что создатель текста определенно переводил на древнегреческий язык местную поговорку и, хорошо подбирая слова, калькировал с писидийского языка их принцип соединения.

Значительное число выступлений было посвящено вопросам рецепции античной литературы. В докладе «Григорий Богослов и Макарий Египетский в восприятии митрополита Московского Филарета и А.С. Пушкина» *Д.П. Ивинский* (МГУ) обсудил возможности рассмотрения стихотворной «переписки» поэта и митрополита в сложном контексте ряда стихотворений святителя Григория Богослова и «слов» преподобного Макария, преимущественно тех, которым придавалось особое значение в русской мистической литературе 1780–1820-х годов. *Т.В. Пентковская* (МГУ) в докладе «Воскресные проповеди Петра Скарги в церковнославянском переводе Чудовского книжного круга: промежуточные итоги лингвотекстологического изучения» изложила предварительные итоги изучения церковнославянского перевода воскресных проповедей Петра Скарги, входящих в сборник текстов, посвященных основанному им в Кракове в 1584 г. Братству милосердия. При работе над пропове-

дями, помимо собственно польского оригинала, привлекались дополнительные источники на церковнославянском и греческом языках. Это были преимущественно печатные издания, которые использовались чудовскими книжниками, в частности, при работе над Библией 1663 года и Новым Заветом. Часть этих источников находилась в келейной библиотеке Евфимия Чудовского, который долгое время был к тому же справщиком Московского печатного двора и, в частности, редактировал Шестоднев 1665 г. с переводами Епифания. Целью привлечения этих книг было сближение переводного текста с традиционной (канонической) церковнославянской книжностью при возможной его подготовке к печати. Доклад *А.А. Солоповой* «Трансформация античного сюжета в визуальный нарратив (на примере “Икара” М. Фьора)» был посвящен рецепции мифа о Дедале и Икаре на материале «Метаморфоз» и «Науки любви» Овидия в графическом романе итальянского художника, автора комиксов и иллюстратора Мануэле Фьора (род. в 1975 г.) «Икар». Был представлен анализ возможностей взаимодействия текста и визуального ряда в обработке данного мифа и их использование Фьором. Восприятию античной культуры в русской литературе были посвящены доклады *Е.П. Литинской* (ПетрГУ) «Феномен “эллинизма” М. Кузмина: лингвистический аспект» и *О.М. Савельевой* (МГУ) «Еще раз об отражении греческого мифа в поэзии Серебряного века (В. Брюсов, М. Цветаева)».

Актуальные вопросы преподавания классических дисциплин и методологии науки обсуждались в четырех выступлениях. Они были освещены в приветственном слове академика *Н.Н. Казанского* (ИЛИ РАН), в сообщении *М.Н. Славятинской* (МГУ) «О себе», а также в докладе *А.Ю. Гришина* и *И.В. Тресоруковой* (МГУ) «Методика преподавания новогреческого языка на отделении классической филологии». Опыт многолетней работы замечательного латиниста и выдающегося педагога *Л.П. Поняевой* рассмотрел *И.С. Тимофеев* (МГУ) в докладе «Методика работы филолога-классика: Л.П. Поняева и преподавание Лукреция».

В докладе *Ф.В. Шелова-Коведяева* (ВШЭ) «Топоним Μυρμιρκιον и μυρμιρκιον: опыт работы со словарем Лидделла-Скотта-Джонса» были затронуты проблемы античной топонимии и этимологии классических языков.

Один доклад был посвящен античной эпиграфике. *А.Д. Леонович* (МГУ) в сообщении «Богиня *Minerua Rudupia*: проблемы этимологии и культурно-религиозной интерпретации (по данным новой надписи из Оксфордшира)» рассмотрела вотивную надпись II в. н. э., найденную в Оксфордшире и опубликованную в 2024 г., с посвящением *Deae Mineruae Rudupiae*. Основное внимание уделено интер-

претации ранее неизвестного теонима *Rudupia*: наиболее убедительной представляется его связь с пракельтским корнем *rud-* «красный, ржавый», что позволяет трактовать эпитет как имя локального божества, связанного со спецификой природной среды (железистая вода, источник, почва) и включенного в римскую религиозную систему через отождествление с Минервой при сохранении местной культовой специфики.

К области сравнительного литературоведения относится доклад *Н.А. Ганиной* (МГУ) «Беовульф» и гомеровский эпос: грани проблемы», который был посвящен проблеме параллелей между древнеанглийской поэмой «Беовульф» и гомеровским эпосом. Современное состояние индоевропеистики и диахронической германистики позволяет дать оценку примеров, обобщенных в работе предшествующих исследователей, и выявить новые факты, объясняемые типологическим и генетическим сходством древнегерманских и гомеровских эпических топосов в индоевропейской ретроспективе.

Вопросы новолатинской литературы были затронуты в докладе *Т.Г. Давыдова* (МГУ, МФТИ) «Иоанн Понтан — эразмианец до Эразма?», который был посвящен итальянскому гуманисту Иоанну Иовиану Понтану и его программному трактату «*De aspiratione*» (1481). Докладчик проанализировал научный метод Понтана, блестящего фонетиста, который в целях установления *recta pronuntiatio* проявил невероятную ученость и, в частности, использовал материал новоевропейских языков. Однако наряду с другими «эразмианцами до Эразма» (среди которых Антоний Лебрийский (де Небриха), Альд Мануций, Иероним Алеандр) Понтан оказался стерт из традиции возобладавшем впоследствии представлением об Эразме Роттердамском как первопроходце в этой области.

На конференции не остались без внимания проблемы богословской терминологии и истории богословской мысли. Они нашли отражение в докладе *игумена Дионисия (Шлёнова)* (МДА) «Православное толкование Ареопагитского термина $\theta\epsilon\alpha\nu\delta\rho\iota\kappa\acute{o}\varsigma$ на Латеранском соборе 649 г.».

Истории античной философии был посвящен доклад *А.Л. Верлинского* (ИЛИ РАН, ВШЭ) «Платоновская критика письменной (и устной) формы передачи знания в «Федре» и Седьмом письме». В докладе доказывается, что вопреки сомнениям в подлинности Седьмого платоновского письма (в последнее время в особенности в книге М. Берниета и М. Фреде) критические высказывания в этом письме о недостатках письменного изложения философского учения об идеях вполне соответствуют подобному же отношению Платона, высказанному устами Сократа в «Федре». Платон отдает предпочтение устному диалектическому процессу познания идеи любой

вещи, в виде беседы в форме вопросов и ответов, который является одновременно и наилучшим способом обучения в области философского познания.

Конференция собрала широкую аудиторию слушателей: студентов, аспирантов и преподавателей из различных городов нашей страны и из-за рубежа. В рамках конференции был представлен юбилейный сборник статей к 60-летию заведующего кафедрой классической филологии А.И. Солопова, вышедший в декабре 2025 г. Фотоотчет о конференции и видеозапись можно найти в социальных сетях кафедры классической филологии МГУ.

ОБ АВТОРАХ

Алексей Иванович Солопов — д.ф.н., доцент, заведующий кафедрой классической филологии филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; scatebr@mail.ru

Екатерина Владимировна Антонец — д.ф.н., доцент, доцент кафедры классической филологии филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; evantonetz@yandex.ru

ABOUT THE AUTHORS

Alexei I. Solopov — Prof. Dr., Associate Professor, Head of the Department of Classics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; scatebr@mail.ru

Ekaterina V. Antonets — Prof. Dr., Associate Professor, Department of Classics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; evantonetz@yandex.ru

**II МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«ЯЗЫК, КУЛЬТУРА, ТВОРЧЕСТВО
В ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНОМ ИЗМЕРЕНИИ:
ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ»,
ПРИУРОЧЕННАЯ К 95-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
ПРОФЕССОРА В.Н. ТЕЛИЯ**

И.В. Зыкова

Институт языкознания РАН, Москва, Россия; irina_zykova@iling-ran.ru

В.В. Красных

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; victoryvk@gmail.com

А.А. Липгарт

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; a_lipgart@mail.ru

Аннотация: Статья представляет II Международную научную конференцию «Язык, культура, творчество в трансдисциплинарном измерении: традиции и новации», которая прошла 24–26 октября 2025 г. в г. Минске (Белоруссия) и была приурочена к 95-летию со дня рождения проф. В.Н. Телия. Статья содержит краткий обзор широкого круга проблем современной лингвистики, фразеологии, лингвокультурологии, новейших технологий в лингвокультурологических исследованиях, ставших предметом обсуждения в пленарных и секционных докладах.

Ключевые слова: лингвокультурология; В.Н. Телия; язык и культура; фразеология; прагматика; лингвокреативность; трансдисциплинарность; текст; дискурс; картина мира; корпусная лингвистика; IT-технологии

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2026-49-03-18

Для цитирования: Зыкова И.В., Липгарт А.А., Красных В.В. II Международная конференция «Язык, культура, творчество в трансдисциплинарном измерении: традиции и инновации» // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2026. № 3. С. 213–219.

II INTERNATIONAL SCIENTIFIC CONFERENCE LANGUAGE, CULTURE, CREATIVITY IN TRANSDISCIPLINARY DIMENSIONS: TRADITIONS AND INNOVATIONS

Irina V. Zykova

*Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia;
irina_zykova@iling-ran.ru*

Victoria V. Krasnykh

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; victoryvk@gmail.com

Andrey A. Lipgart

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; a_lipgart@mail.ru

Abstract: The article presents the II International conference *Language, Culture, Creativity in a Transdisciplinary Dimension: Traditions and Innovations*, which took place on October 24–26, 2025 in Minsk (Belarus) and was dedicated to the 95th anniversary of the birth of prof. V.N. Teliya. The article contains a brief overview of a wide range of problems of modern linguistics, phraseology, linguoculturology, the latest technologies in linguocultural studies, which became the subject of discussion in plenary and sectional reports.

Keywords: linguoculturology; V.N. Teliya; language and culture; phraseology; pragmatics; linguistic creativity; transdisciplinarity; text; discourse; picture of the world; corpus linguistics; IT technologies

For citation: Zykova I., Lipgart A., Krasnykh V. (2026) II International Scientific Conference *Language, Culture, Creativity in Transdisciplinary Dimensions: Traditions and Innovations*. *Lomonosov Philology Journal*, no. 3, pp. 213–219.

1 ноября 2025 года — юбилейная дата: 95 лет со дня рождения доктора филологических наук, профессора **Вероники Николаевны Телия** (1930–2011).

Вероника Николаевна Телия проработала в Институте языкознания РАН почти полвека, с 1963 г. по 2011 г. Мы помним ее как яркую личность, показавшую высочайшую, сверкающую бриллиантовой россыпью идей вершину филологической и философской мысли, как блистательного ученого — одновременно и классика, и новатора, создавшего прочную опору и благодатную почву для новых научных теорий и методологий, как удивительно красивую женщину, которой коллеги посвящали вдохновенные стихи и строки в прозе.

Вероника Николаевна — крупный ученый в области теории языка, ведущий специалист в области номинации, семантики и праг-

матики языковых единиц, признанный классик в области общей и русской фразеологии. Она разработала фундаментальные методологические основы лингвокультурологии как самостоятельной научной дисциплины и на протяжении многих лет была бессменным руководителем, «душой» московской лингвокультурологической школы, которая со временем перешагнула границы не только Москвы, но и России: сегодня научные наследники и единомышленники В.Н. Телия работают в разных городах России и в других странах — в Белоруссии, Бразилии, Германии, Казахстане, Испании, Италии, Китае, Польше, Словакии, Турции, Украине, Хорватии и др., о чем свидетельствует, в том числе, сборник научных статей «Язык, культура, творчество: Мировые практики изучения», изданный в 2020 г. к 90-летию В.Н. Телия совместно Институтом языкознания РАН, филологическим факультетом МГУ имени М.В. Ломоносова и Школой международного перевода Университета имени Сунь Ятсена¹.

В 2021 г. в Минске прошла I Международная конференция «Язык, культура, творчество в трансдисциплинарном измерении: традиции и инновации», приуроченная к 90-летию со дня рождения В.Н. Телия (из-за пандемии на год позже) и к 100-летию Белорусского государственного университета².

В 2025 г. Веронике Николаевне, ее юбилейной дате — 95-летию — была посвящена и II Международная научная конференция «Язык, культура, творчество в трансдисциплинарном измерении: традиции и инновации». Как и в 2021 г., конференция была организована филологическим факультетом Белорусского государственного университета, Институтом языкознания РАН и филологическим факультетом Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова и проходила в Минске с 24 по 26 октября 2025 г. Конференция явилась важным событием, свидетельствующим о непрекращающемся и постоянно развивающемся научном сотрудничестве ученых, крупных научных центров и ведущих университетов разных стран: она объединила широкий круг ученых и исследователей, работающих в разных направлениях лингвистики и являющихся представителями 57 учреждений высшего образования и науки из 24 городов России и других стран. В работе конференции

¹ Язык, культура, творчество: Мировые практики изучения: Сб. науч. ст. к 90-летию профессора Вероники Николаевны Телия / Отв. ред. И.В. Зыкова, В.В. Красных. М.: Гнозис, 2020 год. 719 с.

² См. подробнее: Красных В.В. Международная конференция «Язык, культура, творчество в трансдисциплинарном измерении: традиции и инновации» // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2023. № 1. С. 206–211.

приняли участие 165 ученых и исследователей из России и Беларуси, Испании, Нидерландов, Омана, Казахстана, Китая, Франции. 75 % участников являются докторами и кандидатами наук; 25 % — аспиранты и начинающие исследователи.

Конференция проходила в смешанном, очно-дистанционном формате. На торжественном открытии конференции с приветственным словом к участникам выступили: проректор по научной работе Белорусского государственного университета *Андрей Викторович Блохин*, заместитель директора по научной работе Института языкознания РАН *Андрей Владимирович Сидельцев*, и.о. декана филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова *Андрей Александрович Лингарт*, декан филологического факультета Белорусского государственного университета *Сергей Александрович Важник*, декан факультета русского языка и литературы Пекинского университета *Чжоу Хайянь*.

Пленарные доклады были прочитаны ведущими специалистами России, Белоруссии, Франции и Испании. В докладах освещались различные аспекты связанных значений в фразеологических единицах и коллокациях и актуальные проблемы их функционирования как знаков языка и культуры в разных типах дискурса (*Беляевская Е.Г.* «Фреймовая структура фразеологического значения»; *Гутовская М.С.* «Культурно маркированная фразеология и большие языковые модели»; *Зыкова И.В.* «Фразеология и прагматика: о подходе В.Н. Телия и изучении в полимодальном дискурсе»; *Марти Солано Р.* «A Case for Multilingual Contrastive Phraseology»; *Важник С.А.* «Диктум и модус футбольного репортажа: коллокации с компонентом «гол» и их текстовые аналоги); проблемы лингвокреативности (*Демьянков В.З.* «Количественные и качественные параметры креативности»); общефилологические и лингвофилософские проблемы (*Гусман Тирадо Р.* «Сравнительная грамматика русского и испанского языков»; *Мечковская Н.Б.* «С чем сравнить фонему, модальность и судьбу языка? (образные представления в лингвистическом исследовании)»; *Чернейко Л.О.* «Реконструкция речевой картины мира в свете концепции языковой картины мира»), в том числе вопросы «живодействующей связи», как говорила В.Н. Телия, языка и культуры (*Мёд Н.Г.* «Прецедентные феномены как трансляторы культурной памяти (на материале фразеологии романских языков)»; *Красных В.В.* «Психолингвокультурология в современной научной парадигме»).

Проблематика конференции была составлена с учетом широкого круга научных интересов Вероники Николаевны Телия и вопросов,

находящихся в центре внимания современной лингвистики, что нашло отражение в тематике 11 секционных заседаний: *секция 1.* — подсекция 1.1. Теоретико-методологические проблемы изучения взаимосвязи языка, культуры, образа мира, человека говорящего; подсекция 1.2. Язык и культура в полимодальной коммуникации: актуальные проблемы и пути их решения; *секция 2.* — подсекция 2.1. Междисциплинарные подходы к изучению фразеологии и паремиологии; подсекция 2.2. Семиотика культуры язык: формы их взаимодействия в тексте, дискурсе, коммуникации; *секция 3.* Лингвистическая креативность в полидискурсивном пространстве современного социума; *секция 4.* Образ, метафора, символ в художественном творчестве; *секция 5.* Прагматика и методы корпусной лингвистики: расширение границ познания языков и культур; *секция 6.* Современные IT-технологии и прикладные аспекты изучения языка и культуры; *секция 7.* Универсальное *vs* культурно специфическое в языке и дискурсивных практиках; *секция 8.* Язык и культура в полимодальной коммуникации; *секция 9.* Междисциплинарные подходы к изучению лексики и фразеологии; *секция 10.* Функциональная и прикладная лингвокультурология; *секция 11.* Язык, текст, дискурс в свете лингвокультурологии и прагматики.

Наибольшее количество докладов участников конференции было посвящено изучению универсальных и культурно специфических явлений в разных языках и способов креативного использования разнообразных языковых средств в разных типах дискурса, установлению того, как возникающие новации влияют на развитие языковой системы, способствуют ее стабилизации или, напротив, приводят к ее дестабилизации. Предметом активных обсуждений также стали представленные участниками результаты междисциплинарных исследований фразеологии и паремиологии, мультимодальных исследований коммуникации и исследований лингвокультурных особенностей прагматики речи. Крайне любопытные результаты исследований, освещенные в докладах, были получены участниками конференции в ходе изучения механизмов интерпретации текстов человеком и искусственным интеллектом, использования цифровых технологий, нейротехнологий, технологий ИИ в лингвокультурологических исследованиях. Конструктивные дискуссии вызвали доклады, посвященные новым возможностям изучения языковых средств за счет использования больших языковых моделей, новые данные в области диалектологии, территориального, социального и профессионального варьирования языков, функционирования языка в условиях многоязычия. Также обсуждались проблемы, связанные с изучением русского жестового языка (в

частности, с созданием словарей), вопросы создания и использования корпусов текстов для проведения лингвокультурологических исследований, диахронического и синхронического изучения культурно маркированных языковых явлений.

Внимания заслуживает разнообразие языкового материала. Помимо русского языка, научный интерес к которому был максимальным, участники конференции представили теоретически значимые лингвистические данные, выявленные на материале белорусского, английского, арабского, греческого, испанского, итальянского, китайского, немецкого, португальского, французского и японского языков, а также языков Северного Кавказа. В ряде докладов освещались результаты изучения сантомийских креольских языков. Интересны контрастивные исследования, проведенные на таких языковых парах, как русский и белорусский, русский и китайский, русский и итальянский, русский и английский, русский и французский, русский и греческий.

В целом, следует отметить активный интерес к предложенным для обсуждения на конференции вопросам и проблемам, к исследованию которых главной вдохновляющей силой стали научные труды Вероники Николаевны Телия.

Тезисы докладов (на русском, белорусском и английском языках) опубликованы в сборнике «Язык, культура, творчество в трансдисциплинарном измерении: традиции и инновации: тезисы докладов II Международной научной конференции, приуроченной к 95-летию со дня рождения проф. В.Н. Телия, Минск, 24–26 окт. 2025 г.»³ и размещены в Электронной библиотеке Белорусского государственного университета, а также представлены в библиотеке РИНЦ: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=83087134>.

ОБ АВТОРАХ

Ирина Владимировна Зыкова — д.ф.н., доцент, ведущий научный сотрудник отдела теории и практики коммуникации имени Ю.С. Степанова Института языкознания РАН; irina_zykova@iling-ran.ru

Виктория Владимировна Красных — д.ф.н., доцент, профессор кафедры общей теории словесности филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; victoryvk@gmail.com

³ Язык, культура, творчество в трансдисциплинарном измерении: традиции и инновации = Language, Culture, Creativity in Transdisciplinary Dimensions: Traditions and Innovations: тез. докл. II Междунар. науч. конф., приуроч. к 95-летию со дня рождения проф. В.Н. Телия. Минск, 24–26 окт. 2025 г. Минск: БГУ, 2025. 351 с.

Андрей Александрович Липгарт — д.ф.н., профессор, и.о. декана филологического факультете МГУ имени М.В. Ломоносова; a_lipgart@mail.ru

ABOUT THE AUTHORS

Irina V. Zykova — PhD, DrSc, Docent, Leading Researcher of Yuri Stepanov Department for Theory and Practice of Communication at the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences; irina_zykova@iling-ran.ru

Victoria V. Krasnykh — PhD, DrSc, Docent, Professor at the Department of Discourse and Communication Studies, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; victoryvk@gmail.com

Andrey A. Lipgart — PhD, DrSc, Professor, Acting Dean of the Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; a_lipgart@mail.ru

РЕЦЕНЗИИ

**ОТ ГЁЛЬДЕРЛИНА ДО ЭЛИОТА: ПОЭЗИЯ В ПОИСКАХ
СОПРИЧАСТНОСТИ БЫТИЮ. Рецензия на книгу:
TAYLOR, CHARLES. COSMIC CONNECTIONS. POETRY
IN THE AGE OF DISENCHANTMENT. Cambridge,
Massachusetts; London, England: The Belknap Press of Harvard
University Press, 2024. 620 p.**

Н.К. Полосина

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; NETalie@yandex.ru*

Аннотация: Рецензент высоко оценивает подход к прочтению западно-европейской поэзии XIX–XX вв., предложенный в новой книге англоязычного канадского философа, антрополога и религиоведа Ч. Тейлора «Космические связи. Поэзия в расколдованном мире» (2024). Подход основан на расширении представлений о романтизме, включающем, таким образом, явления поэзии с рубежа XVIII–XIX вв. до символизма и модернизма; автор понимает романтизм как дерзновенное личное мифотворчество, которое своеобразно компенсирует неудовлетворенность «инструментальной рациональностью» («разочарованным миром» М. Вебера) и претендует на создание поэтического видения космоса, пронизанного идеей целесообразности и органически связывающего человеческое и природное, естественное и сверхъестественное. Рецензент полагает, что ряд вопросов, в частности предложенная периодизация «большого романтизма» и подбор имен, могут быть предметом продуктивной дискуссии.

Ключевые слова: романтизм; символизм; модернизм; западноевропейская поэзия; разочарование; мифотворчество; поэтический космос

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2026-49-03-19

Для цитирования: Полосина Н.К. От Гёльдерлина до Элиота: поэзия в поисках сопричастности бытию. Рецензия на кн.: Taylor, Charles. Cosmic Connections. Poetry in the Age of Disenchantment. Cambridge, Massachusetts; London, England: The Belknap Press of Harvard University Press, 2024. 620 p. // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2026. № 3. С. 220–224.

FROM HÖLDERLIN TO ELIOT: POETRY IN SEARCH OF COMMUNION WITH BEING. Рецензия на книгу: TAYLOR, CHARLES. COSMIC CONNECTIONS. POETRY IN THE AGE OF DISENCHANTMENT. Cambridge, Massachusetts; London, England: The Belknap Press of Harvard University Press, 2024. 620 p.

Nataliia K. Polosina

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; NETalie@yandex.ru

Abstract: The reviewer gives a highly favourable account of the approach to reading Western European poetry of the 19th and 20th centuries that is proposed in the new book by C. Taylor, an English-speaking Canadian philosopher, anthropologist and religious scholar. The approach is based on stretching the notion of Romanticism from the turn of the 18th and 19th centuries to Symbolism and Modernism within the general framework Romanticism as ambitious personal myth-making. It compensates for the dissatisfaction with “instrumental rationality” (M. Weber’s “disenchanted” world) and aims at creating a poetic vision of a meaningful cosmos that maintains organic connections between man and nature, the natural and the supernatural. The reviewer suggests that there is a number of issues open for fruitful discussion, such as the chronology of the “long Romanticism” and the choice of authors.

Keywords: Romanticism; Symbolism; Modernism; disenchantment; Western European poetry; myth-making; poetic cosmos

For citation: Polosina N.K. (2026) From Hölderlin to Eliot: Poetry in Search of Communion with Being. Taylor, Charles. Cosmic Connections. Poetry in the Age of Disenchantment. Cambridge, Massachusetts; London, England: The Belknap Press of Harvard University Press, 2024. 620 p. *Lomonosov Philology Journal*, no. 3, pp. 220–224.

«Космические связи. Поэзия в расколдованном мире» — новая книга англоязычного канадского философа, антрополога и религиоведа Чарлза Тейлора, известного российскому читателю по переводу книги «Секулярный век» (2007; перевод на русский язык — 2017), посвящена западноевропейской поэзии XIX–XX вв. «Связи» (connections) в заглавии книги характеризуют «космос» как философское понятие, т. е. представление об осмысленной организации мира, которая имеет онтологические, эстетические, но прежде всего этические основания, поддерживая веру в оправданность и целесообразность человеческой жизни. Выстраивание системы отношений и ценностей в процессе обживания космоса для Тейлора как антрополога — это базовая потребность человека; как историк он интересуется ее изменчивостью во времени и пространстве культуры. Эта двойная перспектива отражена в названии книги, где

говорится о поэзии как таковой; непосредственный предмет исследования составляет поэзия конкретной исторической эпохи — эпохи романтизма, которая для Тейлора простирается от Йены 1790-х годов и раннего У. Уордсворта до «Четырех квартетов» Т.С. Элиота. Главные герои его книги — Ф. Гёльдерлин, Новалис, У. Уордсворт, П.Б. Шелли, Д. Китс, Дж.М. Хопкинс, Р.М. Рильке, Ш. Бодлер, С. Малларме, Т.С. Элиот. Романтизм, понимаемый в столь широкой полуторавековой перспективе, отмечен, во-первых, кризисом веры в установленный порядок космических взаимосвязей и, во-вторых, сверхзадачами, которые берет на себя поэзия, выполняя по существу религиозную функцию.

Кризис веры Тейлор связывает с отчуждением человека от природы, которое является прямым следствием утверждения научного типа мышления — «инструментальной рациональности», направленной на каузальное объяснение природы с целью ее использования и подчинения. Отсюда вынесенное в заглавие книги веберовское понятие “disenchantment” (Entzauberung), буквально «расколдовывание» (или «раз-очарование») мира, превращенного в объект, отделенный от мыслящего субъекта, в материю, движимую рационально постижимыми законами. Романтиков не удовлетворяет не только механистическая картина мира, но и связанное с ней рационалистическое отношение к языку как инструменту сообщения и систематизации знания, обоснованное в трудах Гоббса, Локка и Кондильяка. Стремясь к тому, чтобы заново «зачаровать» мир, романтики создают космос, наделенный чертами бесконечного, сверхъестественного, невыразимого, т. е. теми или иными формами трансценденции, которые должны найти адекватное выражение в языке. Исключительные возможности подобного выражения представляет новая концепция языка Гаманна — Гердера — Гумбольдта, питающая не только романтические теории символа (Гёте, Шеллинг, братья фон Шлегель), но и саму поэтическую практику.

Романтизм, таким образом, выступает как некое особое качество, которое приобретает поэзия в «расколдованном» мире. Тейлор предлагает определенную периодизацию. Ранний романтизм вдохновляется представлениями о космосе, освященными традицией и имеющими выраженную пространственную доминанту — универсальный порядок, организующий божественное и человеческое, естественное и сверхъестественное. Таков пантеон Гёльдерлина, соединяющий языческие и христианские черты; всепроникающая одухотворенная сила у Уордсворта («движение и дух, что направляет / Все мыслящее, все предметы мыслей, / И все пронизывает», пер. В. Рогова); привлекавшая Новалиса, Бодлера и других романтиков изощренная мистика «соответствий» между макрокосмосом и микро-

космом; понятие “inscape” («внутренней формы») Хопкинса, основанное на учении о форме Аристотеля и Фомы Аквинского. Тейлор настаивает, что романтики (речь идет именно о творчестве, а не о биографии) не реставрируют традиционные формы религиозного мировоззрения, а используют их как источник индивидуального мифотворчества, занимая позицию «эпистемологического отступления» (epistemic retreat) — неопределенности, умолчания, а не веры. Эта позиция становится более выраженной у поздних романтиков, для которых сопричастность космосу уже не может быть в полной мере гарантирована тем или иным универсальным порядком, каким бы неортодоксальным он ни был. В их мифотворчестве Тейлор подчеркивает временную доминанту — им необходимо личное переживание полноты бытия здесь и сейчас, чья интенсивность прямо зависит от сознания скоротечности момента «эпифании». Эта линия проходит от экстатической «влюбленности в смерть» при пении соловья у Китса и сатанинской скуки Бодлера, которая оттеняет эпизоды «воспарения», до образов «вечного настоящего» в «Квартетах» Элиота.

Книга Тейлора заслуживает внимания читателя уже тем, что предлагает серьезный разговор о философии поэзии в западной литературе — к сожалению, за годы ревизии канона, поворотов теории в ту или иную междисциплинарную сторону подобные книги стали редкостью. Из актуальных направлений, в которых ищет себя современная гуманитарная теория, книгу можно связать с экокритикой (Eco criticism). Тейлор полагает, что романтический космос с его поиском «соответствий» и «эпифаний» найдет отклик у человека, живущего в атомизированном обществе глобализированной цивилизации и ностальгирующего по органичности и осмысленности взаимосвязей. Следует отметить, впрочем, что актуальность подобного рода скорее декларируется, чем выводится непосредственно из литературного анализа: последняя, шестая глава книги представляет собой социологический очерк этического развития человечества, из чего читатель должен делать самостоятельные выводы об отношении романтической поэзии «к истории и к настоящему» (именно так называется эта глава).

Весьма интересна сама расширенная концепция романтизма, которую предлагает Тейлор: романтизм фактически вырастает до масштабов «долгого» XIX века под знаком квазирелигиозной веры в реальность творчества, основанного на личной интуиции, откровении. Этому посвящены ныне классические исследования М.Х. Эйбрамса, Д. Хартмана, Х. Блума, Ф. Кермоуда, П. де Мана, П. Бенишу, Ж.-Л. Нанси и Ф. Лаку-Лабарта. Подобная трактовка романтизма присуща русской гуманитарной мысли на рубеже XIX–XX веков

(В.М. Жирмунский, А.А. Блок, В.В. Вейдле); получила она развитие и в трудах современных исследователей (В.М. Толмачёв, О.А. Седакова). Возникает вопрос, что в данном случае является оригинальным вкладом Тейлора — например, предложенная периодизация? Получается, что «ранний романтизм» в его понимании соотносится с тем, что принято называть романтизмом в более узком, историко-литературном смысле слова (период 1790–1830-х годов), а «поздний романтизм» — соответственно, с символизмом и модернизмом конца XIX — первой трети XX века. Однако выбранный критерий — противопоставление пространственной и временной доминанты — едва ли можно считать надежным. Можно ли не учитывать веру Уордсворта в спасительную силу «мест времени» (spots of time)? Или однозначно согласиться с тем, что «современниками» Бергсона, благодаря которому в «позднем романтизме» происходит эстетизация обостренного переживания необратимого времени, оказываются не только Бодлер, но и Китс?

Есть вопросы и по подбору имен: почему в изложении Тейлора мифотворчество Гёльдерлина заслуживает целой главы, а не менее оригинальное мифотворчество его старшего современника У. Блейка — лишь нескольких замечаний мимоходом? Не вполне объяснима внутренней логикой и лакуна на месте американского материала (Элиот в книге предстает скорее как европейский поэт), за исключением краткого экскурса о трансцендентализме (в прозе). Удивительнее всего, что отсутствует «Уолт Уитмен, космос, сын Манхэттена» (пер. К. Чуковского) — дело не только в знаменитой самохарактеристике, но и в том, что динамичное видение социального и природного космоса, очевидно, находится в центре творческих интересов американского поэта.

Ряд спорных моментов не умаляет значения книги Тейлора, но показывает, что дискуссия о романтической поэзии и ее философских запросах открыта и продуктивна.

ОБ АВТОРЕ

Наталья Кирилловна Полосина — к.ф.н., старший преподаватель кафедры истории зарубежной литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; NETalie@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Nataliia K. Polosina — PhD, Senior Teaching Fellow, Department of History of Foreign Literature, Lomonosov Moscow State University; NETalie@yandex.ru

ISSN 0130-0075

ISSN для электронной версии 2949-2688 от 02.05.2023

ВЕСТН. МОСК. УН-ТА. СЕР. 9. ФИЛОЛОГИЯ. 2026. № 3. 1–224.

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации Российской Федерации.

Свидетельство о регистрации № 1555 от 14 февраля 1991 г.